

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИТТСПИ

45 лет историческому факультету

2021 № 4

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

2021

№ 4

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by Nizhny Tagil
State Social Pedagogical
Institute (NTSSPI)

2021

NUMBER FOUR

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Члены редколлегии

Андерсон Ричард, доктор философии (PhD), профессор политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) РГППУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) РГППУ

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University

Editorial Board

Anedrson Richard, PhD, Professor of Political Science in University of California in Los Angeles.

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement, Russian State Vocational Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Ryzhkova O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

Рыжкова О. В.

Предисловие. 45 лет историческому факультету НТГСПИ 8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Захаровский Л. В., Разинков С. Л.

Проблема межрегиональных перевозок призывников
государственных трудовых резервов в 1940 – нач. 1950-х гг.
(на материалах Свердловской области)... 11

Зыкин И. В.

Соцгород Краснокамск: реконструкция застройки
1930-х гг. с помощью Интернет-сервисов..... 30

Кайдышева Н. Н.

Организация помощи детям в Пермской губернии
в годы Первой мировой войны..... 43

Кириллов В. М.

Отражение истории политических репрессий
в публикациях периодической печати Урала (1928-1939 гг.)..... 56

Морева О. В.

Читательские интересы представителей рода Злоказовых..... 76

Мочалова Н. Ю.

Архаичность и новизна современного мифомышления..... 87

Неклюдов Е. Г.

Уральские горнозаводчики XVIII – начала XX в.:
значительные роды..... 99

Олешкова А. М.

Механизмы дискурсивной
идентификации в медиадискурсе..... 121

Информация для авторов..... 134

CONTENTS

Ryzhkova O. V.

Foreword. 45th Anniversary of History Department of NTSSPI..... 8

SOCIAL SCIENCES

Zakharovsky L. V., Razinkov S. L.

Landscaping in the urban planning policy
of the Soviet state during the first five-year plans..... 11

Zykin I. V.

Socialist city Krasnokamsk:
reconstruction buildings of 1930s
using Internet services..... 30

Kaidysheva N. N.

Organization of child support in Perm province
during the First World War..... 43

Kirillov V. M.

Reflection of the history of political repressions
in the publications of the periodicals
of the Urals (1928-1939)..... 56

Moreva O. V.

Reading interests of the Zlokazov family 76

Mochalova N. Yu.

Archaism and novelty of modern myth-thinking 87

Neklyudov E. G.

Ural factory owners of the 18th – early 20th century:
significant families..... 99

Oleshkova A. M.

Means of identification in media discourse..... 121

Submission Guidelines..... 134

ПРЕДИСЛОВИЕ. 45 ЛЕТ ИСТОРИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ НТГСПИ

О. В. Рыжкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
olimp_a49@mail.ru

Круглая или юбилейная дата в истории факультета, вуза – хороший повод для выпуска юбилейного научного сборника. В 2021 году социально-гуманитарный факультет Нижнетагильского государственного социально-педагогического института отметил свое 45-летие, что и стало поводом пригласить на страницы возрожденного журнала «Ученые записки» преподавателей и выпускников факультета.

История факультета началась еще в учительском институте, созданном в 1939 г. Первый выпуск состоялся в трагическом для нашего народа июне 1941-го. Истфак Нижнетагильского учительского института (НТУИ) просуществовал до 1952 г. и был закрыт «в связи с отсутствием в области вакансий для учителей истории».

Возрождение факультета случилось летом 1976 года, когда на первый курс дневного отделения были приняты 50 чел. Подготовка студентов планировалась и осуществлялась до 1984 года по профессионально-образовательной программе «история – английский язык» с присвоением выпускнику квалификации «учитель истории, обществоведения и английского языка». В 1981 году состоялся первый выпуск возрожденного исторического факультета.

За свои 45 лет (если отчет вести с 1976 года) факультет не раз менял свое название, структуру, направления и профили подготовки. Был он и Социально-гуманитарным институтом (СГИ), и Социально-экономическим факультетом (СЭФ). С 2013 года факультет носит название социально-гуманитарного факультета в составе Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета (СГФ НТГСПИ (ф) РГППУ). На двух кафедрах СГФ работают 17 преподавателей, среди них два доктора наук и 15 кандидатов наук. На факультете действуют научные лаборатории исторической информатики и археологии, включенные в общую структуру вуза, проблемные творческие группы студентов.

Факультет всегда отличался своими научными достижениями. Труды не только многих преподавателей, но и выпускников высоко оценены научной общественностью. Факультет выступил организатором нескольких

научных конференций: «Тагильский край в панораме веков», «История репрессий», «Немцы в истории России», «Ното legens в прошлом и настоящем», «Город, социум, среда: история и векторы развития», «Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания» и др. В 2003 году была открыта аспирантура по специальности «отечественная история» под руководством профессора В. М. Кириллова.

Более 40 выпускников факультета защитили диссертации на соискание ученых степеней, среди них четыре доктора наук (Л. В. Сапоговская, Е. Г. Неклюдов, Э. В. Будаев, А. В. Уткин).

На факультете сложилась традиция отмечать дни рождения факультета. Свое 20-летие исторический факультет отметил встречей с выпускниками, КВНом и выпуском сборника воспоминаний преподавателей и студентов [Исторический, 1996].

Четверть века плодотворной работы на ниве высшего гуманитарного образования факультет встретил, издав специальные выпуски историко-краеведческого альманаха «Тагильский вестник» и сборника «Ученые записки», в которых содержались исторические очерки как о факультете в целом, так и о его структурных подразделениях – кафедрах [Исторический, 2001; Ганиев, Рыжкова, 2002; Послесловие, 2001].

30-летию образования факультета был посвящен очередной выпуск «Ученых записок», в который вошли статьи по актуальным проблемам истории и обществознания. Его авторами являлись преподаватели, студенты и аспиранты социально-гуманитарного института, ставшего преемником исторического факультета, а также коллеги из других вузов уральского региона. Специально для этого сборника Е. Г. Неклюдовым был подготовлен список научных и научно-методических публикаций преподавателей, сотрудников и аспирантов ИФ – СГИ [Ученые записки, 2006].

В 2011 году к 35-летию факультета был издан спецвыпуск «Ученых записок» [2011]. Долгие 10 лет «Ученые записки» не издавались. Тем более отрадно, что к 45-летию факультета вновь появилась возможность выпуска юбилейного сборника публикаций. Так как научные интересы выпускников факультета охватывают не только собственно историческую проблематику, юбилейный выпуск включает в себя публикации по широкому спектру вопросов общественных наук.

Список литературы

Исторический факультет Нижнетагильского государственного педагогического института (1976–1996). Сборник воспоминаний преподавателей и студентов / Под. ред. В. М. Кириллова. – Нижний Тагил, 1996. – 60 с.

Исторический факультет НТГПИ (1976–2001 гг.): проспект / Сост.: В. М. Кириллов ; отв. ред. А. М. Ганиев, О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил, 2001. 24 с.

Ганиев А. М., Рыжкова О. В. Четверть века в системе высшего образования // Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах / отв. ред. О. В. Рыжкова. – Вып. 2. – Нижний Тагил, 2002. – С. 7–11.

Послесловие. К 25-летию исторического факультета // Ученые записки Нижнетагильского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. Вып. 2 / Отв. ред. О. С. Поршнева. Нижний Тагил, 2001. С. 146–155.

Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. Е. Г. Неклюдов. – Нижний Тагил, 2006. – 224 с.

Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – 248 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 94(47).084.8

ПРОБЛЕМА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК ПРИЗЫВНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В 1940-НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Л. В. Захаровский

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
konung-75@mail.ru

С. Л. Разинков

Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
sergerazinkov@mail.ru

Аннотация. Авторы исследования на основе комплексного анализа большого массива источников, исходивших от центральных органов (прежде всего, Госплана СССР), ведомств, регионов, конкретных предприятий и учебных заведений исследовали опыт интеграции мобилизационных и экономических механизмов для обеспечения межрегиональных перевозок призывников государственных трудовых резервов, нацеленных на кадровое обеспечение приоритетных задач развития страны. Показано, каким образом вырабатывались общегосударственные планы, увязывавшие развитие территорий, отраслей и необходимых для этого образовательных учреждений, отмечена степень вовлеченности и мотивированности разных уровней управленческой системы в их решение, оценена эффективность реализовывавших их конкретных правовых, организационных, пропагандистских и контрольных инструментов, определены конкретные условия, влиявшие масштабы и направления переброски призванных для обучения.

Ключевые слова: Государственные трудовые резервы, призыв в учебные заведения, межрегиональные перевозки учащихся, эвакуация, Великая Отечественная война, Свердловская область, закрепляемость.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта «Адаптация региональной системы подготовки рабочих кадров к миграционным процессам (Свердловская область, 1920-1950-е гг.)» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-09-00396.

1. Введение

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что одним из преимуществ системы государственных трудовых резервов, по сравнению с предшествующими формами стационарной подготовки рабочих

кадров, являлась возможность направлять призывные контингенты для обучения в те регионы, которые рассматривались центральными плановыми органами в качестве приоритетных зон индустриального развития страны. Однако, до сих пор изучению межрегиональных перебросок призывников, как модернизационного инструмента не уделялось должного внимания даже в исследованиях, посвященных истории профессионально-технического образования в СССР.

Изучение советской стационарной системы подготовки рабочих кадров в русле теории модернизации имеет недавнюю историю. До сих пор преимущественно исследуются региональные аспекты становления и развития Государственных трудовых резервов. В настоящее время остаются актуальными вопросы подготовки рабочих кадров в период Великой Отечественной войны в региональном разрезе – исследования А. Силина [Силин, 2013], Ф. Драчикова [Драчиков, 2012], Г. Павленко [Павленко, 2015]. Наконец, система подготовки рабочих кадров как сложное явление/процесс в русле советской модернизационной парадигмы становится предметом исследования историков. Например, докторская диссертация П.К. Карманова [Карманов, 2000] посвящена рассмотрению системы профтехобразования в Восточной Сибири в контексте модернизационных процессов, а в научной монографии екатеринбургского историка Л. В. Захаровского [Захаровский, 2015] делается вывод о том, что система государственных трудовых резервов полностью соответствовала избранному варианту мобилизационной модернизации.

Одной из первых попыток специального освещения истории Государственных трудовых резервов в западной научной литературе являлись работы британского ученого М. Мэтьюса [Matthews, 1982], который предложил в целом удачную периодизацию истории системы государственных трудовых резервов: 1) 1940-1945 гг. – создание данной структуры и ее деятельность в годы второй мировой войны; 2) 1945-начало 1950-х гг. – бурное развитие системы государственных трудовых резервов, связанное с масштабным участием в послевоенном восстановлении экономики; 3) начало 1950-х – конец 1950-х гг. – падение значения трудрезервов и трансформация их из чрезвычайной структуры в обычную сеть профтехобразовательных заведений. Более перспективной для понимания роли стационарной системы подготовки молодых рабочих кадров в модернизационном развитии представляется попытка британского историка Д. Фильцера [Filtzer, 2002; 2010] проследить источники переброски трудовых ресурсов в трудodefицитные индустриальные районы. Сопоставляя данные о плановых показателях и фактических призывах, Д. Фильцер вскрывает целый ряд проблем, связанных с нежеланием руководства регионов и конкретных районов призыва отправлять рабочие руки в трудо-

вые резервы, а также и нежеланием молодежи трудиться в ряде добывающих, тяжелых и вредных для здоровья отраслях, сравнивая проведение призывов с рекрутскими наборами.

Английский исследователь О. Кучеренко [Kucherenko, 2012a] уделяет основное внимание гуманистическим аспектам советского модернизационного опыта, его социальной цене и положению детей, оказавшихся вовлеченными в процесс индустриального развития страны. В этой связи она рассматривает государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на социализацию и идеологическую обработку молодежи, лишенной права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности. Ближе всех к пониманию роли мобилизационного призыва для обеспечения модернизационного развития подошел, как представляется, французский историк Л. Кумель [Coulmel, 2006] при анализе хрущевского периода истории трудовых резервов, оценивавший смягчение мобилизационных практик скорее позитивно.

Таким образом, анализ современных работ позволяет сделать вывод о том, что проблема объективной оценки системной роли и эффективности межрегиональных перевозок призывников государственных трудовых резервов остается недостаточно исследованной отечественными и зарубежными авторами.

2. Материал и методы исследования

Исследование основано на материалах центральных и региональных архивов, в том числе массовых источников периода существования Государственных трудовых резервов – справок, сводок и сведений о призыве учащихся в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища (по каждому очередному или дополнительному призыву / за календарный год / о перемещениях отдельных категорий призывников), отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-9507), а также докладных записок уполномоченных Госплана по регионам СССР из Государственного архива экономики (Ф. 4372).

Ведущий метод исследования – системный анализ, связанный с использованием процедур анализа и синтеза, индукции и дедукции применительно к информации исторических источников, позволил выявить масштабы и направления межрегиональных перевозок призывников, а также механизмы планирования и корректировки перевозок.

При анализе количественных показателей и территориальной локализации межрегиональных перевозок призывников в Свердловскую область использовались компьютерные технологии – исследование основано на разработке и анализе проблемно-ориентированной базы данных, которая выступает как эффективный метод систематизации информации, позволяющий отразить в совокупности структурно-функциональные и

динамические особенности предмета и объекта исследования. База данных «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1920-1950-е гг.)» обеспечивает систематизацию первичной информации из различных типов архивных документов (преимущественно массовых источников) и создание модели исторических данных по функционированию системы подготовки рабочих кадров в Свердловской области.

Исследование проводилось в три этапа:

на первом этапе осуществлялся анализ существующих методологических подходов к исследованию проблемы;

на втором этапе изучались архивные документы и научная литература по проблеме, вырабатывалась позиция относительно оценки этого материала;

на третьем этапе производилось обобщение собранных данных.

3. Планирование межрегиональных перевозок призывников государственных трудовых резервов в Свердловскую область: приоритеты, масштабы, области призыва

Переброска контингентов учащихся низшего профессионального образования между регионами в заметных масштабах стала использоваться в СССР только после создания системы Государственных трудовых резервов. Причем, возможность централизованно планировать и реализовывать подготовку квалифицированных рабочих кадров именно там, где в них возникала потребность в связи выполнением общегосударственных задач развития конкретных областей или территорий, безусловно, являлась одним из принципиальных достоинств новой системы. Отталкиваясь при ее строительстве пришлось, в первую очередь, от уже имевшейся прежде сети школ ФЗУ, являвшихся основной формой стационарной подготовки молодых пополнений рабочего класса. Размещение контингента учащихся первого набора ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения в областях, краях и республиках производилось в соответствии с утвержденным СНК СССР приказом № 1 Главного управления трудовых резервов от 4 октября 1940 г.

В качестве общегосударственных приоритетов в материалах ГУТР называлась подготовка квалифицированных рабочих сложных профессий ремесленными и железнодорожными училищами (металлистов, металлургов, химиков, нефтяников и т.д.), а также значительное увеличение подготовки рабочих массовых профессий для горнорудной, угольной промышленности и строительства. Приоритетом являлось и резкое увеличение подготовки квалифицированных рабочих и рабочих массовых профессий для наркоматов оборонной промышленности.

Первый призыв в Государственные трудовые резервы составил 602517 человек городской и колхозной молодежи, из них в порядке добровольного набора - 450100 человек. Причем известно, что в городские и

районные призывные комиссии было подано 1100 тысяч заявлений. Одним из факторов значимости мобилизации в этих условиях являлись меж-областные перевозки учащихся.

Необходимость переброски значительного количества учащихся между областями (республиками) определялась, прежде всего, потребностями в дополнительной рабочей силе уже имеющихся предприятий промышленности и строительства. Именно они выступали в качестве «доноров» учебно-производственных помещений, общежитий, производственного оборудования для вновь создаваемых училищ и школ трудовых резервов. При этом на Урале и в Сибири планы форсированного развития промышленности и выстраивавшиеся под них планы подготовки рабочих кадров вследствие своей масштабности не могли быть выполнены в полной мере только за счет добровольного набора учащихся. Целый ряд профессий (особенно предполагающих тяжелый физический труд, работу под землей и т.д.) не мог быть обеспечен кадрами учащихся лишь путем добровольного набора, требуя проведения мобилизации (призыва), однако и мобилизация в достаточном количестве не всегда была возможна внутри одного региона.

Именно поэтому возникшая с созданием единой системы подготовки рабочих кадров возможность межотраслевого и территориального перераспределения подготавливаемых рабочих рассматривалась как важнейшее преимущество общегосударственной системы Государственных трудовых резервов. Колхозная молодежь из преимущественно аграрных областей и республик выступала как важный потенциальный резерв пополнения рабочего класса. Именно призывная колхозная молодежь преимущественно и выступала в качестве контингента, перебрасываемого между областями. Только в ходе первого набора по межобластным перевозкам планировалось перевезти 76800 человек, в том числе, 1300 человек - из Башкирской АССР в Свердловскую область (см. Табл. 1).

Архивные материалы позволяют выявить определенные закономерности в изменении приоритетов при планировании переброски в Свердловскую область контингентов учащихся из других регионов. Поскольку ремесленные и железнодорожные училища пользовались значительно большей популярностью и комплектовались преимущественно за счет добровольного набора, переброске подвергались, в основном, призывные в школы ФЗО. Так, за период 1940-1947 гг. в Свердловскую область было перевезено для обучения не менее 2600 учащихся ремесленных училищ и 58896 учащихся школ ФЗО. Поэтому на примере последних строится анализ приоритетов в определении регионов-доноров будущей рабочей силы. Всего за этот период в Свердловскую область завозились учащиеся из 23 регионов (2 союзных республик - Казахской и Белорусской, 5 автономных республик - Башкирской, Марийской, Чувашской, Мордовской, Татарской и 16 краев и областей).

Таблица 1 – Сводные данные о количестве молодежи, принятой в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Свердловской области в 1940-1956 гг., чел.

Год призыва	Всего принято, в учебные заведения трудовых резервов СССР	Призыв в ремесленные, железнодорожные, горнопромышленные, сельскохозяйственные и специальные училища			Призыв в школы ФЗО и горнопромышленные школы		
		СССР	Свердловской области		СССР	Свердловской области	СССР
			Всего	в т.ч. завезено из других областей			
1940	602.014	345.009	8.400	-	257.005	8.200	1.300 (Башкирская АССР – 1.300)
1941	688.034	307.420	11.486	-	380.614	12.291	3.449* – 6.750** (Башкирская АССР – 700* – 3.800**, Казахская ССР – 1.549* – 1.600**, Мордовская АССР – 1.200)
1942	814.609	226.514	11.700* – 15.148**	2.000* – 4.499** (Воронежская обл. – 141, Калининская обл. – 2.563, Орловская обл. – 790, Смоленская обл. – 905, Тульская обл. – 100)**	588.095	33.665* – 33.881**	12.760* – 13.950** (Воронежская обл. – 2.152, Калининская обл. – 2.738, Кировская обл. – 3.720, Орловская обл. – 2.187, Саратовская обл. – 800, Смоленская обл. – 1.653, Тульская обл. – 700)**
1943	711.718	230.289	14.135	600*	481.429	24.015* – 24.229**	8.730* – 9.390** (Воронежская обл. – 3.390* – 3.484**, Кировская обл. – 1.050** – 1.078*, Марийская АССР – 1.834* – 2.000**, Мордовская АССР – 950* – 972*, Тюменская обл. – 200*, Чувашская АССР – 1.878* – 1.884**), ¹
1944	440.125	126.157	6.813	-	313.968	20.809	5.153 (Белорусская ССР – 4.127, Кировская обл. – 348, Чувашская АССР – 678)
1945	446.644	169.530	8.040	-	277.114	14.305	9.771 (Алтайский край – 1.157, Башкирская АССР – 974, Кировская – 1.931, Курганская обл. – 210, Курская обл. – 2.030, Молотовская обл. – 595, Новосибирская обл. – 948, Омская обл. – 731, Тюменская обл. – 1.195)
1946	638.708	254.023	10.339	-	384.685	13.773	8.354 (Башкирская АССР – 861, Марийская АССР – 317, Кировская обл. – 844, Мордовская АССР – 995, Омская обл. – 1.383, Татарская АССР – 2.584, Чувашская АССР – 1.049) ²
1947	1.084.684	250.276	9.385	-	834.408	21.932 ³	9.379 (Башкирская АССР – 762, Воронежская обл. – 1.933, Кировская обл. – 2.473, Мордовская АССР – 1.575,

¹ Сумма данных о количестве призванных из других регионов (по сведениям Свердловского областного управления трудовых резервов) составляет 9.330 чел., 600 чел. из которых были призваны в ремесленные училища

² Сумма данных о количестве призванных из других регионов составляет 8.033 чел., что на 321 чел. меньше итоговой цифры

³ По другим данным в школы ФЗО Свердловской области в 1947 г. было принято 23.907 чел. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 711. Л. 29

							Пензенская обл. – 1.328, Тамбовская обл. – 4638, Чувашская АССР – 840)
1948	849.339	240.401	9.014	-	608.938	20.539	6.308*** (Башкирская АССР – 1057, Вологодская – 834, Кировская – 3301, Тамбовская обл. – 594, Чувашская АССР – 522)
1949	610.098	168.982	6.462	161**** (Тюменская – 25, Читинская – 86, Чкаловская обл. – 50)	441.116	20.898	16.203 (Брянская обл. – 1.349, Владимирская обл. – 388, Воронежская обл. – 739, Кировская обл. – 4.238, Марийская АССР – 326, Мордовская АССР – 1.755, Пензенская обл. – 2.638, Тамбовская обл. – 2.609, Удмуртская АССР – 1.492)
1950	385.321	148.620	6.406	476**** (Курганская обл. – 54, Красноярский край – 182, Томская обл. – 29, Тюменская обл. – 211)	236.701	9.099	5.791 (Брянская обл. – 1.084, Кировская обл. – 1.444, Мордовская АССР – 1.462, Пензенская обл. – 1.801)
1951	341.109	143.672	5.545	502**** (Кировская обл. – 257, Тюменская обл. – 245)	197.437	8.193	5.233 (Брянская обл. – 1.095, Калужская обл. – 327, Курская обл. – 1.190, Мордовская АССР – 1.108, Пензенская обл. – 1.513)
1952	330.289	145.584	5.524	445**** (Вологодская обл. – 57, Кировская обл. – 40, Коми АССР – 50, Омская обл. – 97, Тюменская обл. – 201)	184.705	8.080	5.066 (Брянская обл. – 1.129, Курская обл. – 1.479, Мордовская АССР – 965, Пензенская обл. – 1.307, Ульяновская обл. – 186)
1953	.	.	4.941	417**** (Алтайский край – 18, Кировская обл. – 214, Мордовская АССР – 20, Омская обл. – 83, Тюменская обл. – 82)	178.088	7.836	3.839 (Брянская обл. – 922, Воронежская обл. – 429, Курская обл. – 656, Мордовская АССР – 442, Орловская обл. – 183, Пензенская обл. – 466, Тамбовская обл. – 556, Ульяновская обл. – 185)
1954	.	.	.	-	.	10.150	4.406 (Брянская обл. – 676, Воронежская обл. – 176, Волинская обл. – 662, Дрогобычская обл. – 206, Липецкая обл. – 37, Орловская обл. – 517, Тамбовская обл. – 807, Тернопольская обл. – 443, Черниговская обл. – 882)
1955	.	.	.	262**** (Белорусская ССР – 85, Вологодская обл. – 94, Тюменская обл. – 83)	.	5.074	2.537 (Арзамасская обл. – 181, Брянская обл. – 617, Белгородская обл. – 271, Винницкая обл. – 194, Львовская обл. – 94, Мордовская АССР – 202, Орловская обл. – 316, Рязанская обл. – 162, Тамбовская обл. – 395, Татарская АССР – 105)
1956	.	.	.	-	.	10.868	1.492 (Арзамасская обл. – 71, Брянская обл. – 640, Воронежская обл. – 104, Мордовская АССР – 100, Орловская обл. – 101, Тамбовская обл. – 252, Ульяновская обл. – 224)

Подсчитано авторами по: ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп.1. Д. 203, 206, 207, 208, 212; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 1003-1005; Оп. 47. Д. 979-982; Оп. 48. Д. 1084-1089; Оп. 49. Д. 851-854; ЦДООСО. Ф-4. Оп.1. Д. 44; ГАСО. Ф. Р-2033. Оп.1. Д. 44. Л.2, 4-7, 59-62, 64-67, 69-70, 86-88.

* по данным Свердловского областного управления трудовых резервов

** по данным Главного управления трудовых резервов СССР

*** неполные данные

**** из числа воспитанников детских домов

Сопоставление географических и временных характеристик позволяет сделать вывод, что довоенные планы учитывали необходимость подготовки рабочих кадров для республик Средней Азии. Поэтому в 1940/41 в Свердловскую область были отправлены 1549 учащихся из Казахстана. Однако, специфические проблемы, возникшие в процессе обучения призывников из Казахстана, а также военные реалии внесли в планы коррективы. В 1942 и 1943 годах производится значительная переброска контингента из Западных районов страны - Смоленской, Воронежской, Орловской областей. Второй пик переброски контингентов отсюда придется на 1945 и первые послевоенные годы - период активного восстановления разрушенного войной хозяйства.

В это же время в связи с оттоком рабочих промышленности и эвакуацией учебных заведений в освобожденные районы страны начинается переброска контингентов учащихся из восточных регионов - Омской, Тюменской, Новосибирской областей, Алтайского края. Наиболее стабильную динамику демонстрирует переброска учащихся из близлежащих регионов - Башкирской, Чувашской, Марийской и Мордовской АССР, а также Кировской области. В сумме именно на них пришлось более половины всех прибывших в Свердловскую область учащихся из других районов [ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л.2].

Обозначенные приоритеты планирования переброски контингентов учащихся между регионами можно определить как официальные, открыто декларировавшиеся в документах руководящих органов. Кроме этого, можно реконструировать и целый ряд приоритетов, которые не упоминались в постановлениях СНК СССР или Главного управления трудовых резервов, но четко отслеживаются по материалам НКВД, региональных партийно-советских органов, областных управлений Государственных трудовых резервов, мобилизационных отделов, хозяйственных организаций.

4. Эвакуация периода Великой Отечественной войны: специфика межрегиональной переброски учащихся и учебных заведений

Определенную специфику имела реализация перемещение контингентов обучающихся между регионами во время Великой Отечественной войны. За годы войны в Свердловскую область были эвакуированы 101 учебное заведение Государственных трудовых резервов, с контингентом

учащихся более 20 тысяч человек и более, чем 1 тысячей сотрудников [ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д.402. Л. 1].

Эвакуация в кратчайшие сроки, сопровождаемая уничтожением документации, выведением из строя оставляемого оборудования производилась зачастую без четкого определения места назначения. Например, в соответствии с приказом Московского управления трудовых резервов от 16 октября 1941 г. № 40, ремесленное училище № 59 16 и 17 октября после выдачи на руки документов распустило по домам 200 учащихся сентябрьского призыва. Оставшийся контингент - 389 человек второго года обучения (призыва 1940 года) следовало уже 18 октября эвакуировать в пешем порядке на г. Горький, не препятствуя самостоятельной эвакуации учащихся с родителями. В итоге эвакуации, до Свердловской области добрались 10 работников училища и группа учащихся в 90 человек (24 токаря, 46 слесарей и 20 формовщиков). 7 ноября 1941 г. они были переданы школе ФЗО № 22 в поселке Сысерть. [ГАСО. Ф. Р-2033. Оп.1. Д. 337. Л. 65-67].

Аналогичные трудности сопровождали эвакуацию из Москвы Ремесленного училища № 39, принятого в ноябре 1941 г. Свердловской школой фабрично-заводского обучения № 27. Школы ФЗО, по определению, не обладали ни кадровым, ни методическим обеспечением для дальнейшего обучения, соответствующего программам ремесленных училищ. Таким образом, приоритетом при переброске контингентов учащихся в военное время выступало не завершение обучения, а скорейшее трудоустройство на промышленные предприятия. Об этом же свидетельствует и быстрый рост сети школ ФЗО в Свердловской области в годы войны (26 школ в 1940/41 и 90 школ в 1942/43 учебном году, т.е. имелся рост сети в три с половиной раза; для сравнения - ремесленных и железнодорожных училищ - 19 в 1941 и 37 в 1943 гг. - т.е. имелся рост сети менее, чем в два раза). Эвакуированный персонал училищ размещался, трудоустраивался и получал документы в тех учебных заведениях, которые принимали его у себя. Так, справка директору РУ № 39 А.П. Клементьеву о том, что он эвакуирован с семьей из Москвы и проживает ныне в г. Свердловске по адресу Шишкина, 4 была выдана директором принимающей школы ФЗО № 27 г. Свердловска Мураловой [ГАСО. Ф. Р-2033. Оп.1. Д.337. Л. 150]. Эвакуацию учащихся системы Государственных трудовых резервов на восток страны уже в первые годы войны дополняли, в качестве источника контингентов учащихся, и межобластные их переброски. Так, согласно данным сметы Планово-Финансового Отдела ГУТР в 1942 г. были запланированы средства в объеме 3,5 млн. руб. на перевозку отправляемых в другие области на обучение призывников трудовых резервов в количестве 70 тысяч человек [ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 45. Л. 110].

Весьма ограниченные материальные возможности Свердловской областной системы трудовых резервов приводили к тому, что обустройство

на новом месте эвакуированных и перебросенных между областями призывников происходило одинаково тяжело. В этом смысле показательна информация из докладной записки начальника областного управления трудовых резервов Путинцева от 25 марта 1943 г. в областной комитет партии, где прямо говорилось: «Никаких запасов из обуви, мыла и тканей у нас нет. Контингент учащихся из других областей и автономных республик и местного набора крайне плохо одет и обут. Молодежь, прибывшая из Марийской и Мордовской областей – в лаптях, которые за дорогу развалились и требуют срочную замену... Положение с обувью, обмундированием и мылом исключительно тяжелое, люди вынуждены сидеть в общежитиях и лишены, по этой причине, возможности заниматься» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 15].

Несмотря на все сложности с обустройством эвакуированных и перебросенных из других областей призывников, отказаться от этого источника пополнения контингентов учащихся Свердловской области, испытывавшей в связи с уходом кадровых рабочих на фронт, эвакуацией из западных районов страны промышленных предприятий сильнейшую нехватку квалифицированных рабочих рук, было невозможно. Набор или мобилизация учащихся в Свердловской области становились всё более проблематичными. Начальник отдела кадров областного комитета партии Гительман в справке о возможности призыва молодежи в школы ФЗО в период с 10 февраля по 1 марта 1942 г. делает вывод, что установленный план призыва в 7000 человек можно выполнить, специально оговаривая, что призыв можно провести в основном за счет сельской молодежи. Такой характер призыва увеличивал нагрузку на общежития, но в целом был выполним. Однако уже в Заключении по проекту Главтрезервов о призыве молодежи в школы ФЗО Свердловской области в 1942 г., предусматривавшему призыв в июле и сентябре 10 тысяч человек, Облплан (Никонов) и Облтрезервы (Путинцев) пришли к выводу, что «подавляющее большинство молодежи призывных возрастов работает на производстве в качестве квалифицированных и подсобных рабочих... физически годная к обучению часть лиц из категории неработающих может дать, примерно, 5000. Остальных призвать за счет лиц, занятых на неквалифицированных работах, на что нужно специальное правительственное указание, либо, учитывая недостаток рабочей силы в области, ... призвать 5000 человек из других областей». Данное заключение подтверждается целым рядом докладных записок от районных комитетов партии (Ново-Лялинского, Ревдинского и других) содержащими детальные расчеты имеющегося призывного контингента и просьбы о снижении планов призыва по данным районам в 2-2,5 раза [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 106, 114]. Наконец, в Заключении к проекту Главтрезервов о призыве молодежи в школы ФЗО в Свердловской области в январе – феврале 1943 г. содержится однозначный вывод: «Контингент неработающих в основном исчерпан. Источником

призыва в школы ФЗО может быть учащаяся молодежь 8-10 классов средних школ... из числа которых и возможно призвать не более 2 тысяч человек, а остальных в количестве 16200 необходимо завезти из других областей». В последующие годы войны нехватка призывного контингента в области будет сохраняться. Согласно плану набора призывного контингента на 1945 год, подписанному заместителем уполномоченного Госплана СССР по Свердловской области Вологдиным, предусматривалась необходимость завоза из других областей 14685 человек, в том числе для школ ФЗО – 8890, для ремесленных училищ – 5795.

Параллельно с исчерпанием местных источников призыва в школы ФЗО увеличивался завоз призывников из других регионов страны. В соответствии с приказом Начальника Главного Управления трудовых резервов № 559 от 15 сентября 1942 г. для Свердловской области был установлен завоз в октябре 5000 призывников из Кировской области и 1000 – из Саратовской области. В действительности, межобластные перевозки в октябрь-ноябре в Свердловскую область составили 5389 человек (4520 из Кировской области, 3720 из Саратовской области и 889 человек из Воронежской области). Согласно Сведениям о количестве молодежи, мобилизованной в прифронтовой зоне для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах и прибывшей к месту назначения в 1942 г., в Свердловскую область были направлены из Воронежской, Калининской, Орловской, Смоленской и Тульской областей 17382 человека, из них прибыли к месту назначения 13040 человек.

Кроме этого, из других областей в Свердловскую область прибывали и несколько других категорий учащихся, не проходивших в отчетности по графе межобластные перевозки. Из трудовых колоний и лагерей НКВД по указу от 29 сентября 1942 г., а также из числа воспитанников детских домов Наркомпроса было принято в училища Свердловской области 1232 человека. Приказ Начальника ГУТР Москатова от 28 января 1942 г. подтверждает, что часть воспитанников детских домов остались без родителей именно во время эвакуации: «В периоды призыва молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, производить набор детей из детских домов и оставшихся без родителей сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность...». В 1943 г. планируемый прием воспитанников детдомов и детей, оставшихся без родителей в учебные заведения государственных трудовых резервов составил для Свердловской области уже 2900 человек.

Сопоставление данных о проведении эвакуации училищ и школ ФЗО на территорию Свердловской области, данных о динамике призыва контингентов по Свердловской области и сведений о количестве завозимых для обучения призывников из других областей, позволяет определить механизм планирования и осуществления межобластных перевозок в рамках

системы Государственных трудовых резервов. Централизованно подготовленный по согласованию с Госпланом СССР Главным управлением трудовых резервов проект плана подготовки рабочей силы определял необходимый для его реализации призывной контингент, который на уровне области разверстывался по районам. Районные комитеты партии и районные исполкомы информировали областные организации – Обком партии, Облплан, Облтрудрезервы о действительном призывном потенциале, после чего, основываясь на нем, областные органы отправляли в Главное управление трудовых резервов своё заключение на представленный проект с просьбой о завозе недостающего призывного контингента из других областей. Данные документы. Отложившиеся в архивных фондах, однозначно свидетельствуют – сокращение со второй половины 1942 г. и в 1943 г. масштабов эвакуации учащихся системы трудовых резервов в Свердловскую область в условиях истощения местных призывных контингентов приводит к заметному росту потребности области в завозе призывников из других регионов страны.

5. Межобластные перевозки призывников государственных трудовых резервов в послевоенный период: проблема закрепляемости

Практика переброски контингентов, призванных в других регионах в государственные трудовые резервы для обучения в Свердловскую область использовалась и в послевоенные годы. В проекте плана приема в школы ФЗО и ремесленные училища на 1945/46 г. по Свердловской области, подготовленном Министерством трудовых резервов, совместно с областным управлением трудовых резервов и исполкомами Свердловского областного и Свердловского городского советов депутатов трудящихся, еще раз категорически подчеркивал: «резервы незанятой молодежи в Свердловской области являются недостаточными и покрывают потребность в укомплектовании школ ФЗО и РУ в незначительных размерах... для обеспечения плана набора в школы ФЗО Свердловской области необходимо направить из других областей 8890 человек и в ремесленные училища 5796 человек, всего молодежи из других областей 14686 человек» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 315. Л. 242].

Отчеты уполномоченных Госплана СССР по областям и республикам, адресованные центральному руководству, свидетельствуют о значительных трудностях в мобилизации необходимого количества призывников и в осуществлении самого их призыва и переброски. Например, в отчете уполномоченного по Кировской области Плаксина заместителю Председателя Госплана СССР Косяченко от 30 апреля 1948 г. В ходе призыва с 15 февраля по 25 марта в Кировской области необходимо было мобилизовать для Свердловской области 2800 человек. Призыв в связи с невыполнением был продлен до 10 апреля, и к этому сроку также не был закончен. В школы ФЗО Свердловской области удалось отправить 2539 человек (около 90% от

плана), причем 59 человек были возвращены обратно по болезни. Приведены причины трудностей: «График отправки призванной молодежи в школы ФЗО Свердловской области с первых дней был нарушен. Выделяемые пассажирские поезда для отправки молодежи, как правило, отправлялись не укомплектованными... с эшелонам, отправленным до Нижнего Тагила вместо 900 человек отправлено 254 человека... В результате неорганизованной доставки на сборные пункты 80% молодежи было отправлено в школы ФЗО Свердловской области отдельными группами в несколько человек» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084. Л. 120].

В отчете заместителю Председателя Госплана СССР Косяченко от 2 декабря 1948 г. сообщалось, что призыв в школы ФЗО Кировской области выполнен на 78, % к плану, в то время как из установленного призывного контингента, предназначенного для переброски в Свердловскую область в 1000 человек, призвано 552 человека и отправлено 477 человек или 47, 7 % к плану [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1088. Л. 127]. В отчете о выполнении плана призыва молодежи в школы ФЗО Свердловской области уполномоченный сообщал в Госплан, что, несмотря на перевыполнение плана призыва по Свердловской области, «по состоянию на 1 января 1949 г. в школы ФЗО принято 3854 человека, при плане комплектования школ 4540 человек. Невыполнение плана комплектования относится в основном за счет Чувашской ССР, откуда при плане 1200 человек прибыло всего 467 человек, из которых оказались непригодными по состоянию здоровья и отправлены обратно 86 человек. Из Кировской области, при плане 1000 человек, прибыло 794 человека, из которых неприято и отправлено обратно 19 человек. В Тамбовскую область возвращено непригодных к обучению в школах ФЗО по состоянию здоровья 44 человека» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1085. Л. 119].

Несмотря на то, что невыполнение плана призыва было связано с угрозами строгого наказания председателей исполкомов, сельсоветов и колхозов [ГАРФ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 851. Л. 84], зачастую для районных функционеров более важным, чем выполнение плана призыва «любой ценой», являлось соблюдение баланса между различными интересами – обеспечить план по призыву, сохранить рабочую силу в колхозах и не уменьшить базу военнообязанных, для чего использовались самые различные практики. Например, председатель Никольского сельсовета Первомайского района Тамбовской области в апреле 1949 г. заявил, что на территории сельсовета нет молодежи призывного возраста, а при проверке оказалось, что такая молодежь есть» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 851. Л. 71], председатель колхоза «Большевик» того же района в ноябре 1948 г. «задержал отправку молодежи и сознательно запугивал ее тяжелыми условиями учебы в школах ФЗО» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1087. Л. 200]; военкоматы пяти районов Удмуртской АССР в марте 1949 г., «препятствовали вызову в призывные

комиссии молодежь рождения 1929 года, ссылаясь на отсутствие у них специальных указаний о направлении этих лиц в школы ФЗО» [РГАЭ. Ф.4372. Оп. 49. Д. 851. Л. 86].

Определенный интерес в плане реконструкции приоритетов центральных органов власти, связанных с переброской контингентов призывников трудовых резервов, представляет письмо заместителя Председателя Госплана СССР Панова уполномоченному Госплана по Свердловской области Хомякову от 21 января 1949 г., которое на основании анализа многолетней практики прямо увязывает дефицит ряда предприятий истроек области в рабочей силе с большой текучестью кадров. Причем, из логики письма косвенно следует, что текучесть рабочих кадров в значительной степени связана с недостатками в обустройстве, обучении и закреплении в новых трудовых коллективах именно перебрасываемых из других областей призывников трудовых резервов: «В Свердловскую область ежегодно направляется из других областей... и молодежи для укомплектования школ ФЗО. Так, народнохозяйственным планом на 1949 г. предусмотрено направить в Свердловскую область ... для укомплектования школ ФЗО 21,5 тысячи человек... За 9 месяцев 1949 г. на промышленные предприятия области поступило 38,5 тысяч человек, выбыло 28,2 тысяч человек; на строительство поступило 15,9 тысяч человек, выбыло 10,7 тысяч человек. Особенно большая текучесть среди молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 857. Л.15].

Негативный опыт, как и позитивный обобщался Министерством трудовых резервов и в июле 1949 г. министр Пронин представил на утверждение Совета министров СССР проект инструкции «О порядке призыва (мобилизации) молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища», устанавливающий обязанности советов министров республик, крайисполкомов, облисполкомов. Горисполкомов и Министерства трудовых резервов при проведении призывов, организации сборных пунктов и определяющий порядок отправки молодежи к месту обучения [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 859. Л. 48].

Сложность централизованного планирования и переброски контингентов увеличивалась и в связи с запутанной отчетностью, предоставляемой центральным органам (Госплан, ЦСУ) от министерств, ведомств, на базе которых действовали училища и школы и данными Министерства трудовых резервов. В этих условиях, центральным органам приходилось организовывать самостоятельный сбор соответствующих данных через свои местные организации, что отражено, например, в письме заместителя председателя Госплана Дегтяря Начальнику ЦСУ Старовскому с просьбой об организации проверки наличия полезных площадей в школах ФЗО и училищах на 1 января 1950 г. [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 857. Л. 154].

Масштабные межобластные перевозки призывников последний раз имели место в 1954 году, поскольку Указ Президиума Верховного Совета

СССР от 18 марта 1955 года “Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища” совершенно изменил принципы комплектования учебных заведений. Годовой отчет о выполнении плана призыва молодежи в школы ФЗО и горнопромышленные школы в 1954 г. содержит сведения о перевозке в Свердловскую область на обучение всего 4406 учащихся при плане перевозок в 5450 человек [ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 4. Д. 205. Л. 15]).

Реформа Госплана, начавшаяся в мае 1955 г. (ключевого механизма планирования отраслевых территориальных аспектов модернизационного развития и контроля их реализации), фактический отказ от многих масштабных проектов становились неизбежными в связи с ликвидацией сложившихся мобилизационных механизмов их осуществления. Прекращение широкомасштабных межрегиональных перевозок учащихся государственных трудовых резервов с середины 1950-х гг. существенно сокращало возможности государства стимулировать развитие промышленности ряда регионов уже на этапе подготовки рабочей силы, поскольку найти адекватную замену данному инструменту впоследствии так и не удалось.

6. Выводы

1. Изучение механизма планирования и корректировки, общей динамики развития межобластных перевозок призывников Государственных трудовых резервов позволяют сделать вывод о её увязке с решением под контролем Госплана СССР конкретных общегосударственных задач и вводом в строй крупнейших производств. Следовательно, указанная переброска являлась, в значительной степени, инструментом решения задач развития территорий и отраслей.

2. Уникальной особенностью этого модернизационного инструмента являлась возможность его использования в решении проблемы трудоизбыточности многих центральных и поволжских областей, порожденной другим инструментом – коллективизацией.

3. Анализ документов центральных плановых органов, Гострудрезервов (Минтрудрезервов), региональных управлений трудовых резервов, исполнительных комитетов городских или районных советов депутатов трудящихся, конкретных училищ и школ ФЗО показывает, что понимание важности межрегиональной переброски учащихся для решения задач в масштабах страны снижалось на разных уровнях управления. Для горрайисполкомов мобилизующих областей и, тем более, колхозов и сельсоветов призыв превращался в рутинную обязанность, отвлекающую от прямых обязанностей и изымающую трудовые ресурсы, которые могли использоваться при выполнении местных (прежде всего, сельскохозяйственных) работ. Поэтому к началу 1950-х гг. мобилизация для других областей сопровождалась всё большими сложностями.

Список литературы

Драчиков, Ф. В. Перестройка системы государственных трудовых резервов на военный лад в 1941-1943 годах (на материалах Нижнего Поволжья) / Ф. В. Драчиков. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского университета. История. – 2012. – № 16, вып. 51. – С. 66–68.

Захаровский, Л. В. Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях / Л. В. Захаровский. – Екатеринбург, 2015. – 103 с. – Текст : непосредственный.

Карманов, П. К. Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири: 1940-2000 г. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Карманов Павел Кузьмич ; Сибирский государственный технологический институт. – Красноярск, 2004. – 297 с. – Текст : непосредственный.

Павленко, Г. К. Трудовые резервы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Г. К. Павленко. – Текст : непосредственный // Инновационное развитие профессионального образования. – 2015. – № 1. – С. 166–171.

Силин, А. В. Начальный этап создания системы Государственных трудовых резервов накануне Великой Отечественной войны (на материалах Европейского севера России) / А. В. Силин. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 27–35.

Coumel, L. L'appareil du parti et la reforme scolaire de 1958. Un cas d'opposition a Hruščev / L. Coumel. – Текст : непосредственный // Cahiers du monde russe. – 2006. – Vol. 47. – № 1. – P. 173–194.

Filtzer, D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System after World War II / D. Filtzer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 294 p. – Текст : непосредственный.

Filtzer, D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943-1953 / D. Filtzer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 401 p. – Текст : непосредственный.

Kucherenko, O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II / O. Kucherenko. – Текст : непосредственный // The Russian Review. – 2012a – Vol. 71. – Is. 3. – P. 391–412.

Kucherenko, O. Without a Family: Public Order, Social Welfare and Street Children in the Wartime Soviet Union / O. Kucherenko. – Текст : непосредственный // Australian Journal of Politics and History. – 2012b. – Vol. 58. – Is. 3. – P. 421–436.

Matthews, M. The 'State Labour Reserves': An Episode in Soviet Social History / M. Matthews. – Текст : непосредственный // The Slavonic and East European Review. – 1983. – Vol. 61, № 2. – P. 238–251.

Список источников

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9507. Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР

ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-2033. Свердловское областное управление профессионально-технического образования

РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС

Статья получена: 30.10.2021

Статья принята: 14.12.2021

THE PROBLEM OF INTER-REGIONAL TRANSPORTATION OF CONSUMERS OF STATE LABOR RESERVES IN 1940-EARLY 1950-ies (ON THE MATERIALS OF THE SVERDLOVSK REGION)

L. V. Zakharovsky

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
konung-75@mail.ru

S. L. Razinkov

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
sergerazinkov@mail.ru

Abstract. The authors of the study, based on a comprehensive analysis of a large array of sources emanating from central bodies (primarily the USSR State Planning Committee), departments, regions, specific enterprises and educational institutions, studied the experience of integrating mobilization and economic mechanisms to ensure interregional transportation of conscripts of state labor reserves, aimed at personnel ensuring the priority tasks of the country's development. It is shown how national plans were developed that linked the development of territories, industries and educational institutions necessary for this, the degree of involvement and motivation of different levels of the management system in their solution was noted, the effectiveness of the specific legal, organizational, propaganda and control instruments that implemented them was assessed, and specific conditions were determined, that influenced the scale and direction of the transfer called for training.

Key words: State labor reserves, mobilization to educational institutions, interregional transportation of students, evacuation, Great Patriotic War, Sverdlovsk region, fixability.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFFI according to the research project № 19-09-00396.

References

Drachikov, F. V. (2012). *Perestrojka sistemy gosudarstvennyh trudovyh rezervov na voennyj lad v 1941-1943 godah (na materialah Nizhnego Povolzh'ja) [Restructuring of the system of state labor reserves on a war footing in 1941-1943 (based on materials from the Lower Volga region)]*. *Vestnik Cheljabinskogo universiteta*, 16(51), 66–68.

Zakharovskij, L. V. (2015). *Sovetskaja model' professional'no-tehnicheskogo obrazovaniya: aktualizacija opyta v sovremennyh usloviyah [Soviet model of vocational education: actualization of experience in modern conditions]*. Ekaterinburg: RGPPU.

Karmanov, P. K. (2004). *Professional'no-tehnicheskoe obrazovanie v Vostochnoj Sibiri: 1940-2000 g. [Vocational and technical education in Eastern Siberia: 1940-2000]*. [Doctoral Dissertation, Siberian State Technological University].

Pavlenko, G. K. (2015). *Trudovye rezervy Juzhnogo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. [Labor reserves of the Southern Urals during the Great Patriotic War in 1941-1945]*. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*, 1, 166–171.

Silin, A. V. (2013). *Nachal'nyj etap sozdaniya sistemy Gosudarstvennyh trudovyh rezervov nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Evropejskogo severa Rossii) [The initial stage of creating a system of State labor reserves on the eve of the Great Patriotic War (based on materials from the European North of Russia)]*. *Vestnik Severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2, 27–35.

Coumel, L. (2006). *L'appareil du partiet la reforme scolaire de 1958. Un cas d'opposition a Hruščev. Cahiers du monde russe*, 47, 1, 173–194.

Filtzer, D. (2002). *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge: University Press.

Filtzer, D. (2010). *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943-1953*. Cambridge: University Press.

Kucherenko, O. (2012a). *State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II*. *The Russian Review*, 71, 3, 391–412.

Kucherenko, O. (2012b). *Without a Family: Public Order, Social Welfare and Street Children in the Wartime Soviet Union*. *Australian Journal of Politics and History*, 58, 3, 421–436.

Matthews, M. (1983). *The 'State Labour Reserves': An Episode in Soviet Social History*. *The Slavonic and East European Review*, 61, 2, 238–251.

Sources

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F.R-9507. Uchrezhdeniya po rukovodstvu professionalno-tekhnicheskim obrazovaniem v SSSR.

GASO – Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F.R-2033. Sverdlovskoye oblastnoye upravleniye professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya.

RGAE – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F.4372. Gosudarstvennyy planovyy komitet Soveta Ministrov SSSR (Gosplan SSSR).

TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F.4. Sverdlovskiy oblastnoy komitet KPSS.

Submitted: 30.10.2021

Accepted: 14.12.2021

УДК 71; 94(47+57)

СОЦГОРОД КРАСНОКАМСК: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗАСТРОЙКИ 1930-Х ГГ. С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ

И. В. Зыкин

Технологический институт – филиал Национального исследовательского
ядерного университета «МИФИ»
Лесной, Россия
zivverh@mail.ru

Аннотация. В Советском Союзе индустриализация в конце 1920-х – начале 1940-х гг. привела к развитию поселенческой сети и градостроительства. Одной из динамично развивавшихся отраслей стала лесная промышленность. В Центральной России, на Европейском Севере и Северо-западе, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке развернулось строительство предприятий и рабочих поселков. В 1930-х гг. западнее г. Пермь был возведен комплекс производств по глубокой переработке древесины, образовался п. Краснокамск, получивший в 1938 г. статус города. Его застройка – пример реализации концепции социалистического города. Однако на практике в рабочем поселке возводились многоэтажные каменные и двухэтажные деревянные дома, бараки. В последние годы деревянная застройка постепенно исчезает в связи с отнесением ее к категории аварийного жилья, здания в каменном исполнении нуждаются в капитальном ремонте. Исследование застройки периода 1930-х гг. актуально как с позиции истории градостроительства, так и в связи с реализацией в современной Российской Федерации программ по формированию комфортной городской среды, по капитальному ремонту многоквартирных домов. С помощью интернет-сервисов «Яндекс-карты», «Реформа ЖКХ», «Авито» осуществлена реконструкция застройки г. Краснокамск. Сделаны выводы о формировании застройки в рамках проектной уличной сети, разнообразии зданий и значительном информационном потенциале интернет-сервисов.

Ключевые слова: поселенческая сеть; Краснокамск; лесопромышленный комплекс; социалистический город; застройка.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43024

1. Введение

В Советском Союзе в годы индустриализации (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) в связи с активным развитием лесопромышленного комплекса образовалось большое количество поселений при леспромпхозах, предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины. В этот период основой градостроительной практики, ориентированной на плановое размещение производств и трудовых ресурсов, стала концепция социалистического города. На Урале, где лесная промышленность являлась одной из значимых отраслей региональной экономики, в начале 1930-х гг. на севере Предуралья и западнее г. Пермь появились соответственно поселки Красновишерск (Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат) и Красно-

камск (Камский целлюлозно-бумажный комбинат и бумажная фабрика «Гознак»). Их застройка включала реализацию проектов социалистических городов и решение жилищной проблемы путем строительства бараков и прочих временных построек.

Краснокамск (город с 1938 г.) является ярким примером градостроительства периода индустриализации, сочетающего многоэтажные дома в стиле конструктивизма, деревянные коттеджи для инженерно-технических работников, деревянные двухэтажные дома и бараки. Жилищному фонду населенного пункта от 70 до 80 лет. Бараки снесены, деревянные двухэтажные дома поэтапно расселяются и сносятся, многоэтажные здания и коттеджи требуют капитального ремонта. На современном этапе постепенное разрушение застройки, созданной в 1930-х гг., реализация программ по переселению граждан из аварийного жилья, по созданию комфортной городской среды (в г. Краснокамск это проекты реконструкции парка культуры и отдыха, «Технического поселка»), активное развитие деревянного домостроения актуализируют исследование застройки поселения. К тому же в последние годы застройка 1930-х гг. (а также здание управления Камского целлюлозно-бумажного комбината) позиционируется властями г. Краснокамск в качестве одного из значимых брендов, который может иметь большие перспективы развития. Существенную помощь в реконструкции застройки, характеристик жилищ населенного пункта могут оказать интернет-сервисы.

2. Историографический обзор

В советский период застройка рабочих поселков при лесопромышленных предприятиях рассматривалась фрагментарно, в контексте истории предприятий и преимущественно в краеведческих изданиях, например: [Николаев, 1960; Палкина, 1988; Тютенков, 1978]. В обобщающих трудах по истории архитектуры отрасль не была представлена. На современном этапе опыт советского градостроительства стал одним из популярных направлений исследований среди архитекторов и историков. Концептуализация проблемы социалистического города характерна для трудов: [Бугров, 2018; Кириллов, 2017; Конышева, 2018; Косенкова, 2018; Меерович, 2014; Меерович, 2018].

Теме промышленного и городского строительства была посвящена Всероссийская конференция «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс для развития?», прошедшая в 2013 г. в г. Краснокамск Пермского края. Вопросы проектирования и строительства рабочих поселков при целлюлозно-бумажных предприятиях были рассмотрены в ряде выступлений: [Гайсин, 2013; Обухов, 2013; Остальцев, 2013]. Несомненным достоинством сборника материалов конференции является включение в него проекта планировки и строительства г. Краснокамск архитектора П. Б. Мурашко (1934 г.) [Мурашко, 2013]. Вклад в изучение проблем формирования застройки г. Краснокамск внес автор данной статьи [Зыкин, 2019].

О. В. Орельская изучила застройку социалистического поселка Правдинска (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.), где был построен крупный целлюлозно-бумажный комбинат (в начале 1990-х гг. включен в состав г. Балахна). Исследовательница привела примеры комплексной застройки территории, облика и планировки жилых и общественных зданий, выполненных в стиле конструктивизма, отметила сохранность планировочной структуры и построек на современном этапе [Орельская, 2013]. Помимо этого, об истории предприятий и населенных пунктов, связанных с отраслью, изданы книги, например: [Гордин, 2005; Захарова, 2019; Тарасова, 2013; Новая Ляля; 2013].

Несмотря на относительно подробно изученную историю населенных пунктов при лесопромышленных предприятиях, вопросы планировки, застройки, характеристик жилищ рассмотрены недостаточно.

3. Материал и методика исследования

Ценный опыт в изучении застройки населенных пунктов при лесопромышленных предприятиях был получен при полевом исследовании в северной части г. Соликамск [Зыкин, 2021], где расположен рабочий поселок Соликамского целлюлозно-бумажного комбината, возведенный в 1937–1940 гг., в котором проживали около 4–5 тыс. человек. Его застройка в основном сохранилась и представлена двухэтажными деревянными домами. П. Краснокамск, где возводились крупный целлюлозно-бумажный комбинат и бумажная фабрика «Гознак», являлся более крупным поселением (в конце 1930-х гг. в нем проживало почти 25 тыс. человек). Он несколько раз проектировался, начиная с 1929 г., но в 1934 г. основой финального проекта стала концепция социалистического города. На практике, ввиду ограниченности финансовых и материальных средств, необходимости обеспечения работников предприятий и их семей жильем, поселок был застроен капитальными многоэтажными домами в каменном исполнении, двухэтажными деревянными домами, бараками и индивидуальными домами.

Представление о г. Краснокамск в начале 1940 г. дают характеристика использования территории города, датированная первой половиной 1941 г. [Пермская область, с. 90–93], описание населенного пункта Г. А. Палкиной [Палкина, 1988, с. 43–44]. Базовыми инструментами для реконструкции застройки г. Краснокамск периода 1930-х гг. стали интернет-сервисы «Реформа ЖКХ», «Яндекс-карты», «Авито». Сервис «Реформа ЖКХ» позволяет получить информацию о годах постройки домов (в том числе расселенных в 2000-х – 2010-х гг. и отсутствующих на картах), количестве квартир, общей и жилой площади. Сервис «Яндекс-карты» с помощью инструмента «Панорамы улиц и фотографии» дает возможность совершить виртуальные прогулки по населенным пунктам. Сервис «Авито» позволяет составить представление о характеристиках жилищ, которые выставлены на продажу в домах 1930-х гг. постройки (за исключением деревянных, которые должны

быть расселены). На основании этих сведений, а также материалов презентации сада «Технический поселок» (где содержится ретроспективный анализ центральной части города) [Сад «Технический поселок»], карты-схемы г. Краснокамск по состоянию на 1938 г., хранящейся в Краснокамском краеведческом музее, полевого исследования, осуществленного в 2019 г. в г. Краснокамск, осуществлена реконструкция застройки 1930-х гг., составлена карта-схема (рис. 2).

4. Анализ и описание материалов

Рабочий поселок Краснокамск проектировался в конце 1920-х – начале 1930-х гг. несколько раз (причем направление основных улиц почти не менялось). В планах нашла отражение смена подходов к градостроительству: от застройки поселка кварталам жилищных комбинатов (проект 1929 г.) и строчной застройки (проект 1930 г.) [Коннышева, 2018, с. 485–486, 488] до «города-ансамбля» (проект 1934 г.), предложенного приглашенным на Камский целлюлозно-бумажный комбинат архитектором П. Б. Мурашко [Мурашко, 2013] (рис. 1). Содержание проекта социалистического города, и его реализация исследованы в работе [Зыкин, 2019].

Рис. 1. Проект г. Краснокамск архитектора П. Б. Мурашко (1934 г.). Краснокамский краеведческий музей.

Основной жилой район «Рабочий поселок», подведомственный Камскому целлюлозно-бумажному комбинату, расположился между предприятием и р. Пальта. Стержнем поселка являлась ул. Имени 20-летия Комсомола (современная ул. Мира), начинавшаяся от проходной комбината и проложенная на северо-запад – до района 2-этажных деревянных домов (ул. Большевикская, Карла Маркса, Чапаева). На восток была проложена дорога до железнодорожной станции. В рабочем поселке Камского целлюлозно-бумажного комбината, центральном по отношению к поселкам других предприятий, функционировали административные учреждения. Здесь утрачена застройка около проходной комбината, где хаотично размещались три рубленых и два каркасных барака 1929 года постройки, хлебопекарня, овощехранилище, пять полуразрушенных бараков и четыре 2-этажных деревянных дома. Сохранилось только 2-этажное здание пожарного депо, возведенное в 1938 г. в кирпичном исполнении. Утрачена также значительная часть индивидуальных и многоквартирных деревянных домов.

В рабочем поселке Камского целлюлозно-бумажного комбината преобладали двухэтажные деревянные дома (7 кварталов, 81 восьмиквартирный дом), расположенные в основном на ул. Карла Маркса и Чапаева и построенные преимущественно в 1931–1933 гг. В каменном исполнении были возведены пятиэтажный «дом-гигант» на 205 квартир (две секции; арка между ними, предусмотренная проектом, не сооружена) на ул. Мира, 9 и два четырехэтажных дома на 54 квартиры каждый (ул. Мира, 10, 16). Между ними проектировался городской сад, функционировал кинотеатр, в стадии строительства находился театр. За «домом-гигантом» сооружался четырехэтажный жилой дом сульфитно-спиртового завода на 25 квартир (за ним находился рынок). Социальная сфера поселка была представлена каменным детским садом и четырехэтажной школой на 880 учащихся. Западнее от ул. Имени 20-летия Комсомола (современная ул. Мира) располагались 13 котеджей для инженерно-технических работников.

В 4 каменных домах поселка Камского целлюлозно-бумажного комбината имелись 338 квартир общей жилой площадью 20,6 тыс. м². На одну квартиру приходился в среднем 61 м². При средней площади одного 2-этажного 8-квартирного дома в 450 м² (на одну квартиру в среднем – 56 м²) их суммарная жилая площадь (81 строение) составляла около 36 тыс. м².

Рабочий поселок бумажной фабрики «Гознак» был построен западнее поселка Камского целлюлозно-бумажного комбината и соединялся с ним ул. Карла Маркса и Чапаева. Скорее всего, в силу значимости предприятия, возведенного для выпуска наиболее качественных сортов бумаги, рабочий поселок являлся наиболее благоустроенной частью г. Краснокамск. Его основа – 15 четырех- и пятиэтажных домов в каменном исполнении, построенных в 1934–1940 гг. Помимо этого были сооружены 2 деревянных дома, школа, два детских сада и баня в каменном исполнении. Многоэтажными

домами были застроены ул. Карла Либкнехта, начало ул. Чапаева и квартал ул. Карла Либкнехта – Чапаева – В. Швай – Карла Маркса. В 15 каменных домах имелось 528 квартир (дома на 4 и 5 подъездов, соответственно на 32 и 40 квартир) суммарной жилой площадью 35,8 тыс. м². На одну квартиру приходилось в среднем 68 м².

В конце ул. Карла Маркса начинался небольшой поселок теплоэлектроцентрали и треста «Прикамнефть». Среди 5 бараков и 10 двухэтажных деревянных домов возвышался четырехэтажный дом на 24 квартиры в каменном исполнении, построенный теплоэлектроцентралю. Общая площадь жилых зданий поселка (104 квартиры, без учета бараков) составляла около 6 тыс. м². Между поселками Камского целлюлозно-бумажного комбината и теплоэлектроцентрали располагались клуб бумажников и стадион (рис. 2).

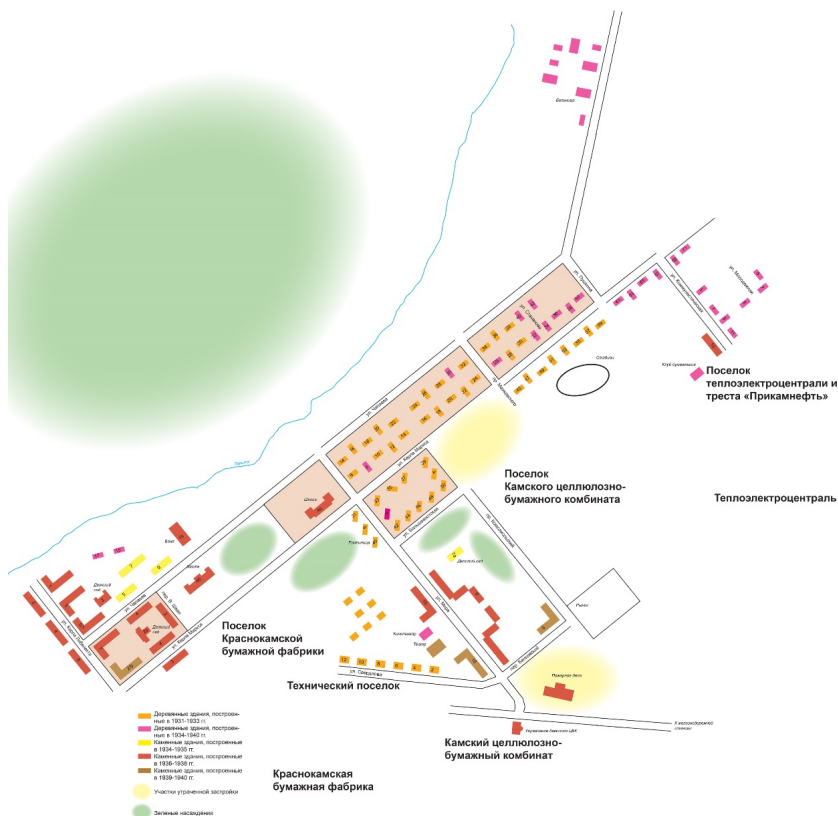

Рис. 2. Карта-схема реконструкции застройки г. Краснокамск периода 1930-х гг. Составлено автором.

Благоустройство улиц ограничивалось замощением деревянными торцами проезжей части ул. Имени 20-летия Комсомола (на участке от управления Камского целлюлозно-бумажного комбината до ул. Чапаева) и Карла Маркса (до пересечения с ул. Пушкинская). От перекрестка ул. Карла Маркса – Пушкинская торцовая мостовая продолжалась в северном направлении, до больничного городка. На некоторых улицах имелись тротуары из досок (по одной стороне).

В сумме в рабочих поселках Камского целлюлозно-бумажного комбината, теплоэлектроцентрали и треста «Прикамнефть» насчитывалось 138 строений, с учетом поселка бумажной фабрики «Гознак» – 159. Жилищный фонд города составлял 99,3 тыс. м², из которых на дома в каменном исполнении (890 квартир) приходилось 58 тыс. м², остальное – на 2-этажные деревянные дома (744 квартиры) и бараки. Фонд был электрифицирован, но уровнем благоустройства выгодно отличались только многоэтажные дома. Здания в каменном исполнении имели водопровод, канализацию, централизованное отопление. Жители деревянных и индивидуальных домов обеспечивались водой из водоразборных будок.

Помимо этого, в Краснокамске имелись более 100 одноэтажных домов и три поселка с домами барачного типа. В конце 1930-х гг. в городе функционировали три полных и четыре начальных школы, пять детских садов и шесть яслей, больничный городок, кинотеатр, клубы разных предприятий, библиотека (для сравнения, жилищный фонд более крупного Кузнецкого металлургического комбината в 1936 г. был представлен 86 каменными и 103 деревянными домами, 785 бараками, множеством землянок и палаток [Тимошенко, 2007, с. 183–184]).

Анализ данных о продажах квартир на интернет-сервисе «Авито» (по состоянию на август 2021 г.) выявил, что в многоэтажных домах в каменном исполнении, подведомственных в советский период бумажной фабрике «Гознак», имеются 3-комнатные (общей площадью от 64 до 89 м², с изолированными комнатами, с кухнями площадью от 6 до 16 м², с потолками высотой 2,7–2,8 м, с санузлами, с балконом или без него) и 4-комнатные квартиры (общей площадью 86–88 м², с изолированными комнатами, с санузлами, балконами). В поселке Камского целлюлозно-бумажного комбината, в трех многоэтажных домах в каменном исполнении выявлены трехкомнатные квартиры на стадии продажи: общей площадью от 53 до 77 м² (как с изолированными, так и со смежными комнатами), с высотой потолков от 2,7 до 3 м, с кухнями площадью от 8 до 11,4 м², с балконами и без них.

В поселке теплоэлектроцентрали в единственном каменном доме выявлена одна квартира на стадии продажи: общей площадью 75 м², с тремя комнатами и балконом. Разумеется, эти данные не позволяют составить цельное представление о качестве и планировке жилищ, но отражают ключевые тенденции строительства домов в каменном исполнении в 1930-х гг.:

наличие 3- или 4-комнатных квартир, по площади существенно превосходящих квартиры в двухэтажных деревянных домах, наличие относительно просторных кухонь, санузлов (как раздельных, так и совмещенных).

4. Заключение

Застройка п. Краснокамск в 1930-х гг. формировалась на основе концепции социалистического города. Однако на практике было построено два десятка многоэтажных домов в каменном исполнении, локализованных в разных районах (в основном – в юго-западной части, где строительство осуществляла бумажная фабрика «Гознак»), большое число двухэтажных деревянных домов, барачных и индивидуальных домов. Создавалась также социальная инфраструктура. В многоэтажных каменных домах были 3-х и 4-комнатные квартиры большой, по меркам периода 1930-х гг., площади, оборудованные санузлами. Параметры жилищ в деревянных домах установить не удалось, но, скорее всего, квартиры в них были меньшей площади, поскольку предполагались для краткосрочного решения жилищной проблемы.

Таким образом, содержание современных интернет-сервисов («Реформа ЖКХ», «Яндекс-карты», «Авито») имеет большой информационный потенциал для реконструкции застройки населенных пунктов, характеристик жилищ. Реконструкция застройки г. Краснокамск, несмотря на утрату существенной части деревянных зданий, позволила установить, что при возведении подведомственных поселков предприятия ориентировались на общий план развития населенного пункта. Уличная сетка в центральной части сохранилась и на современном этапе используется в качестве средства перспективного развития города после расселения аварийного жилья. В условиях реализации в г. Краснокамск проектов по реконструкции и созданию общественных пространств, капитальному ремонту многоквартирных домов, повышения привлекательности города результаты исследования могут быть использованы для продвижения бренда социалистического города в туристской, музейной и научно-просветительской деятельности.

Список литературы

Бугров, К. Д. Соцгорода Большого Урала / К. Д. Бугров. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2018. – 472 с. – Текст : непосредственный.

Гайсин, О. Д. Опыт проектирования соцгорода Краснокамска (1930–1950-е годы) / О. Д. Гайсин. – Текст : непосредственный // «Краснокамск: интеграция в будущее». Материалы всероссийской конференции «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : «Литер-А», 2013. – С. 102–123.

Гордин, А. А. Лобва: 100 лет / А. А. Гордин. – Серов : [б. и.], 2005. – 253 с. – Текст : непосредственный.

Захарова, Е. Рождение гиганта. 1934–1940 / Е. Захарова, П. Фасонов. – Новодвинск : Архангельский ЦБК, 2019. – 207 с. – Текст : непосредственный.

Зыкин, И. В. Планировка и архитектура рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса 1930-х гг. (на примере Краснокамска) / И. В. Зыкин. – Текст : электронный // Архитектон: известия вузов. – 2019. – № 3 (67). – URL: http://archvuz.ru/2019_3/9 (дата обращения: 22.10.2021)

Зыкин, И. В. Рабочий поселок Соликамского сульфитно-целлюлозного комбината в конце 1930-х – начале 1940-х годов: опыт изучения / И. В. Зыкин. – Текст : электронный // Архитектон: известия вузов. – 2021. – № 3 (75). – URL: http://archvuz.ru/2021_3/12/ (дата обращения: 24.10.2021)

Кириллов, В. М. Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.) / В. М. Кириллов. – Текст : непосредственный // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. трудов / Гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017. – С. 354–363.

Конышева, Е. В. Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций / Е. В. Конышева. – Текст : непосредственный // Советское градостроительство. 1917–1941. – Книга первая. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 474–522.

Косенкова, Ю. Л. Районная планировка в СССР: от децентрализации крупных городов к обслуживанию военно-промышленного комплекса / Ю. Л. Косенкова, М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Советское градостроительство. 1917–1941. – Книга первая. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 115–179.

Меерович, М. Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению / М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 2 (25). – С. 101–122.

Меерович, М. Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика / М. Г. Меерович. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 53–65. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-53-65.

Мурашко, П. Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства / П. Б. Мурашко. – Текст : непосредственный // «Краснокамск: интеграция в будущее». Материалы всероссийской конференции «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : «Литер-А», 2013. – С. 129–139.

Николаев, С. Ф. Краснокамск / С. Ф. Николаев. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1960. – 79 с. – Текст : непосредственный.

Новая Ляля: К 75-летию города. – Екатеринбург : ООО «Издательский дом «ЛИТУР», 2013. – 216 с. – Текст : непосредственный.

Обухов, Л. А. Первостроители соцгородов / Л. А. Обухов. – Текст : непосредственный // «Краснокамск: интеграция в будущее». Материалы всероссийской конференции «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : «Литер-А», 2013. – С. 36–49.

Орельская, О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. / О. В. Орельская. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». – 2013. – Вып. 31 (50). – Ч. 1. Города России. Проблемы проектирования и реализации. – С. 291–299.

Остальцев, К. А. Красновишерск: город-лагерь и город-сад. Проекты и реальность / К. А. Остальцев. – Текст : непосредственный // «Краснокамск: интеграция в будущее». Материалы всероссийской конференции «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?». – Пермь : «Литер-А», 2013. – С. 49–56.

Палкина, Г. А. Краснокамск / Г. А. Палкина. – Пермь : Книжное изд-во, 1988. – 246 с. – Текст : непосредственный.

Пермская область накануне Великой Отечественной войны : Сб. док. / Сост. В. Г. Светлаков. – Пермь : Изд-во «Пушка», 2005. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Сад «Технический поселок». Город Краснокамск. – Текст : электронный. – URL : http://krasnokamsk.ru/upload/versions/149051/11069/новая%20папка/020012_Prezentacija_9str.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

Тарасова, И. Краснокамск – город Солнца / И. Тарасова. – Пермь : Селенатор, 2013. – 144 с. – Текст : непосредственный.

Тимошенко, А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск : Параллель, 2007. – 287 с. – Текст : непосредственный.

Тютенков, А. Г. Сяьстрой: десять шагов в будущее. История Сяьского целлюлозно-бумажного комбината / А. Г. Тютенков. – Ленинград : Лениздат, 1978. – 158 с. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 18.10.2021

Статья принята: 02.12.2021

SOCIALIST CITY KRASNOKAMSK: RECONSTRUCTION BUILDINGS OF 1930S USING INTERNET SERVICES

I. V. Zykin

Technological Institute – a branch of the National Research Nuclear University «MEPhI»
Lesnoy, Russia
zivverh@mail.ru

Abstract. In the Soviet Union, industrialization in the late 1920s and early 1940s led to the development of a settlement network and urban planning. One of the dynamically developing industries was the forest industry. In Central Russia, the European North and North-West, the Urals, Siberia and the Far East, the construction of enterprises and workers villages. In the 1930s, west of Perm, a complex of industries for deep wood processing was erected, the village of Krasnokamsk was formed, which received city status in 1938. Its development is an example of the implementation of the concept of a socialist city. However, in practice, multi-storey stone and two-storey wooden houses, barracks were erected in the working village. In recent years, wooden buildings have gradually disappeared due to their classification as emergency housing, buildings in stone design need major repairs. The study of the development of the period of the 1930s is relevant both from the point of view of the history of urban planning and in connection with the implementation in the modern Russian Federation of programs for the formation of a comfortable urban environment, for the overhaul of apartment buildings. With the help of Internet services Yandex-maps, Reform of housing and communal services, Avito reconstructed the development of Krasnokamsk. Conclusions were drawn on the formation of development within the framework of the project street network, the diversity of buildings and the significant information potential of Internet services.

Key words: settlement network; Krasnokamsk; timber processing complex; socialist city; building.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43024

References

Bugrov, K. D. (2018). *Socgoroda Bol'shogo Urala* [Social cities of the Greater Urals]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.

Gajsin, O. D. (2013). Opyt proektirovaniya socgoroda Krasnokamska (1930–1950-e gody) [Experience in designing the social city of Krasnokamsk (1930–1950s)]. *Krasnokamsk: integraciya v budushchee* (pp. 102–123). Perm: Liter-A.

Gordin, A. A. (2005). *Lobva: 100 let* [Lobva: 100 years]. Serov.

Kirillov, V. M. (2017). Formirovanie koncepta «socgorod» i identichnost' ego stroitelej (na materiale Nizhnego Tagila 1920–1930-h gg.) [The formation of the concept of «social city» and the identity of its builders (based on the material of Nizhny Tagil in the 1920–1930s)]. Mazur L. N. (Ed.). *Epokha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij: sb. nauch. Trudov* (pp. 354–363). Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta.

Konysheva, E. V. (2018). Gradostroitel'stvo Urala 1920–1930-h gg.: regional'nyj aspekt obshcherossijskikh tendencij [Urban planning of the Urals of the 1920–1930s: regional aspect of all-Russian trends]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941. Vol. 1.* (pp. 474–522). Moscow: Progress-Tradiciya.

Kosenkova, Yu. L. & Meerovich, M. G. (2018). Rajonnaya planirovka v SSSR: ot decentralizacii krupnyh gorodov k obsluzhivaniyu voenno-promyshlennogo kompleksa [District planning in the USSR: from decentralization of large cities to maintenance of the military-industrial complex]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941. Vol. 1.* (pp. 115–179). Moscow: Progress-Tradiciya.

Meerovich, M. G. (2014). Rajonnaya planirovka v kontekste programmy industrializacii: pervaya polovina 1930-h godov – nachal'nyj etap rabot po promyshlennomu rajonirovaniyu i rasseleniyu [District planning in the context of the industrialization program: the first half of the 1930s - the initial stage of industrial zoning and resettlement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya, 2* (25), 101–122.

Meerovich, M. G. (2018). Sovetskie monogoroda: istoriya vozniknoveniya i specifika [Soviet single-industry towns: history of emergence and specifics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1*, 53–65.

Murashko, P. B. (2013). Socialisticheskij Krasnokamsk. Proekt planirovki i stroitel'stva [Socialist Krasnokamsk. Planning and Construction Project]. *Krasnokamsk: integraciya v budushchee* (pp. 129–139). Perm: Liter-A.

Nikolaev, S. F. (1960). *Krasnokamsk* [Krasnokamsk]. Perm: Permskoe knizhnoe izd-vo.

Novaya Lyalya: K 75-letiyu goroda (2013) [Novaya Lyala: On the 75th anniversary of the city]. Yekaterinburg, OOO Izdatel'skij dom LITUR.

Obukhov, L. A. (2013). Pervostroiteli socgorodov [First builders of social cities]. *Krasnokamsk: integraciya v budushchee* (pp. 36–49). Perm: Liter-A.

Orelskaya, O. V. (2013). Arhitektura g. Balahny 20–30-h gg. XX v. [The architecture of the city of Balakhna of the 20–30s of the XX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya Stroitel'stvo i arhitektura, 31* (50), part 1, 291–299.

Ostalcev, K. A. (2013). Krasnovishersk: gorod-lager' i gorod-sad. Proekty i real'nost' [Krasnovishersk: camp city and garden city. Projects and Reality]. *Krasnokamsk: integraciya v budushchee* (pp. 36–49). Perm: Liter-A.

Palkina, G. A. (1988). *Krasnokamsk* [Krasnokamsk]. Perm: Knizhnoe izd.

Svetlakov, V. G. (Ed.). *Permskaya oblast' nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny* (2005). [Perm region on the eve of Great Patriotic War: Collection of documents]. Perm: Izd-vo Pushka.

Sad «Tekhnicheskij poselok». *Gorod Krasnokamsk* [Garden ‘Technical Village’. City of Krasnokamsk]. Retrieved from: http://krasnokamsk.ru/upload/versions/149051/11069/новая%20папка/020012_Prezentacija_9str.pdf

Tarasova, I. (2013). *Krasnokamsk – gorod Solnca* [Krasnokamsk – town of the Sun]. Perm, Senator.

Timoshenko, A. I. (2007). *Proekty social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v XX v.: koncepcii i resheniya. Istoricheskie ocherki* [Projects for the socio-economic development of Siberia in the twentieth century: concepts and solutions. Historical essays]. Novosibirsk: Parallel.

Tyutenkov, A. G. (1978). *Syas'stroj: desyat' shagov v budushchee. Istoriya Syas'skogo cellyulozno-bumazhnogo kombinata* [Syasstroy: ten steps into the future. History of Syassky Pulp and Paper Mill]. Leningrad: Lenizdat.

Zakharova, E. & Fasonov, P. (2019). *Rozhdenie giganta. 1934–1940* [The birth of a giant. 1934–1940]. Novodvinsk: Arhangel'skij CBK.

Zykin, I. V. (2019). Planirovka i arhitektura rabochih poselkov pri predpriyatiyah lesopromyshlennogo kompleksa 1930-h gg. (na primere Krasnokamska) [Layout and architecture of working villages at enterprises of the timber industry complex of the 1930s (using the example of Krasnokamsk)]. *Arhitekton: izvestiya vuzov*, 3 (67). Retrieved from: http://archvuz.ru/2019_3/9.

Zykin, I. V. (2021). Rabochij poselok Solikamskogo sul'fitno-cellyuloznogo kombinata v konce 1930-h – nachale 1940-h godov: opyt izucheniya [The working village of the Solikamsk Sulphite Pulp Mill in the late 1930s - early 1940s: study experience]. *Arhitekton: izvestiya vuzov*, 3 (75). Retrieved from: http://archvuz.ru/2021_3/12/.

Submitted: 18.10.2021

Accepted: 02.12.2021

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. Н. Кайдышева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
kainatalya@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – определить роль государства, общества и частных лиц в деле организации помощи детям. В качестве источников использованы материалы делопроизводства государственно-общественных, общественных благотворительных организаций, Русской Православной церкви, органов земского самоуправления, местной периодической печати. В статье впервые характеризуются формы и масштабы помощи нуждающимся в защите детям в Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Отмечается, что попечение государства о детях в условиях войны было связано, в первую очередь с развитием таких направлений его деятельности, как забота о семьях призванных воинов и беженского населения. Показана высокая активность органов земского самоуправления, ставших координатором помощи детям. Автором определено, что ведущую роль в деле защиты детства стали играть общественные благотворительные организации и частные лица, что было вполне естественно в условиях военного времени, когда появилось значительное число новых категорий нуждающихся в заботе со стороны государства. На основе проведенного исследования сделан вывод, что в рассматриваемый период наблюдался активный процесс разгосударствления благотворительности в сфере помощи детям.

Ключевые слова: филантропия; государственное попечение; общественная благотворительность; частные благотворительные практики; защита детства.

1. Введение

Интерес к теме отечественной благотворительности не иссякает на протяжении нескольких последних десятилетий [Беспалов, 2014; Власов, 2001; Голикова, 2013; Государство и церковь в России, 2002; Дружинкина, 2008; Поршнева, Мальцева, 2002; Ульянова, 2005], что обусловлено развитием гражданского общества в современной России, а также существованием целого ряда социальных проблем, решение которых требует консолидации усилий власти и общества. Примерами взаимодействия властных структур различного уровня, общественных объединений и частных лиц в деле решения проблемы обездоленных детей изобилует отечественный опыт российской благотворительности дореволюционного периода, в частности периода Первой мировой войны, как последнего этапа в развитии благотворительности в имперской России.

Забота о детях в дореволюционной России являлась одним из традиционных направлений благотворительной деятельности. Основной его формой стало содержание приютов. К началу войны, в Пермской губернии, как и в целом в России, действовала целая сеть приютов, в которых призывались больные, брошенные дети, дети из бедных семей. Их финансирование осуществлялось за счёт средств государства, общества и частных лиц.

2. Материал и методика исследования

В исследовании были использованы архивные материалы трёх фондов Государственного архива Свердловской области, в которых отражены данные о деятельности органов городского самоуправления (г. Екатеринбург) по организации помощи семьям призванных воинов, детям беженцев, Екатеринбургского Горного попечительства детских приютов, сведения о частной благотворительности по призрению детей, нуждающихся в помощи. Анализу была подвергнута делопроизводственная документация органов земского самоуправления, общественно-государственных и общественных благотворительных организаций, занимавшихся оказанием помощи обездоленным детям. Одним из основных источников стала местная периодическая печать, представленная журналом «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (официальным изданием Екатеринбургской епархии), газетами «Зауральский край», «Пермские губернские ведомости», «Уральская жизнь», в которых содержатся сведения о благотворительной деятельности Русской Православной церкви, общественных организаций, частных лиц в Пермской губернии в годы Первой мировой войны.

Исследование охватило период с 1913 г. (последнего предвоенного года) до 1917 г. (начала революционных событий, завершивших последний этап дореволюционной благотворительности в России). Использование в исследовании данных о благотворительности 1913 г. позволило автору рассмотреть направления и масштабы деятельности органов местного самоуправления по оказанию помощи детям в их развитии. Анализ расходования средств государственно-общественных благотворительных учреждений, органов городского и местного самоуправления, доходов общественных благотворительных организаций, формирования бюджета мероприятий благотворительной направленности дал возможность определить главных субъектов благотворительной помощи детям в Пермской губернии в годы Первой мировой войны и выявить акценты в деятельности власти и общества в этой сфере.

3. Анализ

Начавшаяся война принесла с собой многочисленные проблемы, связанные с появлением новых категорий нуждающихся, что отразилось на институтах социальной помощи. Военизированный характер стал присущ благотворительной сфере, что касалось как различного рода государственно-общественных благотворительных учреждений, так и общественных благотворительных организаций. Одни из них стали направлять большую часть

своих средств на помощь призванным воинам, их семьям, больным и раненым воинам, беженцам, другие, бюджет которых в связи с военным временем пополнялся крайне незначительно, либо существенно сократили объем благотворительной помощи, либо практически прекратили деятельность. Таким образом, в годы Первой мировой войны на второй план отошли многие социальные проблемы, стоящие перед российским обществом, например, помощь бедному населению, престарелым, инвалидам, развитие просвещения. Однако, практика благотворения в деле защиты детства в годы войны получила дальнейшее развитие.

С началом войны продолжили свою деятельность учреждения, находящиеся в ведении членов императорской семьи, приюты, открытые на частные средства и городские благотворительные общества. К числу учреждений, организованных в Пермской губернии членами императорской семьи относилось ведомство учреждений императрицы Марии. В ведении Пермского Губернского Попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии состояли находящиеся в Перми Губернский Богородицкий приют для девочек и два приюта-яслей для детей обоего пола, открытые на окраинах города (Отчёт пермского Губернского Попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии за 1914 г. Пермь: Типолиитография губернского правления. 1916, с. 3). В годы войны учреждение продолжило свою работу. В 1914 г. в Пермском Губернском приюте проживало 98 девочек; в дневном приюте-яслях в Солдатской Слободке числилось 6 мальчиков и 5 девочек, приходящих в приют только на дневное время, и 36 постоянно живущих в нём девочек; в Пермском дневном детском приюте-яслях значилось 32 мальчика и 21 девочка (Там же, с. 66).

Такого рода заведения обычно содержались за счёт поступлений из казны, разного рода пожертвований и членских взносов, а в их число членов, как правило, входили представители местной администрации, общественные деятели, частные благотворители. Так, председателем Пермского Губернского Попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии до 3 октября 1914 г. являлся Пермский губернатор Иван Францевич Кошко, а в дальнейшем и до окончания войны его преемник на посту губернатора Михаил Александрович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский. Постоянным почётным членом попечительства на протяжении всей войны был епископ Пермский и Соликамский Андроник. Всего же почётных членов попечительства насчитывалось 38 человек, в том числе 3 пожизненных. Следует сказать, что их ежегодные взносы в пользу попечительства в 1914 г. составили 4 тысячи 300 рублей, что являлось самой крупной статьёй дохода учреждения. Пособий на содержание приютов от Пермских губернской, городской и уездной земской управ в 1914 г. поступило в размере 750 рублей (Отчёт пермского губернского Попечительства детских

приютов ведомства учреждений Императрицы Марии за 1914 г. Пермь: Типолитография губернского правления. 1916, с. 60). Как видим, детские приюты, создаваемые под эгидой государственно-общественных учреждений, деятельность свою осуществляли в основном на средства местного общества. Для привлечения внимания к проблеме детей, нуждавшихся в помощи, чиновники органов местного самоуправления вступали в ряды их членов, выступая при этом и одними из самых активных жертвователей этих учреждений.

В указанный период попечением о детях занималось также Пермское Дамское Попечительство о бедных, открытое 10 июня 1862 г. и состоящее под покровительством императрицы Марии Федоровны и Императорского Человеколюбивого общества. На содержании попечительства находилось детское убежище, куда принимали детей всех сословий от 2 до 13-ти лет. В 1915 г. в убежище содержалось 78 мальчиков (Пермское Дамское Попечительство о бедных ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны покровительством и ведомства Императорского Человеколюбивого Общества. Отчет за 1915 г. и смета на 1916 г. Пермь. 1916, с. 61). Помимо убежища, при Пермском Дамском Попечительстве о бедных действовал приют Марии Магдалины, предназначенный специально для мальчиков. В нём в 1914 г. числилось 88 человек, в 1915 г. – 55 (Пермские губернские ведомости. 1915. № 237, с. 3).

Необходимость мобилизации людских и материальных ресурсов к решению социальных проблем, вызванных появлением новых категорий нуждающихся, побуждает членов Императорского Дома к созданию новых благотворительных учреждений. В честь 300-летия дома Романовых в годы Первой мировой войны был создан Романовский комитет, действовавший под покровительством императора Николая. Главной его целью стало «воспособление делу призрения бесприютных сирот сельского состояния, а также детей (...) воинов» (Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 5, с. 45). Организация помощи детям указанным комитетом осуществлялась в случае обращения к нему земств, общественных благотворительных обществ и приходских попечительных советов и выражалась в выдаче пособий из казны. Размер пособий, согласно положению, составлял половину от требуемой для организации приюта суммы. Для расширения масштабов своей деятельности комитет устраивал благотворительные сборы и лотереи, а также благотворительные сборы во всех церквях. Средства от различного рода благотворительных сборов в Романовский комитет передавались через Епархиальные попечительные комитеты. Романовские комитеты появились и в Пермской губернии. Романовский приют для сирот воинов в 1915 г. был открыт в Перми. В нём в 1916 г. проживало 15 детей. 3 января 1916 г. Романовский приют для солдатских сирот открылся в Кунгуре в имении, пожертвованном купцом Васильевым. Живое участие в деятельности комитета приняли представители духовенства и местное население. На организацию

приюта Пермским Епархиальным попечительным советом было выделено 20 тысяч рублей (Журналы заседаний Епархиального съезда духовенства и церковных старост Пермской епархии. 1915 г. Пермь: Электро-Типография «Труд». 1915, с. 120). На его содержание в период с 10 августа 1915 г. по 10 августа 1916 г. от Пермского Епархиального Попечительного совета и частных жертвователей поступило 3 тысячи 798 рублей (Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 29–30, с. 228). Приведённые примеры показывают, что создание государством учреждений помощи детям, открывало широкие возможности для развития общественных и частных благотворительных практик.

Призрение детей в годы войны стало одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества. Екатеринбургское городское управление в 1915 г. израсходовало на общественное призрение 62 тысячи 494 рубля 85 копеек (Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1991. Л. 77 об, 78, 78 об.). Самыми большими статьями расходов стали пособия двум благотворительным заведениям, находившимся в ведении городского управления: Сиротско-воспитательному дому имени С.А. Петрова – 29 тысяч 191 рубль и Александровской богадельне – 15 тысяч 125 рублей 87 копеек. В Сиротско-воспитательном доме имени Семёна Алексеевича Петрова, как и в приюте имени Михаила Ананиевича Нурова, проживали дети-сироты. Оба были созданы на средства своих основателей, но обеспечение первого, в стенах которого на 1 января 1915 г. проживало, включая брошенных детей, 210 человек, в значительной степени осуществлялось за счёт средств городского бюджета (Отчёт Попечительного Совета Верх-Исетского Сиротско-Воспитательного дома С. А. Петрова за 1914 г. 25-й год существования. Екатеринбург: Типография Товарищества «Уральский Край», 1915, с. 8). В целом, Екатеринбургской городской управой на попечение о детях, с учётом пособий различным заведениям и благотворительным обществам, в 1915 г. было выделено 32 тысячи 71 рубль (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1991. Л. 77. об.).

Составить представление о состоянии дела попечения о детях в годы войны стало возможным благодаря анализу бюджета органов земского самоуправления (см. таблицу 1, рис. 1) (Там же).

Изучение материалов о деятельности земств в Пермской губернии свидетельствует об увеличении ими расходов на общественное призрение в 1915 г. и их снижении в 1916 г. и 1917 гг. Причинами снижения являлось крайне скудное пополнение земских бюджетов и продолжавшаяся война, которая требовала постоянных затрат. Недостаток в бюджете вынуждал земские органы производить расходование средств только в отношении самых социально незащищённых слоёв населения. Так, расходы земств на призрение детей росли нередко как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении, что можно проследить на примере бюджета Пермского уездного земства.

Таблица 1 – Расходы Пермского уездного земства на общественное призрение*

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
8330 р.	13095 р. 91 к.	27761 р. 95 к.	12450 р.

* Журналы Пермского уездного земского собрания 44-й очередной сессии 1913 г. Доклады комиссий и Доклады управы с приложениями. Пермь: Электро-типография Чердынцева, 1914. С. 48; Отчёт уездной земской управы о движении сумм и капиталов уездного земства в 1914 г. Пермь: Электро-типография губернского земства, 1915. С. 68; Отчет уездной земской управы о движении сумм и капиталов уездного земства в 1915 г. Пермь: Электро-типография Губернского земства, 1916. С. 68; Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й очередной сессии 1916 г. Пермь: Электро-типография Чердынцева, 1917. С. 9.

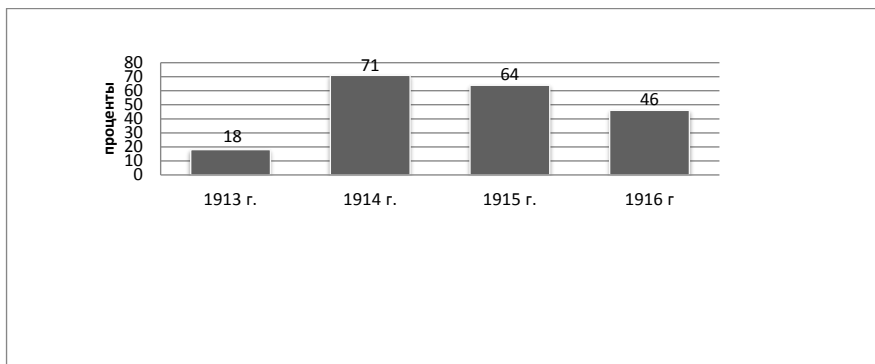

Рис. 1. Расходы Пермского уездного земства на призрение детей в 1913 – 1916 гг.

При этом отдельные детские приюты в годы войны существовали исключительно благодаря поддержке со стороны общественных организаций и частных лиц, как, например, упоминавшийся выше приют имени Нурова. В годы войны он содержался исключительно на средства благотворителей. Постоянной жертвовательницей приюта стала вдова основателя – Клавдия Ивановна Нурова (ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52. Л. 3; Д. 53. Л. 9, Л. 89 об., Л. 96; Д. 54. Л. 13 об., Л. 14, л. 72 об, 73 об.).

Проблема детей-сирот с началом войны настолько обострилась, что земские и городские власти приняли решение об открытии ещё одного учреждения, которое бы заботилось о детях, оставленных родителями. 31 июля 1916 г. в Верх-Исетском заводе в д. Белова состоялось открытие земско-городского патроната для 30 детей-подкидышей (Уральская жизнь. 1916. № 173, с. 3). Открытие патроната должно было значительно облегчить работу Сиротско-Воспитательного дома имени С. А. Петрова и снять остроту вопроса о призрении подкидышей.

Вообще, в дореволюционной России власть часто инициировала создание различного рода благотворительных организаций. Нередко при этом обращаясь к населению с призывом поучаствовать в деятельности той или иной благотворительной организации, в проведении многочисленных благотворительных акций. В годы войны власть вынуждена была постоянно апеллировать к обществу, так как самостоятельно с многочисленными социальными проблемами справиться уже не могла. И, как правило, общество откликалось на подобные призывы деятельным участием.

Примером такого взаимодействия власти и общества в годы войны может служить организация в Пермской губернии летних яслей. Весной 1915 г. губернское земство обратилось с воззванием к населению губернии способствовать делу организации яслей в сельской местности. Следует сказать, что детская смертность в летние месяцы в Пермской губернии на протяжении многих лет была одной из самых высоких в России. Связано это было отчасти с нерациональными правилами кормления и ухода, отчасти с необходимостью надолго оставлять детей без присмотра, так как это было время летней страды. И первые летние ясли, открытые здесь по инициативе губернского земства, появились еще в 1896 г., но, несмотря на острую в них необходимость, до войны число их во всей губернии не превышало 20 (Журналы Пермского губернского земского собрания 53-й чрезвычайной сессии и доклады управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1915, с 19). Коррективы в это дело внесла начавшаяся война. Отсутствие значительной части мужского населения поставило перед женщинами деревни задачу более активного участия в сельских работах, и потребность в создании временных приютов для детей стала настолько велика, что губернское земство решило расширить работу по их созданию. Губернская управа, в первую очередь, заинтересованная в призрении детей мобилизованных воинов, запросила у волостных попечительств данные о числе детей из семей призванных, чьи отцы погибли. По собранным сведениям, таких детей в губернии оказалась 1 тысяча 271 человек (Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 52-й чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему Собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1915, с. 44). На создание временных детских приютов в сельской местности в 1915 г. губернское земство выделило 7 тысяч 500 рублей. Была составлена брошюра «Как открывать и содержать дневные ясли-приюты в деревнях», которая была разослана во все уезды губернии (Ясли-приюты в Пермской губернии в лето 1915 г. Пермь, 1915, с. 2). Деятельность летних приютов-яслей в Пермской губернии в годы Первой мировой войны, ставших существенным подспорьем для женщин села на время сельских работ, приобрела широкие масштабы. Во многом это стало возможным благодаря женской половине населения и сельской интеллигенции. На местах массово организовывались дамские кружки с участием учащейся молодежи. В основном безвоз-

мездно жителями предоставлялись под ясли необходимые для этого помещения. Большой частью бесплатно работали и приглашённые в качестве надзирательниц учительницы и жёны священников. В результате совместных усилий власти и общества в уездах Пермской губернии летом 1915 г. было открыто 134 временных детских приюта (Там же).

В работу по организации летних яслей были вовлечены различного рода благотворительные и общественные организации, местное население. В Нижнетагильском заводе средства на ясли (более 500 рублей), помимо земства, выделили приходские попечительные советы Кирилло-Мефодиевской и Выйско-Казанской церквей, жители заводского поселка и Всероссийский союз по охране материнства и младенчества (Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915 г. № 35, с. 642). Открытие яслей под эгидой этой организации позволило получать попечительным советам дополнительные средства на их содержание. В организационную комиссию по созданию яслей входили священники, их жены и дочери, уездный наблюдатель, учительницы церковно-приходских школ и земских училищ, представители общественности. Местное общество принимало активное участие не только в создании, но и в работе временных детских приютов. Помимо платного персонала, в яслях бесплатно трудились по четыре попечительницы, а в качестве воспитательниц дамы-сотрудницы из числа местной интеллигенции и учащейся молодежи (Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 42, с. 732). Жёны священнослужителей, служащих, учительницы церковно-приходских и начальных школ, представительницы других слоёв общества добровольно помогали работе приютов. В состав временных комитетов, по обеспечению работы яслей, по большей части входили представители местного духовенства. Для обеспечения работы яслей приходские попечительные советы дополнительно организовывали сборы пожертвований среди населения. Деятельность яслей продолжалась с 1 июля по 20 августа. Ясли продолжали работу и летом следующего 1916 г. В первую очередь в них принимали детей призванных воинов. Из 47 содержащихся в 1916 г. в яслях детей, 40 были из солдатских семей (Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916 г. № 10, с. 254). Как показано, благотворительность являлась неотъемлемой чертой жизни населения Пермской губернии в годы войны. Важное место в деятельности многочисленных благотворительных организаций занимала помощь детям, упор, при этом, был сделан на детей воинов.

В Екатеринбурге помощь армии и семьям воинов, выразившуюся, как правило, в создании приютов для детей, оказывало общество Милосердия св. Николая. В 1914 г. в приюте общества Милосердия 13 из 67 призреваемых были из семей запасных (Уральская жизнь. 1914. № 241, с. 3), а в 1916 г. их число составило 40 из 80 проживающих в приюте детей. Существенную поддержку в содержании приюта обществу Милосердия оказывало местное общество. В 1914 г. благодаря пожертвованию жительницы Екате-

ринбурга А. Е. Анкудиновой в 5 тысяч рублей, общество Милосердия приобрело для приюта новое здание (Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 13, с. 3). Жертвовательница помогала приюту не только материально, она следила за организацией питания детей и снабжением их необходимой одеждой. Для обеспечения детей молоком в приюте имелись две коровы, одна из которых была пожертвована местным жителем К. П. Ястребовым. Он же ежегодно доставлял разнообразное угощение для детей, муку и различные предметы, необходимые в хозяйстве. Бесплатной была и помощь городского врача Екатеринбурга И. Г. Упорова, лечившего приютских детей на протяжении 1914 – 1915 гг. (Там же. с. 6).

Заметной тенденцией в развитии благотворительного движения в военное время становится стремление к объединению усилий различных благотворительных организаций. Например, обществу Милосердия в проведении благотворительных сборов на нужды приюта помощь регулярно оказывали Епархиальный попечительный совет Екатеринбурга и созданный при нём Женский комитет. Совместно с указанными организациями общество Милосердия неоднократно во время войны устраивало лотереи и кружечные сборы. Так, 11 октября 1915 г. была проведена лотерея-аллегри, чистая прибыль от которой выразилась в сумме 1 тысяча 276 рублей 48 копеек. Тогда же жителями Екатеринбурга в пользу общества было пожертвовано более 700 вещей (Уральская жизнь. 1915. № 244. С. 3).

Традиционно активную позицию в организации помощи детям занимало духовенство Русской Православной церкви. Уже 21 ноября 1914 г. Пермским епархиальным попечительным советом в доме Успенского женского монастыря по Пермской улице был открыт приют для детей воинов, в который принимались дети от года до 10 лет, «если они сироты или матери их больны и многосемейны» (Пермские губернские ведомости. 1914. № 282. С. 2), а также малолетние дети на время дневных работ их матерей. Таким образом, приют одновременно выполнял и роль яслей. Еще один детский приют был открыт в стенах Чердынского Иоанно-Богословского женского монастыря. В нем в 1915 г. призревалося порядка 30 детей воинов и 18 детей беженцев (Пермские губернские ведомости. 1915. № 272).

Содействие беженцам в годы Первой мировой войны становится одним из основных направлений благотворительности. Приют для беспризорных детей беженцев, не имеющих или потерявших своих родителей и родственников, был открыт Сестричеством при Свято-Троицкой церкви Мотовилихинского завода в Перми. Содержался приют на взносы членов Сестричества и на пожертвования частных лиц (Пермские губернские ведомости. 1915. № 260. С. 3). Специально созданный комитет при Екатеринбургском еврейском благотворительном обществе открыл на Покровском проспекте убежище для детей еврейских беженцев, куда принимали детей от 3 до 7 лет (Зауральский край. 1916. № 73. С. 3). Вообще, еврейское население самым

активным образом включилось в дело помощи армии и семьям мобилизованных воинов Пермской губернии. При Обществе пособия бедным евреям в Перми был создан Отдел помощи жертвам войны, который выделил на содержание «детского еврейского очага» 11 тысяч 827 рублей 82 копейки (Пермский еврейский Детский очаг. 1-й год существования. С 1 февраля 1916 г. по 31 декабря 1916 г. Пермь, 1917. С. 14).

Наряду с уже существовавшими национальными организациями в Екатеринбурге в годы войны был образован местный отдел латышского общества «Родина». Новая благотворительная организация ставила своей целью оказание помощи латышам, пострадавшим от военных действий. Отдел общества «Родина» открыл детский сад и школу, в которой дети ежедневно получали горячий завтрак. В школе в 1915 г. числилось 18 детей. В целом же на попечении общества находилось около 100 человек. Средства общества складывались из ежегодных членских взносов, добровольных пожертвований, доходов от устройства концертов, спектаклей, лекций и пр., а также из ассигнований от главного комитета в Петрограде (Уральская жизнь. 1916. № 11. С. 3). На переводимые оттуда средства содержались два приюта: на 12 человек на Малаховской улице и на 15 – на Водочной улице. При втором приюте имелась столовая, где отпускались горячие обеды. Здесь же некоторым нуждающимся выдавался хлеб на дом, а детям молоко. Позднее, когда приток средств из Петрограда прекратился, второй приют был закрыт (Зауральский край. 1916. № 93. С. 3). А для пополнения средств Общество стало проводить благотворительные концерты со сбором пожертвований (Уральская жизнь. 1916. № 49. С. 3).

Начало массового притока беженцев в Пермскую губернию приходится на конец 1915 г. А уже к 1 января 1916 г. беженцев в губернии насчитывалось свыше 24 тысяч, из их числа на долю детей приходилось 37 процентов (Уральская жизнь. 1916. № 18. С. 3). Городские власти не всегда справлялись с всё увеличивающимся потоком прибывающих: не хватало средств, помещений. В таких случаях власть, стараясь оперативно решить стоящие перед ней проблемы, обращалась к помощи благотворительных учреждений. Так, в сентябре 1915 г. Екатеринбургская городская управа обратилась к Попечительному Совету Верх-Исетского Сиротско-Воспитательного дома имени С. А. Петрова с просьбой разместить у себя 75 детей беженцев, с условием, что питанием и одеждой дети будут обеспечиваться за счет города, на что Попечительный Совет учреждения ответил согласием. Вместе с тем, городская управа запросила средства на приобретение необходимых помещений у Пермского отдела Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза городов, в том числе, занимавшихся устройством беженцев. 23 ноября 1915 г. Екатеринбургской городской управе для этих целей было переведено 58 тысяч 800 рублей. Указанная сумма была потрачена на покупку в Екатеринбурге здания и на приспособление в нём помещений для

приёма беженцев на 414 мест, из которых 100 мест предназначались для брошенных детей (ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 576. Л. 12).

4. Заключение

Итак, война отразилась на всей сфере социальной помощи детям. Несмотря на то, что с её началом усилия общественности оказались переориентированы с многочисленных социальных проблем на военные нужды и отдельные направления социальной помощи, получившие развитие в довоенный период, были отодвинуты на второй план, к попечению детей это относится лишь отчасти. Во-первых, забота о детях в годы войны получает дальнейшее развитие как одна из форм помощи семьям мобилизованных воинов и беженцев. Во-вторых, еще большее обострение проблемы детской смертности, являвшейся одним из самых злободневных вопросов и в довоенный период, не позволило власти игнорировать его в тяжелых условиях военного времени. Попечение о детях становится одним из приоритетных направлений деятельности и государства, и общества, в том числе действовавших здесь многочисленных благотворительных организаций и учреждений. Следует отметить, что остро стоявший детский вопрос способствовал не только консолидации сил общественности, но и активному взаимодействию власти и общества.

Роль общества в деле попечения о детях в Пермской губернии в годы войны была весьма существенной. Во многом именно благодаря поддержке общественности оказалась возможной деятельность различного рода детских учреждений. Часто в связи со значительными расходами на военные нужды государство не в состоянии оказывалось содержать многочисленные воспитательные и сиротские дома. И здесь общество, осознавая важность заботы о детях, приходило на помощь. Практически полностью на его содержании в годы войны оказались многие государственные детские учреждения, приюты, созданные и финансировавшиеся ранее членами императорской семьи, нередко пожертвования составляли большую часть их дохода. Таким образом, можно утверждать, что в годы войны шёл активный процесс разгосударствления сферы социальной помощи детям.

Список литературы

Беспалов, Г. А. Добровольная благотворительность в годы Первой мировой войны. Георгиевский комитет / Г. А. Беспалов. – Текст: непосредственный // Материалы международной научной конференции «Первая мировая война: год 1914-й» 23–24 апреля 2014 г. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2014. – С. 45–49.

Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – Москва : Издательство «Центрполиграф», 2001. – 444 с. – Текст: непосредственный.

Голикова, С. В. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX вв.: институциональный и социокультурный аспекты / С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич. – Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013. – 436 с. – Текст: непосредственный.

Государство и церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности : Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Ред.-сост. И. Н. Бондаренко, Н. В. Гудков. – Иваново : Министерство труда и соц. развития РФ, 2002. – 196. – Текст : непосредственный.

Дружинкина, Н. Г. Церковно-приходские благотворительные общества Петербурга в свете церковно-государственных отношений в конце XIX – начале XX века / Н. Г. Дружинкина. – Текст: непосредственный // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. – С. 264–278.

Поршнева, О. С. Благотворительность общественных организаций Екатеринбурга в годы Первой мировой войны (по материалам прессы) / О. С. Поршнева, О. С. Мальцева. – Текст: непосредственный // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. – Екатеринбург : АМБ, 2002. – С. 114–118.

Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. / Г. Н. Ульянова. – Москва : Наука, 2005. – 402 с. – Текст: непосредственный.

Статья получена: 18.09.2021

Статья принята: 03.11.2021

ORGANIZATION OF CHILD SUPPORT IN PERM PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

N. N. Kaidysheva

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute
(branch) of Russian State Vocational Pedagogical University
kainatalya@yandex.ru

Abstract. The present paper set out to determine the contribution of the state, society, private companies, and individuals to child welfare. The research was based on materials of social state and public charitable organisations, local government bodies, Russian Orthodox Church, central and local periodicals. The author of the present paper analysed the areas, forms and scope of aid to child welfare in the Perm province in World War I. It was noted that under conditions of war new ways of the state social policy were developed along with the traditional ones: support to soldiers' families and refugees. It is highlighted that local governments (zemstvo)

were actively involved in coordinating the child support. The author showed that public charitable organizations and individuals began to play a leading role in the protection of childhood, which was obvious during the war, when there was a large number of people in need. Based on the research, it was concluded that in the wartime period there was the growing role of private initiatives in the field of child welfare.

Key words: philanthropy; state welfare system; public charity; private charitable initiatives; childhood protection.

References

Bespalov, G. A. (2014). *Dobrovol'naja blagotvoritel'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny*. Georgievskij komitet [Voluntary charity during the First World War. St. George Committee]. *Pervaja mirovaja vojna: god 1914* (pp. 5–49). Tula: TulGU.

Bondarenko, I. N. & Gudkov, N. V. (Eds.) (2002). *Gosudarstvo i cerkov' v Rossii: istorija vzaimodejstviya v sfere blagotvoritel'nosti* [State and Church in Russia: History of Interaction in the Sphere of Charity]. Ivanovo: Ministry of Labour and Social Development of Russia.

Druzhinkina, N. G. (2008). *Cerkovno-prihodskie blagotvoritel'nye obshchestva Peterburga v svete cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v konce XIX – nachale XX veka* [Church-Parish Charitable Societies of St. Petersburg in the Light of Church-State Relations in the late XIX – early XX centuries]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovanie* (pp. 264–278). Saint Petersburg.

Golikova, S. V. & Dashkevich, L. A. (2013). *Prizrenie detej na Urale v XVIII – nachale XX vv.: institucional'nyj i sociokul'turnyj aspekty* [Care for children in the Urals in the XVIII - early XX centuries: institutional and socio-cultural aspects]. Yekaterinburg: RIO UrO RAN.

Porshneva, O. S. & Mal'ceva, O. S. (2002). *Blagotvoritel'nost' obshchestvennyh organizacij Ekaterinburga v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam pressy)* [Charity of public organizations in Yekaterinburg during the First World War (based on press materials)]. *Yekaterinburg: ot zavoda-kreposti k evrazijskoj stolice* (pp. 114–118). Yekaterinburg: AMB.

Uljanova, G. N. (2005). *Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii. XIX – nachalo XX v.* [Charity in the Russian Empire. XIX – early XX century]. Moscow: Nauka.

Vlasov, P. V. (2001). *Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii* [Charity and mercy in Russia]. Moscow: Centrpoligraf.

Submitted: 18.09.2021

Accepted: 03.11.2021

УДК 323.282(091) : 070(470.51/54)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ УРАЛА (1928-1939 ГГ.)

В. М. Кириллов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
history_vmk@mail.ru

Аннотация. Предметная область статьи связана с историей политических репрессий на Урале. Главный акцент делается на периоде Большого террора. Актуальность и новизна исследования заключаются в изучении периодической печати Урала в качестве основного исторического источника (газета «Уральский рабочий» за 1928-1939 гг.). В качестве методологических средств использован метод контент-анализа и парадигматический подход, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов рассматриваются как определенным образом организованная структура. В качестве ключевого системообразующего ядра такой структуры избрано понятие «генеральная линия партии» и сконцентрировано внимание на его репрессивной составляющей. Проведенный анализ показал, что тема репрессий занимает «почетное» место в публикациях газет. Пиковыми значениями отличаются период 1928-1931 гг. и 1937 г., в процентном отношении – 1928 и 1937 гг. Результаты исследования отражены в комплексном классификаторе. В 1936 г. блок категорий, наиболее тесно связанный с репрессивной тематикой, составляет 20,7% от всего массива единиц анализа. В 1937 г. блок выделенных нами категорий занимает уже 30% единиц анализа. Констатируется, что скрытая направленность террора не отразилась в выделенных нами темах газетных публикаций. В 1938 г. репрессивный блок составляет 8% единиц анализа. Репрессивная тематика в период 1928-1939 гг. присутствует внутри всех категорий анализа, кроме чисто репрессивного блока.

Ключевые слова: периодическая печать Урала, контент-анализ, парадигматический подход, генеральная линия партии, политические репрессии, Большой террор, комплексный классификатор.

1. Введение

В период «архивной революции» 1990-х гг. в отечественной историографии сложилось особое направление, связанное своей предметной областью с историей политических репрессий в СССР. Рассекречивание и публикация первоисточников по этой теме предоставили в руки исследователей объемный материал для комплексного изучения широкого круга проблем истории репрессивной политики советской власти.

Комплекс современных письменных исторических источников включает в себя целый ряд их разновидностей: законы и нормативные акты, делопроизводственные документы, судебно-следственная и лагерная документация, периодическая печать, источники личного происхождения, статистические источники, произведения литературы и искусства.

Основной упор в исследовании вышеназванной темы профессиональные историки делают на делопроизводственные документы НКВД-МВД, статистические источники и источники личного происхождения. Гораздо меньшее внимание обращается на периодическую печать в силу ее явной ангажированности в интересах власти. Объективное исследование этого вида источников вызывает необходимость применения формализованных методологических средств.

2. Материал и методика исследования

В качестве основного исторического источника для написания статьи мы использовали подшивку газет «Уральский рабочий» (Свердловск) за период 1928-1939 гг.

При изучении текстов периодической печати нами использован метод контент-анализа и парадигматический подход, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов рассматриваются как определенным образом организованная структура.

3. Контент-анализ текстов газеты «Уральский рабочий»

В качестве ключевого системообразующего ядра такой структуры мы выбрали понятие «генеральная линия партии».

Элементами структуры, образуемой ключевым понятием-проблемой, стала группа категорий, опирающихся на содержание номеров газет:

- 1 – международная политика;
- 2 – оппозиция и уклоны в партии;
- 3 – антирелигиозная пропаганда;
- 4 – кулачество;
- 5 – коллективизация;
- 6 – «бывшие» и специалисты;
- 7 – новая культура;
- 8 – хлебозаготовки;
- 9 – займы;
- 10 – налоги;
- 11 – торговля;
- 12 – кооперация;
- 13 – военизация;
- 14 – печать;
- 15 – репрессии;
- 16 – классовая бдительность;
- 17 – школа и молодежь;
- 18 – стратегия и тактика партии;
- 19 – советское строительство;
- 20 – вопросы производства;
- 21 – патриотизм, герои;
- 22 – карательные органы;
- 23 – реабилитация;

- 24 – конституция, право;
- 25 – отношение к Сталину;
- 26 – наука;
- 27 – национальная политика;
- 28 – перепись;
- 29 – принудительный труд.

В период 1928 – 1934 гг. количество категорий контент-анализа составило 20 единиц, в 1935–1939 гг. расширилось до 29.

Обращение к отдельным высказываниям и формулировкам внутри этих категорий (единицам высказываний) позволяет проследить эволюцию основных установок генеральной линии партии; подсчет единиц высказываний дает возможность «взвесить» роль того или иного элемента стратегии и тактики партии в период с 1928 по 1939 гг. Применительно к самой генеральной линии партии, мы сконцентрировали свое внимание на ее репрессивной составляющей.

В связи с ограничениями по объему публикации главное внимание в статье сосредоточено на периоде 1936–1938 гг.

Перед нами не стоит задача описать последовательность разворачивающихся репрессий, эта история достаточно подробно рассмотрена в исторической литературе. В центре нашего исследовательского интереса – выявление репрессивной тематики в основных темах газетной информации.

В 1936 г. начался новый поворот в генеральной линии партии, связанный с подготовкой «Большого террора». В корреспонденциях «Уральского рабочего» за этот год репрессивная тематика напрямую представлена в таких категориях контент-анализа, как 2 – оппозиция и уклоны в партии, 6 – «бывшие» и специалисты, 15 – репрессии, 16 – классовая бдительность; общим объемом 61 единица высказываний из массива в 294 единицы по всей совокупности категорий.

Типичными заголовками для 2-й категории являются:

Очистим советскую землю от троцкистско-зиновьевской мрази! (Уральский рабочий. 1936. № 189).

Правые отщепенцы-защитники реставрации капитализма (Там же. № 290).

Применительно к категории 6 мы встретили лишь один материал, где упомянуты «бывшие»:

Специальная комиссия советского контроля проверила Пермский горсовет и вскрыла в его работе крупнейшие ошибки и извращения классовой линии. Аппарат отделов горсовета оказался засорен чуждыми людьми-кулаками и белогвардейцами, открытыми и маскировавшимися врагами партии и рабочего класса (Там же. № 53).

Преобладают заголовки, связанные с категорией 15:

Остервенелые враги перед судом народа. Троцкистско-зиновьевские группы были в 1936 г. раскрыты НКВД. Сообщение прокуратуры. У них идейная смычка с фашизмом (Там же. № 188).

Враги и их укрыватели (Там же. № 187).

Повторяющиеся формулировки материалов по категории 16:

Уметь распознавать врага. Много раз тов. Сталин говорил о том, что построение бесклассового общества не является стихийным процессом. Со всей непримиримостью он обрушивался на тех, кто понял тезис об уничтожении классов как оправдание лени и благодушия. Это – перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии, так называл тов. Сталин проповедников контрреволюционной теории затухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нужна бдительность против троцкистско-зиновьевской банды (Там же. № 181);

Мы будем еще бдительнее к остаткам классовых врагов. Бдительно разоблачать подлых двурушников и гнилых либералов! (Там же. № 200).

Комсомолец Смирнов разоблачил троцкистского агента Шулаева (Там же. № 201).

Однако формулы идеологии борьбы с классовым врагом, на самом деле, пронизывают практически подавляющее большинство тем периодики. Теряет свое первостепенное значение раздел 1 - международная политика, с первых страниц газеты он уходит на 4-5-е и содержит 30 единиц высказываний, среди которых проскальзывает одно, связанное с нашей темой:

Опровержение антисоветских измышлений (по поводу «голода» и «волнений» на советской Украине) (Там же. № 204).

Категории 3, 4, 10, 11, 12, 22, 28, 29 отступают на второй план и не проявляются в текстах.

Зато выполняют свои задачи категории-темы 5, 7, 8, 14, 17, 18, 20, 24, 25, 26. Перечислим типичные единицы высказываний:

Наше новое, освобожденное от эксплуатации крестьянство, «базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике» (Сталин). В этих немногих словах математически точно показана вся современная советская деревня, которая пришла к своему счастью через ликвидацию кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации, и с помощью нашей могучей тяжелой промышленности (Там же. № 285) (категория 5).

«Я понял неправильность всей моей прежней жизни. Мой отец был кулак. Эксплуатировал чужой труд». Стахановец транспортного цеха Чусовского завода Ф. С. Яковец (Там же. № 144) (кат. 7).

Семена доверены врагам (Там же. №144) (кат. 8).

На партийные темы. Либералы, способствующие двурушникам. Директор Свердловского пединститута Канценбоген скрывал от партии вплоть до 1935г. свою причастность к троцкистам. За это он был исклю-

чен из партии, а затем, как сознавший свою вину перед партией, восстановлен с объявлением строгого выговора. Либералы сняли с него выговор (Там же. №187);

Святая революционная бдительность-девиз комсомола (Там же. №201) (кат.17);

Очистить предприятия и шахты от врагов и саботажников стахановского движения (Там же. № 381) (кат.20);

Обсуждение Конституции. Еще выше поднимем революционную бдительность (Там же. №144);

Комбинат НКВД. Три года назад чекисты вручили своей стране чудесный подарок – ББК. Это пример перековки правонарушителей (Там же. № 197) (кат.24);

гневные публикации профессоров о традициях раболепия-преклонения перед буржуазной наукой (Там же. №159) (кат.26).

Несомненно, что роль цементирующего ядра идеализированной информации, нацеленной на обоснование политики репрессий, играет тематический раздел, связанный со стратегией и тактикой партии (категория 18). Приведем типичный пример оправдания классовой политики и власти диктатуры пролетариата: публикуется текст беседы Сталина с корреспондентом американской газеты, которому предшествует заголовок – *«Живется и работает все лучше, веселее!»*. Далее по тексту интервью: *Говард – Означает ли это ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?*

Сталин – Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард – Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин – Не согласен с термином государственный социализм (он доказывает, что переход собственности из частных рук в народные создает общественную собственность, характеризует СССР организацией советской, социалистической, еще не вполне построенной, но в корне своем социалистической организацией общества (Там же. № 53).

За словами и призывами следует практика. В августе 1936 г. открылся московский процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Троцкистско-зиновьевские группы были раскрыты НКВД, установлена их мнимая «идейная смычка с фашизмом». В результате этого судилища Сталину удалось добиться перелома в своей борьбе с оппозицией – получить санкцию на ее физическое устранение. В 1936 г. расстреляли 16

лидеров оппозиции, заочно приговорили к смертной казни Троцкого. Незамедлительно по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов [Жадова, 1992, с. 300–301].

Следили за августовским процессом и в Свердловске, Нижнем Тагиле, по всей стране, стремясь не ударить лицом в грязь. Только по партийной линии в Н. Тагиле в этом месяце было наказано 19 троцкистов. А к сентябрю было разоблачено уже 34 троцкиста. Газеты знакомили тагильчан с процессами над «троцкистами – вредителями и диверсантами» на рудниках Кузбасса, Кемеровском руднике [Там же. 01.09., 22.11.].

Уже в это время Сталин сделал попытку окончательной расправы с Бухариным. Прокуратура Союза ССР закончила расследование о причастности Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова к троцкистскому центру. Однако дело было временно прекращено [Там же. № 209].

Укрепление диктаторского положения вождя требовало постоянных действий по подавлению потенциальных угроз его власти. Как считает О. В. Хлевнюк, «такими угрозами для Сталина в тот период были [...] остатки «коллективного руководства» в Политбюро и сохранение значительного слоя бывших оппозиционеров [Хлевнюк, 2020, с. 195, 197–198].

В 1936 г. оппозиционеров окончательно перевели в разряд «врагов» и «террористов». Сталин лично разрабатывал инструктивные материалы по распознаванию коварных врагов. Эта его деятельность отразилась, например, в газетной статье в «Уральском рабочем», перепечатанной из «Правды», под названием «Уметь распознавать врага» [Там же. № 181]. Из нее мы узнаем, что тов. Сталин много раз говорил о том, что построение бесклассового общества не является стихийным процессом. Со всей непримиримостью он обрушивался на тех, кто понял тезис об уничтожении классов как оправдание лени и благодушия. Ср.:

Это – перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии, так называл тов. Сталин проповедников контрреволюционной теории затухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нужна бдительность против троцкистско-зиновьевской банды (Там же).

В сентябре 1936 г. народным комиссаром внутренних дел СССР был назначен Николай Ежов. Первое, что он сделал на новом посту, — «зачистил» органы внутренних дел от людей своего предшественника Генриха Ягоды. Второе и самое главное: развернул массовые репрессии против так называемых «врагов народа».

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1937 г. репрессивная тематика (кат. 2, 15, 16) представлена 170 единицами высказываний. Приведем их примеры. Категория 2:

Правые отщепенцы стали сообщниками в преступной работе троцкистов-кровавых наемников Гитлера (Уральский рабочий. 1937. №85);

Правые отщепенцы и их теория «врастания кулака в социализм» (Там же. № 127);

Социал-корниловцы (меньшевики). Кровавых дел мастера (эсеры)(Там же. № 181).

Категория 15:

Выше бдительность в разоблачении фашистских последышей (Там же. №10);

Черные изменники («параллельный троцкистский центр») (Там же. №18);

Связь троцкистов с гестапо доказана (Там же. № 23).

Категория 16: *Быть бдительными, как Ленин и Сталин. Самый подлый из фашистов – иудушка Троцкий в союзе с германским гестапо шлет в СССР диверсантов: шпионов, террористов[...]* (Там же. № 17).

Генерализующая линия партии, отразившаяся в категории 18, выглядит таким образом:

Развернуть большевистскую самокритику (Там же. №70);

Требуется усвоить уроки вредительства, диверсий, шпионажа японо-германских троцкистских агентов и их правых сообщников (Там же. №71);

О вредителях (Сталин). Теперь они «перестали быть политическим течением в рабочем движении [...], они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц (Там же. №74);

О гнилой теории «затухания классовой борьбы». Разоблачим до конца всех и всяких двурушников, превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма! (Там же. № 250);

Жить стало лучше, жить стало веселее (Там же. № 260);

Усилим бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей стране! (Там же. № 260).

В остальных тематических разделах-категориях также усилилась репрессивная составляющая:

Кровавому фашизму и его троцкистской агентуре не сломить единства и воли испанского народа (Там же. № 92);

Подробности работы «5-й колонны» в Мадриде (Там же. № 93);

О борьбе с троцкистами в КП зарубежных стран (Там же. №№ 95, 104, 105, 108, 225) (кат. 1).

«Развернуть воинственную антирелигиозную пропаганду» (Там же. №103) (кат. 3).

По-большевистски исправить ошибки (вредительство в торговле) (Там же. № 123) (кат. 11).

Вражеские дела в Облпотребсоюзе (Там же. № 142) (кат.12).

Большевистской печати-верные партии сталинские кадры (Там же. №169);

Редактор газеты Грязных вел себя, как беззубый и шамкающий либерал (Там же. № 8) (кат. 14).

Категория 17:

Вражеские дела в Облоно (Там же. № 140);

Ликвидировать последствия вредительства в УралФТИ (Там же. №153);

В новых учебниках по истории не дано описания постоянной борьбы с врагами рабочих и крестьян: кулацкий саботаж хлебозаготовок, вредительство шахтинцев, промпартии, вредительство, заговор, шпионаж, попытки распродажи СССР иностранным капиталистам со стороны троцкистских агентов фашизма[...](замечания Сталина) (Там же. № 194).

Категория 19:

Достойные кандидаты на выборах в Верховный Совет (Ежов Н. И. и другие) (Там же. № 2);

От тред-юнионизма к руководству партии в профсоюзах (Там же. № 131).

Гениальное сооружение сталинской эпохи (канал Москва-Волга). М. Д. Берман (начальник строительства от НКВД) (Там же. № 99) (кат.26).

Я должен признать, – говорил тов. Сталин, – что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса (Там же. № 39) (кат. 24).

Семидесятипяти тысячный митинг патриотов социалистической Родины. Трудящиеся Свердловска одобряют приговор военной коллегии над троцкистской бандой реставраторов капитализма (Там же. №25);

Канал Москва-Волга (награждения чекистов) (Там же. №160) (кат.21);

Собрания, посвященные вопросу о методах работы иностранных разведок (Там же. №150);

Стихотворение Джамбула «Нарком Ежов» (Там же. №291) (кат.22).

Показательно, что категория «карательные органы», представлена рекордным числом единиц высказываний, начиная с 1928 года.

Газета вполне «адекватно» сопровождала разрушительный репрессивный процесс. Новый год в «Уральском рабочем» начинается с материалов, поступавших с городских партконференций, где разоблачали «врагов народа». Например, на партконференции в Н.Тагиле последовало разоблачение контрреволюционной группочки на Уралвагонстрое во главе с троцкистом-террористом Марьясиным (Там же. №7).

Затем разоблачили троцкистов в Первоуральске: бывшего секретаря райкома Чернецова, работников горкома Михалева, Белянина, Бердюгина, Зубарева, Щеколдина, Еремина (Там же. №8).

Этапным рубежом репрессивной политики периода Большого террора стал второй Московский процесс - официально «процесс Параллельного антисоветского троцкистского центра», который проходил в Москве с 23 по 30 января 1937 г. Основными указаниями по фальсификации данного дела стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936, предлагавшее рассматривать троцкистов как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей. Главными обвиняемыми на процессе стали Г. Л. Пятаков, К. Б.

Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников. Все 17 подсудимых были признаны виновными. К смертной казни приговорены 13 человек, в том числе Г. Пятаков и Л. Серебряков. К. Радека, Г. Сокольников и В. Арнольда приговорили к 10 годам, а М. Строилова к 8 годам тюремного заключения. Впоследствии они также были расстреляны [Известия ЦК КПСС. 1989. № 9; Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. 1991. с. 210—235].

В ходе процесса обвиняемые дали показания против Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Незамедлительно «Уральский рабочий» вслед за «Правдой», отреагировал заметкой под названием «*Бухарина, Рыкова, Угланова – на скамью подсудимых. Сурово судить правых реставраторов*» (Там же. №23).

К началу весны 1937 г. террористическая машина была хорошо отлажена. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) дана команда на места о расправе, и террор начался. 3 марта 1937 г. Сталин сделал доклад на пленуме «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, где повторил свой тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма». По итогам пленума Бухарин был исключён из партии, его дело передано в НКВД (следует отметить, что из 72 участников пленума 52 были расстреляны в ходе террора). В продолжение тезисов Сталина прозвучал доклад В. М. Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами» [Там же. №№72,92,93].

В феврале 1937 г. была заложена еще одна репрессивная традиция – «сталинских расстрельных списков» – приговоров, оформленных Военной коллегией Верховного суда СССР после подписей членов Политбюро ЦК ВКП (б). По ним было приговорено к высшей мере наказания более 44 тыс. человек. Визы членов Политбюро ЦК фактически становились приговором и никакой, даже формальной легитимации, не требовали.

Кампания по уничтожению «врагов народа» охватила массы людей. В июне 1937 г. на второй Свердловской конференции ВКП (б) назвали цифры «вычищенных» из партийных рядов: с 1934 г. исключены 18 тыс. чел. (из общего числа членов парторганизации области 48 тыс. чел.). Через год исключили еще 4478 чел. [37-й на Урале. 1990. с. 5, 6]. Следует заметить, что почти за каждым исключенным следовал арест.

Операции по изъятию «антисоветского элемента» тщательно планировались и утверждались лично Сталиным. Так было и с массовой операцией, оформленной приказом Н.И. Ежова 31.07.1937г. за №00447 «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В пределах Свердловской области намечалось за четыре месяца арестовать около 10 тыс. чел. Фактически эта «массовая кулацкая операция» была проведена уральскими чекистами в августе-сентябре 1937 г. Только в Нижнем Тагиле арестовали более 2 тыс. спецпереселенцев [История России. 1917-1940. Хрестоматия. 1993. с. 299-300].

В августе 1937 г. от Н.И. Ежова пришло распоряжение о начале операции по «перебежчикам». Она была частью массовых репрессивных кампаний, направленных против лиц иностранных для СССР национальностей (поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и других).

«Народная ярость» подогревается сообщениями из Прокуратуры Союза ССР. Закончено расследованием и передано в суд дело арестованных органами НКВД в разное время М. Н. Тухачевского, И. З. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В.М. Примакова, В. К. Путна. Я. Б. Гамарник покончил жизнь самоубийством. Процессу против военных присвоили трафаретное название: *Дело антисоветской троцкистской военной организации* (Там же. № 132).

Промежуточные итоги «созидательной» работы по «выкорчевыванию врагов народа» обсуждались на июльском пленуме Свердловского горсовета и привели к пессимистичному выводу:

И. о. председателя Облисполкома тов. Алексеев от имени горкома ВКП(б) и Облисполкома предложил: ввиду того, что большинство членов президиума горсовета сняты с работы, как враги народа и их пособники, президиум распустить. Это предложение было принято единогласно. На пленуме Свердловского горкома ВКП(б) констатировалось, что работа сосредоточена главным образом на дальнейшем разоблачении и выкуривании из партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и общественных организаций города троцкистских-правых бандитов и их прихвостней[...] (Там же. №№ 171, 177).

С сотнями антисоветских дел на местах тесно связаны крупные дела о контрреволюционной деятельности, которые рассматривались в центре. Завершает наше повествование о политических репрессиях 1937 г. заметка в газете «Уральский рабочий» в номере за 20 декабря:

В Военной коллегии Верховного суда СССР завершено дело на: Енукидзе А.С., Карахана О.М., Орахелашвили И.Д., Шеболдаева Б.П., Ларина В.Ф., Метелева А.Д., Цукермана В.М., Штейгера Б.С. по ст.58-1а, 58-6. Все приговорены к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение (Там же. № 291).

Весь этот номер посвящен славному 20-ти летнему юбилею «верного стража революции ВЧК-ОГПУ-НКВД». Он открывается статьей редактора, приветствием в адрес НКВД, портретами Н. И. Ежова и Д. М. Дмитриева, сообщением о награждении Б. Д. Бермана, В. А. Каруцкого, Е. Ф. Кривец, Г. А. Лупенина, Д. М. Соколинского, Н. Н. Федорова и других работников НКВД за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий ЦК ВКП(б). Действительно, пришлось «потрудиться на совесть». Ведь с июля 1937 г. и по конец лета 1938 г. каждый день по стране расстреливали в среднем 1500 человек. На третьей странице стихами народного поэта Казахстана Джамбула под лапидарным названием *Нарком*

Ежов советский народ выражает свое восхищение зоркоглазым и умным наркомом: Мильонноголосое звонкое слово летит от народов к батыру Ежову: спасибо, Ежов, что тревогу будя, стоишь ты на страже страны и вождя! [Там же].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1938 г. репрессивная тематика представлена в объеме 48 единиц высказываний. Проанализируем их направленность и содержание.

Тема оппозиции и уклонов в партии совершенно исчезла с газетных страниц (категория 2). Тема репрессий по-прежнему оставалась очень актуальной (кат.15):

Закончено следствие по делу заговорщической группы право-троцкистский блок (Уральский рабочий. 1938. № 48);

Право-троцкистские бандиты-поджигатели войны (Там же. № 55).

Не забывали про классовую бдительность (кат.16): Образ Горького зовет к бдительности (Там же. №71);

Большие бдительности при приеме в партию (Там же. № 199).

Центрирующая все установки классовой борьбы тема стратегии и тактики партии (18) в полном объеме выполняла свою мобилизующую роль:

Упор на самокритику и разоблачение клеветников (Там же. № 78);

До конца выкорчуем врагов народа (Там же. № 23);

Однако во многих решениях о восстановлении допущены ошибки-восстановлены враги народа (Там же 7. № 191);

Искорением врагов народа троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок! Смерть изменникам Родины! (Там же. № 254);

Постановление ЦК ВКП(б) О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(Б)». Этот курс – единое руководство по истории партии [...] не допускающее никаких произвольных толкований (Там же. № 263)

Помнили о доблестных чекистах(22): Честь и слава советской разведке! (Там же. № 58);

Пленум Свердловского горкома ВКП(б). Первым секретарем избран Н. Н. Валухин (офицер НКВД) (Там же. № 102).

Довольно тревожно звучала тема реабилитации (кат.23):

О лжеразоблачителях и клеветниках (Там же. № 16);

Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага [...]. Пора понять, что для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии-это вопрос жизни или смерти (Сталин) (Там же. № 16).

Тот, кто занялся реабилитацией незаслуженно оклеветанных, был, в конечном итоге, дезориентирован такой постановкой вопроса.

Мудрые высказывания вождя о роли личности в истории, исключали возможность появления каких-либо личностей, кроме него:

Троцкистско-бухаринские выродки [...] тоже возомнили себя «личностями» [...] пытались повернуть историю вспять [...] (Там же. № 276).

Джамбул продолжал славить все деяния вождя: *Песня о мудром сталинском законе* (Там же. № 279).

Поймали за руку врагов, проводивших всесоюзную перепись 1937 г. (кат.28):

Враги народа [...] провели эту перепись с грубейшими нарушениями элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций (Там же. № 187).

Констатировалась окончательная победа группировки Сталина (кат.19):

Ленинско-сталинское правительство СССР (Там же. № 18);

Доверенные лица агитируют за кандидатов сталинского блока (Там же. № 129).

Выражалось удовлетворение разгромом врагов в высшей школе (кат.17):

В Свердловском университете неблагополучно. Сменено старое «вражеское руководство» (Там же. № 103);

Колхозников пугали развращающим демоном зажиточности (кат.5):

Факты проявления буржуазных тенденций в отдельных колхозах. Рост доходов колхозников должен происходить путем роста трудодня, не путем незаконного расширения приусадебных участков [...] (Там же. № 281).

Как символ новой культуры подавался интерес к творению вождя (кат.7): *Поступление Краткого курса. Живые очереди с «нетерпением ожидали появления в продаже замечательной книги [...]* (Там же. № 243).

Напоминали о врожденном антисоветизме православной церкви (кат.3):

Антисоветская деятельность церковников и задачи антирелигиозной пропаганды (Там же. № 2).

Грозили непослушной печати (кат.14), неверно понявшей установки партии:

Дело против Уральского рабочего (Там же. № 8).

Публиковались тревожные сведения о злодейской деятельности троцкистов за рубежом (кат.1):

Китайские троцкисты-враги народа (Там же. № 26);

Процесс по делу троцкистских шпионов в Испании (Там же. № 236, 238).

Таким образом, нацеленность на непрерывную классовую борьбу внутри страны и со всем несогласным окружающим миром, который не понимает преимущество передового строя в СССР, как постоянная константа большевистской пропаганды оставалась жестким мейнстримом партийной периодики.

Последним крупным показательным процессом времен Большого террора 1938г. стал открытый политический процесс в Москве по делу об «Антисоветском право-троцкистском блоке», который состоялся 2-13 марта. Третий процесс состоялся над 21 членами так называемого «Право-троцкистского блока». Главным обвиняемым являлся Николай Бухарин, бывший глава Коминтерна, также бывший председатель Совнаркома Алексей Рыков, Христиан Раковский, Николай Крестинский и Генрих Ягода — организатор первого московского процесса. Среди обвиняемых были также И. Н. Казаков, Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнёв, известные деятели советской медицины. Все обвиняемые, кроме троих (Бессонова, Плетнёва и Раковского), были приговорены к расстрелу.

В октябре 1938 года началась подготовка к свёртыванию террора. 8 октября Сталин поручил Ежову, Берии, Вышинскому, Рычкову и Маленкову подготовить проект постановления «о новой установке по вопросу ареста, ведения следствия и прокурорского надзора». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года положило конец Большому террору. Все внесудебные органы, кроме Особого совещания, были ликвидированы, все массовые операции прекращены. Упрощённый порядок ведения следствия категорически запрещался, на любой арест теперь нужно было получить санкцию прокурора [Большой террор]

Н. И. Ежов 24 ноября был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел, его место занял Л. П. Берия. В декабре 1938 года началось массовое освобождение находящихся под следствием «контрреволюционеров».

По данным историка Н. В. Петрова, в 1939—1940 года из мест заключения были освобождены от 100 до 150 тысяч человек, причём в основном за счёт тех, кого арестовали, но не осудили до 17 ноября 1938 года [Петров, 2011, с. 29]. Экспертная комиссия МГУ оценила количество освобождённых в этот же период в 150—200 тысяч человек [Эксперты].

В годы массового террора в рамках «кулацкой операции» было осуждено тройками около 818 тысяч человек, из них к расстрелу приговорено 436 тысяч. С августа 1937 года по ноябрь 1938 года в рамках всех «национальных операций» было осуждено 335 513 человек, из них приговорено к расстрелу 247 157 человек, то есть 73,66 % от общего числа осуждённых [Петров, Рогинский]. За этот период было расстреляно 681 692 человека. Всего по политическим мотивам было арестовано 1372 382 человека [Большой террор].

В конце февраля газета извещает об *«окончании следствия по делу заговорщической группы «право-троцкистский блок» Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н и других»* (Там же. №48). Моментально организуется одобрительная реакция советского народа. Сначала перепечатывается передовая из «Правды» *Право-троцкистский блок «убийц, шпионов, предателей, сопровождаемая материалами процесса и «бодрыми»*

призывами о смерти *«троцкистско-бухаринским бандитам» со стороны трудящихся* (Там же. №49). Затем публикуется подборка писем рабочих и служащих, резолюций общественных и партийных собраний такого же свойства. Например, письмо *Единственный справедливый приговор - расстрелять!* общего собрания коллектива театра оперы и балета им. А. В. Луначарского от имени 600 работников: народного артиста Маргуляна, заслуженного артиста республики Месняева, заслуженного артиста Аграновского, Бернер, Барашкова, Курочкина, Кочнева, Келлера, Еремеева др. (Там же. № 53).

Серьезным фактором воздействия на внутреннюю политику стало обострение международных отношений, война в Испании и Китае, деятельность Л. Д. Троцкого (категория «международная политика» по числу единиц высказываний занимает второе место в газетных публикациях 1938 г.). Одной из главных целей «Большого террора», как его понимало НКВД внутри своего карательного ведомства, было уничтожение «пятой колонны» по подобию Испании, только в СССР. Поэтому материалы из серии «международная политика» изобилуют статьями и заметками о происках «троцкистов» в разных странах.

Борьба с вредительством остается системным элементом репрессивной политики. Только теперь акцент сделан на устранении последствий враждебных действий.

В «Уральском рабочем» в 1937 г. вновь промелькнуло малоизвестное ранее слово «реабилитация». В 1938 г. оно уже занимает третье место по числу единиц высказываний среди выделенных нами категорий.

Причиной столь частого употребления этого нового понятия явились решения январского пленума ЦК ВКП (б). В постановлении пленума говорилось:

Пленум ЦК ВКП (б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП (б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии [...]. Среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений и недостатка бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии (выделено жирным шрифтом в документе – ВМК) [...]. Пора понять, что для рядовых членов партии пребывание в партии или ис-

ключение из партии – это вопрос жизни и смерти (Сталин) [...]. Постановление одновременно определяло нового врага: *Разоблачить и до конца **истребить замаскированного врага** (выделено в документе – ВМК), **пробравшегося в наши ряды и старавшегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу*** (Там же. №16).

Сталин действовал в своей привычной манере, перекладывая ответственность на региональных и других руководителей партийных организаций, а также на рядовых коммунистов, проявивших излишнюю бдительность в обстановке тотального погрома (названного «кадровой революцией»).

Теперь газеты были обязаны давать материалы обо всех реабилитированных и восстановленных в партии. В номерах газеты за 1938 год мы встретили 64 материала в связи с реабилитацией, названо более 50 фамилий реабилитированных, ранее исключенных из партии, комсомола и уволенных с работы. Количество реабилитированных, по отчетам партийных органов, составило около 200 человек.

Процесс реабилитации 1938 года оказался весьма условным явлением. Его исполнители окончательно запутались в вопросе о том, кого нужно считать врагами народа. Те, кто проявлял революционную бдительность согласно установкам ЦК и лично тов. Сталина, яростно разоблачал и преследовал «врагов народа» – правых, «левых», «двурушников», «гнилых либералов» и прочие «чуждые элементы», вдруг оказались «нечуткими» к своим товарищам по партии, «перестраховщиками», следовательно, врагами партии и народа.

В информационной заметке «До конца выполнить решения январского Пленума ЦК ВКП(б)» Г. Буканов, секретарь Пермского ГК ВКП(б), доложил о разборе апелляций: рассмотрено 224 дела, 76 чел. восстановлены в партии, пересмотрено 47 решений об исключении, 29 отменены, 18 подтверждены. Однако во многих решениях о восстановлении допущены ошибки – *восстановлены враги народа* (Там же. № 191). Это – свидетельство полной дезориентации всей партийной среды в определении врага. Ср.:

У всех на памяти были слова Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г.: Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств [...] (Там же. №258).

И не случайно они были вновь процитированы в докладе В. М. Молотова по случаю 21-й годовщины Октябрьской революции.

Кульминация массового террора в СССР пришлась на первую половину 1938 г. В последующие месяцы началось постепенное торможение плановой работы карательных органов, сокращались масштабы репрессий. В 1939 -1940 гг. были расстреляны Б. Д. Берман, Г. Ф. Горбач, А. А. Наседкин, С. Ф. Реденс, А. И. Успенский и многие другие активные участники Большого террора. 6 апреля 1939 г. был арестован Фриновский, 10 апреля - Ежов. Им предъявили обвинения в руководстве контрреволюционной фашистской организацией в НКВД, подготовке государственного переворота и терактов, шпионаже, убийствах неугодных им лиц. 3 февраля 1940 года Военная Коллегия Верховного суда под председательством В. В. Ульриха приговорила их к расстрелу.

Всего в 1939 году из органов НКВД было уволено 7372 оперативно-чекистских сотрудника (22,9 % от списочного состава), арестам из них подверглись 937 человек. Из общего числа 6174 руководящих оперативных работников были заменены 62 % [Большой террор].

В корреспонденциях «Уральского рабочего» за 1939 г. репрессивная тематика представлена в объеме 18 единиц высказываний. Как мы видим, объем единиц высказываний по интересующей нас проблеме совсем невелик. В основном, репрессивная политика связана с переходом к чрезвычайному положению в связи с началом Второй мировой войны.

Наступило время иных, более скрытых действий, бразды правления в НКВД перешли к Л. П. Берии. Он стал практиковать закрытые индивидуальные процессы, создал видимость восстановления законности путем реабилитации жертв сфальсифицированных дел. Теперь репрессии сводились к ударам по немногим ключевым фигурам. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы сохранить контроль над страной на рубеже 1930-1940-х гг.

4. Заключение

Подводя итог нашему микроисследованию, можно сделать следующие выводы. Подсчет единиц высказываний по выделенным нами категориям анализа показывает, что тема репрессий занимает «почетное» место в публикациях «Уральского рабочего». Пиковыми значениями отличаются период 1928-1931 гг. и 1937 г., в процентном отношении – 1928 и 1937 гг. Тесно сопрягаются с темой репрессий категории 2, 4, 6, 15, 16.

С учетом этих категорий место и процентное соотношение репрессивной тематики с другими категориями и общим числом единиц высказываний выглядит несколько иначе (см. Таблицу 1).

Репрессивную тематику можно обнаружить и внутри всех остальных категорий анализа. Количество анализируемых категорий постепенно увеличилось с 20 до 29.

Акцентируя внимание на периоде Большого террора, видим ряд особенностей. В 1936 г. блок категорий (2,4,6,15,16), наиболее плотно связанный с репрессивной тематикой во все предыдущие годы, составляет 20,7% от всего массива единиц анализа. При этом внутри него явно преобладают

категории 2 (оппозиция и уклоны в партии) – 13% всех единиц анализа, 15 (репрессии) – 6,8%, и 16 (классовая бдительность) – 6,5%. А категории 4 (кулачество) – 0% единиц анализа и 6 («бывшие» и специалисты) – 0,3% явно отходят на второй план. Процентное распределение других заметных категорий анализа выглядит таким образом: 20 (вопросы производства) – 21%, 24 (конституция, право) – 14,3%, 1 (международная политика) – 10,2%, 18 (стратегия и тактика партии) – 9,2%, 17 (школа и молодежь) – 4,8%.

Таблица 1 – Комплексный классификатор «Политические репрессии по материалам газеты "Уральский Рабочий"»

Категории анализа	Количество единиц анализа											
	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
	756	485	1001	387	658	811	865	813	294	566	594	557
Тема репрессий: место/%	2/ 13	4/ 8	3/ 9	3/ 7,75	5/ 7	7/ 4,6	7/ 5,3	13/ 2,1	6/ 6,8	2/ 15,7	6/ 5,9	15/ 0,9
В целом репрессивная тематика (категории 2, 4, 6, 15, 16). Кол-во единиц/%	294 / 38,9	375 / 77,3	588 / 58,7	97 / 25	84 / 12,7	61 / 7,5	87 / 10	54 / 6,6	61 / 20,7	170 / 30	48 / 8	18 / 3,2

В 1937 г. блок выделенных нами категорий занимает уже 30% единиц анализа. Внутри него на первое место выдвигаются категории 15 – 15,7%, 2 – 7,4%, 16 – 6,9, а категории 4 и 5 практически сходят к нулю. В этом году проявляется повышенное внимание к карательным органам (категория 22) – 3,7% (в 1935 г. – 2%, 1936 – 0%, 1938 – 7%, 1939 – 1%). Особо акцентируется внимание на теме патриотизма (категория 21) – 6,2%. Анализ других категорий дает следующие показатели: 18 – 16,4%, 1 – 13,2%, 20 – 6,4%, 17 – 4%, 24 – 3,5%, 5 – 2,3%. Важно отметить интересный факт, следующий из нашего анализа. Острые массовых операций 1937-1938 гг. было нацелено против «бывших», особенно «кулацких элементов» и так называемой «инобазы». Эта скрытая направленность террора не отразилась в выделенных нами темах газетных публикаций.

В 1938 г. картина иная: лидируют категории 15 – 5,9% и 16 – 2,2%, слабо проявляется категория 6 – 0,3%, у категорий 2 и 4 нулевые показатели. В целом репрессивный блок составляет только 8% единиц анализа. Среди других категорий анализа лидирующее место занимают 18 (стратегия и так-

тика партии) – 18,7%, 1 (международная политика) – 16%, 23 (реабилитация) – 10,7%, 20 (вопросы производства) – 9,9%, 19 (советское строительство) – 8,2%, 5 (коллективизация) – 3,9%, 24 (конституция, право) – 3,4%, 17 (школа и молодежь) – 3,2%.

Список литературы

37-й на Урале / Ред.-сост. Л. Г. Адамова; науч. ред. Н. Н. Попов. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1990. – 304 с. – Текст : непосредственный.

Большой террор. – Текст : электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Большой_террор&oldid=110822539 (дата обращения: 15.11.2021).

Жарова, Н. Л. История Отечества. 1900-1940. 10 класс / Н. Л. Жарова, И. А. Мишина. – Москва : Просвещение, 1992. – 422 с. – Текст : непосредственный.

История России. 1917-1940. Хрестоматия / Сост. А. А. Мазур, М. Е. Главацкий. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1993. – 415 с. – Текст : непосредственный.

О так называемом «Параллельном антисоветском троцкистском центре». – Текст : непосредственный // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 6–15.

Петров, Н. В. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. / Н. В. Петров, А. Б. Рогинский. – Текст : электронный. – URL: <http://old.memo.ru/history/po-lasy/00485art.htm> (дата обращения: 15.11.2021).

Петров, Н. В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина / Н. В. Петров. – Москва : Новая газета, 2011. – 320 с. – Текст : непосредственный.

Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. / Сост.: И. В. Курилов, Н. Н. Михайлов, В. П. Наумов ; под общ. ред. А.Н. Яковлева. — Москва : Политиздат, 1991. – 461 с. – Текст : непосредственный.

Хлевнюк, О. В. Сталин. Жизнь одного вождя / О. В. Хлевнюк. – Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Эксперты нашли фактические ошибки в учебнике истории Барсенкова и Вдовина – Текст : электронный. – URL: <http://ria.ru/society/20101124/300515272.html> (дата обращения: 15.11.2021).

Статья получена: 06.09.2021

Статья принята: 15.10.2021

REFLECTION OF THE HISTORY OF POLITICAL REPRESSIONS IN THE PUBLICATIONS OF THE PERIODICALS OF THE URALS (1928-1939)

V. M. Kirillov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
history_vmk@mail.ru

Abstract. The subject area of the article is related to the history of political repression in the Urals. The main focus is on the period of the Great Terror. The relevance and novelty of the research lies in the study of the periodicals of the Urals as the main historical source (newspapers "Uralsky Rabochy" for 1928-1939). As methodological tools, the method of content analysis and the paradigmatic approach were used, according to which the studied features of texts are considered as a certain way of organized structure. The concept of the "general line of the party" was chosen as the key system-forming core of such a structure, and attention is focused on its repressive component. The analysis showed that the topic of repression occupies an "honorable" place in newspaper publications. Peak values differ in the period 1928-1931. and 1937, in percentage terms - 1928 and 1937. The research results are reflected in the complex classifier. In 1936, the block of categories is most closely associated with repressive topics, accounting for 20.7% of the entire array of units of analysis. In 1937, the block of categories identified by us already occupies 30% of the units of analysis. It is stated that the latent orientation of the terror was not reflected in the topics of newspaper publications we have highlighted. In 1938, the repressive block is 8% of the units of analysis. Repressive themes in the period 1928-1939 is present within all categories of analysis, except for the purely repressive bloc.

Key words: periodicals of the Urals, content analysis, paradigmatic approach, general party line, political repression, Great Terror, complex classifier.

References

Adamova, L. G. (Ed.). (1990). *37-j na Urale* [37th in the Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Bol'shoj terror [Great terror]. Retrieved from: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Bol'shoj_terror&oldid=110822539

Eksperty nashli fakticheskie oshibki v uchebnike istorii Barsenkova i Vdovina [Experts found factual errors in the history textbook by Barsenkov and Vdovin]. Retrieved from: <http://ria.ru/society/20101124/300515272.html>

Hlevnyuk, O. V. (2020). *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of one leader]. – Moscow: AST.

Mazur, A. A. & Glavackij, M. E. (Eds.). (1993). *Istoriya Rossii. 1917-1940. Hrestomatiya* [Russian history. 1917-1940. Reader] Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

O tak nazyvaemom «Parallel'nom antisovetskom trockistskom centre» (1989). [About the so-called "Parallel anti-Soviet Trotskyist center"]. *Izvestiya CK KPSS*, 9, 6–15.

Petrov, N. V. (2011). *Palachi. Oni vypolnyali zakazy Stalina* [Executioners. They carried out Stalin's orders]. Moscow: Novaya gazeta.

Petrov, N. V., Roginskij, A. B. (2021). «*Pol'skaya operaciya*» NKVD 1937-1938 *gg.* ["Polish operation" of the NKVD 1937-1938.]. Retrieved from: <http://old.memo.ru/history/polacy/00485art.htm>

Yakovlev, A. N. (Ed.). (1991). *Reabilitaciya: Politicheskie processy 30—50-h gg.* [Rehabilitation: Political Processes of the 30-50s]. Moscow: Politizdat.

Zharova, N. L. & Mishina, I. A. (1992). *Istoriya Otechestva. 1900-1940* [The history of homeland. 1900-1940]. Moscow: Prosveshchenie.

Submitted: 06.09.2021

Accepted: 15.10.2021

УДК 028(470.5)

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА ЗЛОКАЗОВЫХ

О. В. Морева

Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского
Екатеринбург, Россия
moreva.o.v@yandex.ru

Памяти Татьяны Константиновны Гуськовой

Аннотация. Целью статьи является характеристика читательских интересов представителей рода Злоказовых – успешных предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей, оставивших весомый след в истории Урала. Источниками послужили архивные материалы и следы бытования (владельческие записи, экслибрисы и суперэкс-либрисы, марки переплетчиков и т. п.) на изданиях, находившихся ранее в личных библиотеках Злоказовых, а ныне хранящихся в отделе редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского. Книжные раритеты рассмотрены как комплексный исторический источник, обладающий неисчерпаемым информационным потенциалом для изучения истории чтения. Историко-книговедческий анализ позволяет дополнить картину развития книжной культуры на Урале во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: читательские интересы, история чтения, род Злоказовых, книжные знаки, историко-книговедческий анализ.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. уральское предпринимательство пополнялось в основном за счет непривилегированных слоев российского общества. На «деловой сцене» Урала появились выходцы из бывших крепостных, ярко проявивших себя в торговле и промышленной сфере и записавшихся в ряды российского купечества.

Исследователи купеческих родов такие стремительные перемены в жизни своих героев связывают, как правило, с предпринимательской хваткой, неугомонным характером и другими личностными характеристиками, не включая в свое исследовательское поле читательские практики купечества, анализ их богатых книжных собраний, которые комплектовались на протяжении нескольких поколений. Ставшую традицией привычку покупать книги, читать их и передавать потомкам, с полным правом можно считать свидетельством того, что книга в успешной предпринимательской деятельности играла не последнюю роль. Однако изучение роли книги в жизни купечества наталкивается на ограниченность источниковой базы.

Если о дворянских библиотеках позволяют говорить сохранившиеся каталоги или описи книг, которые составлялись при переходе владения, то для купеческих фамильных собраний такие сведения встречаются редко. В этом случае важным методом изучения становится их выявление в современных библиотеках по владельческим признакам (записям и книжным знакам) и другим читательским «следам».

2. Материал и методика исследования

Уникальная исследовательская ситуация сложилась в отношении одной из ветвей известного на Урале предпринимательского рода Злоказовых, происходившего из крепостных мастеровых Каслинского завода. Несколько поколений этого разветвленного рода в XIX – начале XX в. проявили себя в винокуренной, стекольной, горнозаводской, мукомольной, текстильной и других отраслях промышленности. В Государственном архиве Свердловской области [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 259–260 об.] нами обнаружена опись библиотеки наследников Василия Петровича Злоказова (?–1917), составленная Куяшским волостным исполнительным комитетом в декабре 1919 г. «во исполнение предложения Екатеринбургского уездного отдела народного образования от 15 августа 1919 г.» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 250], а в отделе редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (СОУНБ) – книги, принадлежавшие его жене Вере Николаевне Простосердовой (1870–?). Изучение описи, выявление и историко-книговедческий анализ книг, принадлежавших Злоказовым, позволяют реконструировать круг чтения и читательские предпочтения владельцев, характеризующие их как личностей.

3. Анализ

Исследователи книжной культуры выяснили, что еще в первой половине XIX в. в купеческих семьях читали и хранили книги, но, как правило, это были духовные, учебные или лубочные издания. Они были доступны не только по содержанию, но и по цене, их можно было купить на ярмарках и в мелочных лавках. С расширением книжного репертуара и ростом образования в купеческих семьях формировались библиотеки с самой разнообразной литературой [Байдин, 1997; Забровская, 2017; Пирогова, 2012]. Свидетельством тому является библиотека «наследников В. П. Злоказова».

Выясняется, что библиотека находилась в принадлежавшем им имении Метлино (современный поселок в Озерском городском округе Челябинской области), расположенном на берегу озера Кожаккуль. Это место было выбрано еще отцом Василия Петровича – Петром Михайловичем во второй половине XIX в. для мукомольной мельницы. В конце 1890-х гг. Василий Петрович уже входил в число крупнейших производителей муки Исетского мукомольного района, был заметной фигурой в общественной жизни Среднего Урала. В 1897–1915 гг. он был избран гласным Екатеринбургского уездного земства, в 1902–1904 гг. – гласным Екатеринбургской городской думы [Микитюк, 2017, с. 271–272].

Наследниками Василия Петровича, скончавшегося в 1917 г., стали вдова Вера Николаевна, сыновья Борис и Петр, а также дочери Валентина (родилась в первом браке В. П. Злоказова с Е. С. Вяткиной) и Зоя. Известно, что Борис Васильевич (1893–?) – старший из братьев Злоказовых – к тому времени окончил Казанский университет, а младший, Петр (1896–?), учился в Петроградском технологическом институте [Микитюк, 2017, с. 272–273]. Их родная сестра Зоя (1895–1977) вышла замуж за потомственного медика, впоследствии – Заслуженного врача РСФСР К. В. Гуськова. Она увлекалась музыкой, была замечательной пианисткой. В семье родились две дочери – Ангелина Константиновна, всемирно известный врач-радиолог, лечивший чернобыльцев, член-корреспондент РАН и Татьяна Константиновна, доктор исторических наук, профессор Нижнетагильского государственного педагогического института, много лет работавшая на историческом факультете.

Состав усадьбы библиотеки В. П. Злоказова и его наследников в некоторой степени раскрывает общие и частные интересы владельцев. Это была домашняя библиотека, в которой хранились комплекты любимых периодических изданий и книги всех членов семьи. Видимо, Злоказовы выписывали одновременно несколько толстых литературных журналов (так, за 1889 г. сохранились номера «Наблюдателя» и «Вестника Европы»). Особенно почитаем был «Наблюдатель» (в описи зафиксированы экземпляры за 1885–1887, 1889–1891, 1894 и 1895 гг.), который в конце XIX в. пользовался популярностью, привлекал талантливых авторов. Репутация его в литературном сообществе была высока, о чем говорит тот факт, что после прекращения издания в 1884 г. «Отечественных записок» подписчики этого ведущего журнала перешли именно к «Наблюдателю» [Пятковский, 1904].

Стоимость годовой подписки на «Вестник Европы» была самой высокой из всех «толстых» литературных и общественно-политических журналов. Она составляла в 1880–1890-е гг. 17 руб., тогда как в этот же период годовой комплект журналов «Русская старина» и «Русское богатство» стоил 9 руб., «Исторический вестник» – 10 руб., а «Русская мысль» – 12 руб. [ГАСО, ф. 14, оп. 1, д. 513, л. 16]. Таким образом, уже ценой редакция «Вестника Европы» формировала круг своих читателей. Это были представители образованного общества, ориентированные на европейские ценности и интересующиеся мировыми новостями политики и культуры. Редакция, зная свою публику, размещала на страницах журнала подробные аналитические работы, посвященные экономике и статистике. Так, в сентябрьской книжке за 1888 г. была опубликована статья Л. З. Слонимского «Экономические идеалы» [Алфавитный указатель, 1888, стб. 918–919], а в апрельской – за 1889 г. – статья А. А. Исаева «Россия и Америка на хлебном рынке» [Алфавитный указатель, 1889, стб. 913]. Возможно, эти статьи были интересны главе семейства. Но, вероятнее всего, отдельные номера за 1888–1889 гг. сохранились из-за публикации в них последнего романа М. Е. Салтыкова-

Щедрина «Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина». И хотя, автор отмечал, что «автобиографического элемента в моем настоящем труде очень мало» и просил читателей «не смешивать» личность автора «с личностью Затрапезного, от имени которого ведется рассказ» [Салтыков-Щедрин, 1887, с. 599], современники воспринимали этот текст, как воспоминания о детстве писателя. Автобиографические тексты всегда привлекали читателей. Так, Д. Н. Мамин-Сибиряк считал любимой книгой, которую ему читала мать в десятилетнем возрасте, «Детские годы Багрова внука» С. Аксакова [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 195].

В 1913–1914 гг. члены семьи проявили интерес к журналу народнического направления – «Русское богатство», который современники ценили больше за острую политическую полемику, чем за художественные произведения. Примечательно, что в домашней библиотеке хранили номера за 1913 г., когда главный редактор Владимир Галактионович Короленко публиковал свои очерки о «Деле Бейлиса»⁴. Выписывали Злоказовы и журнал эсеровского направления – «Заветы» (имелись экземпляры за три месяца 1912 г.). Все это свидетельствует об их интересе к острым политическим вопросам и, возможно, о близости к народникам и эсерам по своим взглядам.

Кроме журналов в описи библиотеки указано 32 книги «различного содержания» на русском языке и 11 «иностранных книг». Хотя список книг был составлен «учительницей Метлинской шк[олы]» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 260 об.], безусловно знакомой с правилами библиографического описания книг, но, видимо готовился в спешке, поэтому записи очень краткие и не все поддаются атрибуции. В него, например, вошла популярная книга А. Г. Рубинштейна «Музыка и ее представители» (она дважды издавалась до 1917 г. и переиздается до сих пор). Пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель и основатель Санкт-Петербургской консерватории в этом издании излагает свое отношение к музыке. Он «выступал против напыщенной виртуозности, захватившей европейскую пианистическую школу второй половины XIX века, ложного артистизма и поверхностной трактовки композиторского замысла», для него было важно раскрыть перед слушателями «все философские глубины музыки» [Рубинштейн, 2005, с. 5]. В семье Злоказовых любили музыку (напомним, что младшая из сестер связала свою профессию с исполнительской деятельностью, была пианисткой). В усадебном доме, согласно описи, было «два рояля (один из них старый, очень расстроен), 2 тетради нот в растрепанном виде» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 260 об.].

⁴ Имеется в виду судебный процесс над Менахемом Менделем Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве мальчика Андрюши Ющинского. Процесс сопровождался антисемитской кампанией с одной стороны и резкими выступлениями общественности в защиту обвиняемого – с другой.

В семейной библиотеке хранились издания по домоводству. В описи указаны: знаменитейшая книга Е. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам»⁵, два бесплатных приложения к журналу «Модный курьер» за 1900-е гг. брошюры Н. П. Аловерта «Сто блюд из овощей» и «Сто пирожков и пирожных») и одно из семи дореволюционных изданий Л. П. Шелгуновой «Дешевый домашний стол скоромный и постный». Исследователи повседневной жизни рубежа XIX–XX вв. отмечают, что благодаря «специализированным печатным изданиям и кулинарным книгам, число которых увеличилось» распространялись «новации гастрономической культуры» [Микитюк, 2021, с. 35].

В описи зафиксировано всего четыре романа (один из них, В. Кросс «Анна Ломбард», вышел в Москве в 1918(!) г.), хотя библиотечная статистика и воспоминания современников рубежа XIX–XX вв. фиксируют повышенный интерес к художественной литературе во всех возрастных категориях читателей и особенно среди молодежи: «Главным читателем в России была молодежь, студенчество. Этот “главный читатель” был не особенно разборчив, в голове у него был порядочный сумбур. Но у него было драгоценное свойство: он читал “до дыр”» [Цит. по: Рейтблат, 2009, с. 283].

Большая часть в списке (18 изданий) относились к жанру научной, научно-популярной и учебной литературы по языкознанию, зоологии, и физиологии человека. Так, среди учебной литературы было одно из популярнейших пособий по русскому языку и грамматике П. В. Смирновского, выдержавшее несколько переизданий до 1917 г. Возможно, Злоказовы его использовали и для учебных целей, и для совершенствования своих знаний.

Чем объяснить наличие в доме «наследников В. П. Злоказова» «коллекции насекомых» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 260 об.] и около двух десятков книг по биологическим наукам? На Урале, где было распространено коллекционирование камней и минералов, увлечение зоологией, орнитологией и энтомологией более чем экзотично. Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей в 1886 г. впервые выпустило «Программы и наставления для наблюдений и собирания коллекций по геологии, почвоведению, ботанике, зоологии и прочее», которые до 1917 г. переиздавались шесть раз (последнее в 1908-м). Какое издание было у Злоказовых установить невозможно, но с большей долей вероятности, можно утверждать, что оно, а также другие книги о жуках, бабочках, гусеницах и проч., помогли составить коллекцию, которая была внесена в опись библиотеки.

Можно предположить, что название описи – «Библиотека наследников В. П. Злоказова» – дано по экслибрису, который был в книгах и журналах. Кроме общей библиотеки у членов семьи, видимо, были и собственные

⁵ «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», или просто «Подарок молодым хозяйкам», – кулинарная книга, написанная классиком русской кулинарной литературы Е. И. Молоховец, впервые была издана 20 мая 1861 г., выдержала десятки переизданий и была одной из самых популярных в России книг по домашнему хозяйству [Сто лет назад, 2011].

книжные собрания, отражающие их личные интересы. Об этом свидетельствуют находки в СОУНБ книг с экслибрисом Веры Николаевны Злоказовой. Он содержит полное имя владелицы, заключенное в линейную рамку с двумя виньетками.

В. Н. Злоказова родилась в 1870 г. в семье Николая Васильевича Простосердова, юриста, выпускника юридического факультета Казанского университета, служившего в Пермском губернском правлении и Пермском окружном суде [Поспелов]. Дочь чиновника, дослужившегося до чина коллежского секретаря, наверняка была выпускницей женской гимназии⁶, и как многие ее современницы, не имевшие возможности получить высшее образование, продолжала заниматься самообразованием всю свою жизнь. Ее личная библиотека, судя по сохранившимся экземплярам книг, состояла из многотомных беллетристических, исторических, философских и искусствоведческих сочинений. Наибольшее количество экземпляров в издательских и владельческих переплетах были приобретены в конце 1880-х – начале 1900-х гг., когда Вере Николаевне было от 16 до 39 лет.

Самое раннее издание – это девять томов сочинений П. Д. Боборыкина (Москва, 1884–1886), самое позднее – восьмитомник Куно Фишера «История новой философии» (Санкт-Петербург, 1901–1909). П. Д. Боборыкин (1836–1921) невероятно плодовитый писатель, драматург, журналист, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик, был также невероятно популярен у современников. Исследователи чтения в России рубежа XIX–XX вв. отмечают, что интерес к творчеству авторов так называемого «второго эшелона» объясняется их «суперсовременностью», сиюминутностью образов и тем, публицистичностью их произведений, схожестью с журналистским фельетоном [Рейтблат, 2014, с. 356–370]. Прошло время этих писателей, а вместе с ним и их популярность.

Фундаментальный труд Куно Фишера (1824–1907) немецкого философа и историка философии до сих пор не потерял своего научного значения, т. к. «является образцом соединения философской основательности в детальном разъяснении учений с литературным мастерством в изложении интеллектуального развития главных представителей новоевропейской философии» [Фишер, 2008, с. 3]. Интерес к такому сочинению характеризует В. Н. Злоказову, как серьезного читателя, следящего за новинками научных изданий и интересующегося актуальным философским знанием.

Чтение подобных трудов – от Декарта до Шопенгауэра – было непременным занятием. Судя по отчетам Екатеринбургской публичной библиотеки им. В. Г. Белинского [Отчет, 1916, с. 50], из имевшихся 12 книг К. Фишера в 1914 г. было прочитано лишь девять. Это означает, что коэффициент об-

⁶ Сведения об окончании 4 класса Екатеринбургской первой женской гимназии в 1884 г. Верой Простосердовой мы находим в списках учениц [см.: Хренов, 2020, с. 75].

ращаемости, т. е. соотношение количества экземпляров в фонде и книговыдач этих изданий в течение года, книг немецкого философа имел отрицательное значение. Заметим, что самым читаемым из отдела «Философия, логика, психология, этика, эстетика, педагогика, образование» был О. Вейнингер (автор известного сочинения «Пол и характер»), коэффициент обращаемости книг которого составлял 18. Кроме философии, Веру Николаевну интересовала русская история. В ее библиотеке были такие серьезные и основательные сочинения, как шеститомник С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (Санкт-Петербург, 1895–1896) и четырехтомник Н. К. Шильдера «Император Александр Первый, его жизнь и царствование» (Санкт-Петербург, 1904–1905).

Приобретение трехтомника П. П. Гнедича «История искусств: (зодчество, живопись, ваяние)» (Санкт-Петербург, 1907) свидетельствует о желании владелицы приобщиться к шедеврам мирового искусства. Это научно-популярное издание (до 1917 г. оно трижды переиздавалось) привлекало читателей, прежде всего, прекрасными иллюстрациями, в том числе цветными на отдельных листах. Заметим, что издание стало эталоном для искусствоведческих альбомов-монографий (формат, расположение иллюстраций, справочный аппарат и т. п.). Эта книга историка искусств, основоположника искусствоведения об этапах развития живописи, скульптуры, архитектуры и декоративно-прикладного искусства, содержащая множество уникальных изображений всего лучшего, что было создано великими творцами разных стран и народов за многовековую историю человеческой цивилизации, переиздается и в XXI в. Можно предположить, что за чтением и разглядыванием иллюстраций этого издания сама Вера Николаевна и члены ее семьи провели немало часов. В описи зафиксировано, что в усадьбе хранились «пять картин в рамках (приложения к журналам)» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 260 об.]. Картины на отдельных листах в качестве «премии» предлагали многие издатели газет и журналов на рубеже XIX–XX вв., так называемым, «полным подписчикам», т. е. тем, кто подписался на готовый комплект. В качестве примера приведем цитату из рекламы журнала «Дневник писателя» на 1909 г.: «Все годовые подписчики (хотя бы и в рассрочку) получают <...> 8 отдельных картин, на мелованной бумаге (на разные сюжеты)» [Реклама газет и журналов, 1908, с. XVI–XVII]. Наличие картин в доме подтверждает интерес членов семьи Злоказовых к искусству. Заметим, что эти картины были «помещены в селе Куяш в Народный Дом и библиотеку-читальню <...> для украшения» [ГАСО, ф. 79-р, оп. 2, д. 10, л. 250 об.].

4. Заключение

Выявление книг с владельческими признаками в фонде СОУНБ продолжается, их описание и введение в научный оборот читательских помет еще предстоит, поэтому остаются открытыми вопросы: как хранились две библиотеки, какой порядок в расстановке книг был выбран владельцами, предпочитали ли они покупать их в книжных магазинах или выписывали из

столиц по почте и т. п. Полученная же информация свидетельствует о широких читательских интересах, интеллектуальном и серьезном чтении старшего и младшего поколений в семье Злоказовых, использовавших книгу для самообразования, практических повседневных дел, отдыха и развлечений. В позднеимперский период истории России сословная структура общества разрушалась, и чтение – одно из свидетельств этого процесса. Пример представителей купеческого сословия Злоказовых в этом отношении особенно показателен.

Список литературы

[Реклама газет и журналов]. – Текст : непосредственный // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1908. – № 45. – С. I–LVIII.

Алфавитный указатель авторов и статей, помещенных в «Вестнике Европы» в 1888 г. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1888. – № 12. – Стб. 912–926.

Алфавитный указатель авторов и статей, помещенных в «Вестнике Европы» в 1889 г. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1889. – № 12. – Стб. 915–930.

Байдин, В. И. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII – начале XX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) / Байдин В. И. – Текст : непосредственный // Уральский сборник : История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1997. – С. 17–27.

Государственный архив Свердловской области.

Забровская, М. Коллекция купеческого семейства: состав, оценка, атрибуция / М. Забровская. – Текст : непосредственный // Библиотека. – 2017. – № 8. – С. 8–10.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Автобиографическая записка / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Правда, 1958. – Т. 10. – С. 193–328.

Микитюк, В. П. Род Злоказовых / В. П. Микитюк. – Екатеринбург : Со-крат, 2017. – 351 с. – Текст : непосредственный.

Микитюк, В. П., Яхно О. Н. Городское застолье / В. П. Микитюк, О. Н. Яхно. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – 138 с. – Текст : непосредственный.

Отчет о деятельности Екатеринбургской публичной библиотеки имени В. Г. Белинского за 16-й год существования (с 1-го ноября 1913 г. по 1-е ноября 1914 г.) и Верх-Исетского отделения библиотеки имени Ф. М. Решетникова. – Екатеринбург : Типография Товарищества «Уральский край», 1916. – 92 с. – Текст : непосредственный.

Пирогова, Е. П. Книжные пристрастия екатеринбургских купцов Блохиных / Е. П. Пирогова. – Текст : непосредственный // Девятые Татищевские

чтения : Всероссийская научно-практическая конференции (Екатеринбург, 19–20 апреля 2012 года). – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2012. – С. 415–420.

Поспелов, Н. М. Простосердов Николай Васильевич / Н. М. Поспелов. – Текст : электронный // Забытые имена Пермской губернии : сайт. – URL: <http://www.fnperm.ru/простосердов-николай-васильевич.aspx> (дата обращения: 20.11.2021).

Пятковский А. Н. : [некролог]. – Текст : непосредственный // Исторический вестник. – 1904. – № 7. – С. 351.

Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с. – Текст : непосредственный.

Рейтблат, А. И. Писать поперек: статьи по биографии, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с. – Текст : непосредственный.

Рубинштейн, А. Г. Музыка и ее представители / А. Г. Рубинштейн. – [Переиздание]. – Санкт-Петербург : Союз художников, 2005. – 156, [2] с. – Текст : непосредственный.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1887. – № 10. – С. 599–631.

Сто лет назад. Наука и жизнь в начале XX в. – Текст : непосредственный // Наука и жизнь. – 2011. – № 6. – С. 59.

Фишер, К. История новой философии [Электронный ресурс] / Куно Фишер. – Москва : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 15547 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : зв., цв. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Хренов, М. Г. Справочник Екатеринбургской Первой женской гимназии (1861–1908) : [к 160-летию Екатеринбургской Первой женской гимназии] / М. Г. Хренов. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2020. – 161 с., [14] л. цв. ил., портр., факс. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 29.10.2021

Статья принята: 04.12.2021

READING INTERESTS OF THE ZLOKAZOV FAMILY

O. V. Moreva

Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky
Yekaterinburg, Russia
moreva.o.v@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to characterize reading interests of representatives of the Zlokazov family – successful entrepreneurs, philanthropists and public figures who have left a significant mark in the history of the Urals. The sources were archival materials and traces of existence (owner's records, bookplates and super-exlibris, etc.) on publications that were previously in the personal libraries of the Zlokazovs, and now stored in Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky. Book rarities are considered as a complex historical source with inexhaustible informational potential for studying the history of reading. Historical and bibliological analysis makes it possible to supplement the picture of the development of book culture in the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Key words: reader interests, reading history, the Zlokazov family, book signs, historical and bibliological analysis.

References

Alfavitnyj ukazatel' avtorov i statej, pomeshhennyh v «Vestnike Evropy» v 1888 g. (1888). [Alphabetical index of authors and articles published in the "Bulletin of Europe" in 1888]. *Vestnik Evropy*, 12, 912–926.

Alfavitnyj ukazatel' avtorov i statej, pomeshhennyh v «Vestnike Evropy» v 1889 g. (1889). [Alphabetical index of authors and articles published in the "Bulletin of Europe" in 1889]. *Vestnik Evropy*, 12, 915–930.

Bajdin, V. I. Evoljucija social'no-kul'turnogo i bytovogo oblika verhushki ural'skoj burzhuzii v konce XVIII – nachale XX vv. (Na primere sem'i ekaterinburgskih kupcov Kazancevyh). (1997). [The evolution of the socio-cultural and everyday appearance of the top of the Ural bourgeoisie in the late XVIII – early XX centuries (on the example of the family of Yekaterinburg merchants Kazantsev)]. *Ural'skij sbornik : Istorija. Kul'tura. Religija*, 17–27.

Fisher, K. (2008). *Istorija novoj filosofii* [History of new philosophy]. Moscow: Direktmedia Publishing.

Gosudarstvennyj arkhiv Sverdlovskoj oblasti. [The State Archive of the Sverdlovsk region].

Hrenov, M. G. (2020). *Spravochnik Ekaterinburgskoj Pervoj zhenskoj gimnazii (1861–1908)* [Directory of the Yekaterinburg First Women's Gymnasium (1861–1908)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMC UPI.

Mamin-Sibirjak, D. N. (1958). Avtobiograficheskaja zapiska [Autobiographical note]. *Collected Works*, 10, 193–328.

Mikitjuk, V. P. & Jahno, O. N. (2021). *Gorodskoe zastol'e* [City feast]. Yekaterinburg: Al'fa Print.

Mikitjuk, V. P. (2017). Rod Zlokazovykh [The Zlokazov family]. Yekaterinburg: Sokrat.

Otchet o dejatel'nosti Ekaterinburgskoj publichnoj biblioteki imeni V. G. Belinskogo za 16-j god sushhestvovaniya (s 1-go nojabrja 1913 g. po 1-e nojabrja 1914 g.) i Verh-Isetskogo otdelenija biblioteki imeni F. M. Reshetnikova (1916). [Report on the activities of the Yekaterinburg public library named after

V.G.Belinsky for the 16th year of its existence (from November 1, 1913 to November 1, 1914) and the Verkh-Isetsy branch of the F.M. Reshetnikov library]. Yekaterinburg: Tipografija Tovarishhestva «Ural'skij kraj».

Pirogova, E. P. (2012). Knizhnye pristrastija ekaterinburgskih kupcov Blokhinyh [Book addictions of Yekaterinburg merchants Blokhin]. *Devjatyje Tatishhevskie chtenija* (pp. 415–420). Yekaterinburg.

Pjatkovskij, A. N. (1904). *Nekrolog* [obituary]. *Istoricheskij vestnik*, 7, 351.

Pospelov, N. M. Prostoserdiv Nikolaj Vasil'evich [Prostoserdiv Nikolay Vasilyevich]. *Zabytye imena Permskoj gubernii*. Retrieved from: <http://www.fnperm.ru/prostoserdiv-nikolaj-vasil'evich.aspx>

Rejtblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sociologii russkoj literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Rejtblat, A. I. (2014). *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Reklama gazet i zhurnalov. (1908). [Advertising of newspapers and magazines]. *Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti*, 45, I–LVIII.

Rubinshtejn, A. G. (2005). *Muzyka i ee predstaviteli* [Music and its representatives]. Sankt-Peterburg: Sojuz hudozhnikov.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1887). Poshehonskaja starina. Zhitie Nikanora Zatraperznogo, poshehonskogo dvorjanina [Poshekhonskaya antiquity. The Life of Nikanor Zatraperznyy, Poshekhonsky nobleman]. *Vestnik Evropy*, 10, 599–631.

Sto let nazad. Nauka i zhizn' v nachale XX v. (2011). [A hundred years ago. Science and life at the beginning of the XX century]. *Nauka i zhizn'*, 6, 59.

Zabrovskaja, M. (2017). Kollekcija kupecheskogo semejstva: sostav, ocenka, atribucija. [Merchant Family Collection: composition, assessment, attribution]. *Biblioteka*, 8, 8–10.

Submitted: 29.10.2021

Accepted: 04.12.2021

УДК 101.130.2

АРХАИЧНОСТЬ И НОВИЗНА СОВРЕМЕННОГО МИФОМЫШЛЕНИЯ

Н. Ю. Мочалова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
mochalova_n2008@mail.ru

Аннотация. Миф представляет собой универсальный способ становления культуры. В статье предпринята попытка представить миф как всеохватывающую реальность, среду существования и взаимодействия человека. В мифе изначально заложена система координат, позволяющая производить самоидентификацию с традиционным или современным обществом. Миф выступает источником единения на индивидуальном и коллективном уровнях с опорой на природное, культурное, сакральное. Миф воплощает потребность в смысле, именно поэтому миф имеет сверхзначимость для человека.

Через мифологемы как устойчивые и повторяющиеся конструкты человеческой мысли, рождается смыслообразный строй духовного мира и современного человека также, определяя его представления о самом себе, своей семье, стране, жизненных нормах и ценностях. Автор статьи доказывает, что устойчивые смыслы для жизни человека могут дать только те мифологемы, которые созвучны человеку исторически, культурно, генетически. Сопричастность есть архаичная мифологема, живущая в современности и выражающаяся вопросом «ты чей?», не теряет своей актуальности. Человек становится преемником традиций, обычаев, форм поведения. Преемственность мы рассматриваем как вектор и механизм идентификации с культурным опытом прошлого, доказывающую актуальность мифомышления в современной культуре.

Ключевые слова: миф, мифологема, архаичность, смыслообразование, идентичность, традиции.

1. Введение

Миф является важнейшей составляющей мышления человека современной культуры. Изучению места и роли мифа в жизни человека посвящены многие исследования философов, культурологов, историков, психологов, искусствоведов. Исторически сложилось восприятие мифа и мифологического мышления как частной формы его представленности в качестве пережитка прошлого, архаичной (первобытной) формы сознания [Тайлор, 1989; Леви-Стросс, 2015; Леви-Брюль, 1999], в виде «пранауки» или бессознательного истока литературного народного творчества [Юнг, 2000]. Современные исследователи, продолжая традицию философии XX века, говорят о мифе и мифомышлении как вневременном феномене, имманентном бытию человека [Антонян, 2001; Ольховикова 2013]. Попытаемся доказать дуалистическую природу мифа, его бытийную принадлежность миру внутреннему (сакральному) и внешнему (профанному). Приняв это основание

исследования, нетрудно обосновать утверждение, согласно которому мифологическое мышление современного человека в своих сущностных характеристиках мало отличается от мышления архаичного человека.

2. Материал и методология исследования

Сложность и разнообразие подходов к исследованию мифа породило обширный спектр работ. Выделим труды исследователей, ставивших перед собой задачу в обобщении и систематизации накопленных знаний в области исследования мифа [Мелетинский, 1976; Стеблин-Каменский, 1976]. Дальнейший ход исследования требует рассмотрения классических форм мифа, свойств мифологического мышления, актуальных функции мифа.

Историко-культурный подход к исследованию мифа ставит своей задачей изучение и описание механизмов мифотворчества на материалах этнографических полевых исследований традиционных обществ и первобытных народов [Тайлор, 1989]. В качестве эмпирической базы для исследований К. Леви-Стросс [Леви-Стросс, 1989] использовал артефакты культуры индейцев Северной и Южной Америки. Эволюция исследований антропологов позволила выявить идентичность функционирования мифов в культуре разных обществ, где мифу отводилась смыслообразующая функция, объясняющая культурные традиции, транслируемые и воспроизводящиеся средствами обряда и ритуала.

Философский анализ мифомышления рассматривает миф как «целостную наличную реальность» [Лосев, 2018], как универсальную форму сознания, состоящую из взаимосвязанных смысловых составляющих. Важен методологический символизм в трактовке мифа, согласно которому миф есть замкнутая символическая система с уникальным свойством смыслопорождения (Э. Кассирер, Ю. Лотман).

Роль бессознательного в психике человека как проявляющего маркера мифомышления обязывают исследователя обратиться к психологическим трудам ученых [Юнг, 2020; Франкл, 1990; Бортко; Меньчиков, 2012].

Методологической базой исследования является междисциплинарный подход. Междисциплинарность проявляется в синтезе знаний социально-гуманитарных дисциплин: истории, этнографии, культурологии, философии, психологии.

3. Анализ

Социальная обусловленность мифа объясняет его жизнеспособность в условиях современных реалий. В знаменитом труде «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев обозначает: «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни, <... > в нем нет ничего случайного, ненужного, произвольного. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [Лосев, 2018, с. 35]. Общество в глобальном смысле адаптируется к изменениям действительности с помощью ми-

фологии, психологический инструментарий которой обеспечивает приемлемость бытия. Миф способен породить иллюзию удобного социального порядка, смыслово объяснить трансформации легитимного порядка.

Социализация индивида происходит в рамках конкретной социальной среды. Человек вовлечен в процессы становления конкретного общества, включаясь в мифологический контекст этого общества. Представления народа, создаваемые мифами, ложатся в основу мировосприятия человека. Особая роль в социализации принадлежит традициям. Они представляют собой устойчивый набор представлений, обычаев, стереотипов, привычек и навыков практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих регуляторами общественных отношений. Мифологическому мышлению характерно вневременное существование, стремление к цикличности, возможно, движение по спирали (архаичные основополагающие представления изымаются из недр времени и, трансформируясь, возрождаются в современном моменте).

Типичная модель поведения возводится здесь в систему способов понимания и переживания мира имеющий априорный, врожденный характер, соприкасающийся с «пластом первообразов», содержащихся в любом мифе. Так, на примере примитивных народов исследователь иллюстрирует тезис о том, что сознание человека из племени мало дифференцировано: «дикарь не мыслит сознательно, мысли появляются сами, <...> что-то думает в нем», поэтому акт сознания спонтанен, «он глубоко подвержен взаимодействию с неизвестными силами и вынужден к ним приспособливаться», «мифический мир предков — это действительность, не менее и не более реальная, нежели материальный мир». Далее он констатирует, что «примитивная ментальность не изобретает мифы, она их переживает» [Юнг, 1996, с. 17]. Следовательно, проецируя мифологический сюжет в область сознания, человек воспринимает и регулирует собственное поведение, несет в себе некий универсальный механизм восприятия мира.

Трудно переоценить «терапевтическую» функцию мифа: он способен залечить «этнические раны», дать понятное всем членам общества обоснование политических неудач, лишений и социальных потрясений, коллизий и деформаций, а также – самое важное: дать спасительный механизм благополучного разрешения социальных проблем.

Миф, трансформируясь во времени, адаптируется к современным запросам человека и, сохраняя первичный, глубокий и поэтому глобальный смысл живет в сознании современного человека. Миф контекстуально содержит вневременные категории – человек, Бог, добро, зло, жизнь, смерть, справедливость, воздаяние, совесть, – которые необходимы каждому в своем становлении быть человеком.

Инструментом, содержащим в себе эти сущностные антропологические категории, является мифологема, как ядро мифа, способное к постоян-

ной трансформации в своей устойчивости. Мифологема – это конструкт, сохраняющий в себе образы одного логического смысла, многообразие одного концепта.

«Мифологема», как одно из центральных понятий нашего исследования, может быть определена как устойчивая нормативно-ценностная структура, воспроизводящаяся на коллективно-бессознательном уровне общественной психики и фиксирующая коренные противоречия человеческого существования. Мифологема генетически связана с архаическими мифами, которые задавали нормативные образцы социального поведения» [Бачинин, 2005, с. 144–145]. Сфера индивидуальной психики и коллективные представления плотно соединены скрепами структур мозга еще с древних времен. Временная континуальность предполагает разграничение раннего (считающегося сакральным) и текущего (настоящего), а затем и последующего времени и пространства. «Все происходящее в мифологическом времени становится прецедентом, сакрализуется, становится образцом для последующего воспроизведения» [Юнг, 1996, с. 8].

Наиболее устойчивыми образованиями, прошедшими проверку временем и ставшими концентратом культурного опыта являются концептуальные метафоры. В языковой практике культуры они выражаются через крылатые выражения или поговорки. Суть метафоры – в обеспечении понимания одного процесса или вещи через другое, это емкая эмоциональная аналогия. Миф строится на метафорических концепциях, сочетая язык, образ и пережитый практический опыт как одного индивида, так и целой социальной группы.

Символизация через метафору связывает повседневный опыт и внутреннее метафорические концепции, которыми пользуется каждый из нас. В основании каждого образа лежит многослойная структура мифологемы, прошедшая через психологические, ценностные и нормативные коды мировосприятия человека. Возьмем пример: голубь как символ Святого Духа. С точки зрения метафорической концепции, выбор данного образа не случаен: птица – существо, обитающее на небе; небо – это верх земного бытия, верх (по положению тела в пространстве: здоровое тело расположено вертикально) – это высшая точка, разум, свет, искомое сакральное бытие – место бытования Бога. Птица – существо соединяющее верх и низ, она может находиться и на небе, и на земле, устанавливать связь между Богом и человеком. Дух взаимодействует с человеком путем схождения, т.е. сверху – вниз, как и голубь. Данный пример иллюстрирует то, что мифологические образы – далеко не случайные концепты.

Мифологическое мышление неразрывно связано с образом, возникающим в результате восприятия новой информации. Новое накладывается на комплекс уже существующих в сознании образов. После этого образ фиксируется и впоследствии воспроизводится, обеспечивая устойчивость глубокого эмоционального переживания. Встраиваясь в мышление, этот образ

становится формой «беспричинной ассоциативной связи». Сознание, в котором образ генерирует все познавательные механизмы, стремится к целостности, связывая предметы внешнего мира между собой, придавая процессам алогичную взаимообусловленность. Алогичность в таком состоянии рассудка считается с трудом, или не фиксируется совсем. Происходящее для человека обретает свою, особенную личностную логику. Стремление к установлению логических связей «иного порядка» стимулирует мифотворчество, «мифологическое отождествление».

Мифологическими сюжетами наполнена вся жизнь человека. В различных культурах, начиная от архаичных, мы можем найти сообщения о происхождении мира и человека, основных событиях, связанных с представлениями о жизни, смерти, социальных нормах, ценностях и т.д. Таким образом, отражая через миф собственный мир, человек выстраивает иерархию взаимоотношений собственного «я» и внешней среды. «Я» – это внутренний мир человека, та часть души, которая остается потаенной для внешнего мира другого человека. Воспринимая внешние события и пропуская их через себя средствами мифа, события обретают собственный индивидуальный смысл. То, что обрело смысл, стало осознано, объяснено.

Мифологизация действительности, в частности социальных процессов, остается актуальным явлением современности. В рамках социального пространства миф проявляется по-разному. Он может направлять нас к смыслу, удовлетворять потребность в объяснении происходящих вокруг явлений и событий. С другой стороны, миф основан на базисных представлениях, формирующих ядро культуры. Коллективные представления человека имеют под собой социальное основание; спектр представлений можно соотносить с тем или иным обществом. «Коллективность» в таком случае становится одним из маркеров зарождения «социального» в обществе.

Общество несет в себе объединяющие черты: преемственность традиций, строгая хронологическая последовательность (передача опыта из поколения в поколение), цикличность, тотальность социального порядка (социальные нормы распространяются на всех членов общества), иерархичность, организующая система ценностей и ограничений, табуированных запретов. Общество транслирует своим членам определенный тип социальности, устанавливая механизм формирования причинно-следственных связей и тип рациональности, легитимную языковую практику. Спектр коллективных представлений и мифов закладывает потенциал жизнеспособности культуры, делает ее адаптивной к изменениям внешней среды. Изменение внешних условий подталкивает индивида и общество к поиску новых механизмов адаптации как материальной, так и духовной (психологической) сфер жизнедеятельности. Миф в этой ситуации остается одним из важных элементов развития общества.

Все, что напрямую связано с жизнью, обоснование существования человека на земле в конкретном месте и времени, мировой порядок, стадии

развития человека как социального (инициация, вступление в брак, изменение социального статуса, вхождение в определенную социальную группу), и биологического (этапы развития жизни) имеет под собой мифологическое основание.

Миф в этой связи встает между человеком и окружающими событиями в качестве «психологической подушки безопасности», переводящей непонятное в область понятного, бессмысленное в область осмысленного. «У человека есть миф, стало быть, у него есть смысл. И в этом высшая истина мифа, многократно перекрывающая вопрос о его соответствии некоей объективной истине. Миф дарует человеку нечто гораздо более важное, нежели знание: смысл» [Лобок, 1997, с. 31].

В социальной сфере миф выполняет и сегодня функцию создания, обоснования и закрепления культурных ценностей и норм социального порядка. Какие же мифы составляют социальную канву общества? Их немного, и они идентичны по своей сути в каждой национальной культуре.

Для гармонично существования и достижения целостности мифологическое мышление приводит представления о времени и пространстве (космогонические мифы), очерчивает начало бытия и описывает его конец (эсхатологические мифы), дает описание правильному социальному укладу, и в нем – правила вступления в брак и создание семьи, – все, что связано с семейно-родовыми отношениями, выступающими в роли своего рода «арматуры» мифологической структуры, «и не только инцест, но нарушения во взаимных обязанностях свойственников (т. е. в тех «обменных отношениях», которые лежат в основе объединения родов в племя) очень часто являются в мифах исходным пунктом коллизии» [Мелетинский, 2000, с. 199]. Во избежание коллизий необходимо следовать правилам мифа и мира, обличенного в социальный порядок.

Социальный субъект, основываясь на мифах, генерирует собственное восприятие мира. Сложная структура мифа складывается из архетипа социального опыта, из реализации его как коллективного представления и индивидуального опыта переживания конкретного человека, включенного в культуру. Интеграция мифа в социальную среду способствует устойчивости общества (в силу «сплочения» и «единения») и психологической защищенности отдельных его представителей (как средство преодоления чувства отчужденности). Для России средоточием традиций издавна служила крестьянская община и сама по себе общинная форма социального устройства. Непосредственно для русского крестьянства община – это «мир», «сход», прежде всего, представляющий собой систему этических норм поведения, например, этика труда (поведение во время различных сельскохозяйственных работ, этический аспект распределения трудовых обязанностей в семье, формы взаимопомощи и трудовой благотворительности). Трудовой процесс в русской крестьянской общине – это, прежде всего, духовная парадигма жизни. Внутрисемейные и общинные этические представления и нормы,

связанные с взаимоотношением и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задаче его соблюдения, сохранения, подключения к нему следующих поколений [Громыко, 1986, с. 9]. Крестьянская община, прежде всего, это духовное объединение, обладающее приоритетом высшего закона: «Мир, община столбом стоит», «Миром всё снесём», «Где мир да люди – там Божья благодать», «Что мир поряди, то Бог рассудил», «Что миром положено, так тому и быть», «Мир один Бог судит», «Деритесь, да не расходитесь», «К миру приложился – головой заложился».

Непосредственно совместные действия, в том числе и обрядовые, выполняли функцию объединения, происходила осознанная причастность каждого члена общины к общему делу, целому. Это являлось мощным регулятором поведения и деятельности каждого отдельного человека.

Социальные основы, описанные на основе традиционной крестьянской общины можно перенести и на современное общество в силу универсальности форм проявления. Говорить о полном тождестве не верно, но в качестве основы поведения человека традиционность сохраняется в адаптированном под современные условия виде. Современная социальная сфера может быть «обличена» в форму мифологий также. Именно политическая мифология представляется наиболее очевидной средой для развертывания социального мифологизма. Так, А. А. Митрофанов замечает, что развитие политической мифологии является естественным механизмом, направленным на формирование образа государства, имеющего «положительную коннотацию» [Митрофанов, 2020]. Миф выступает «идеологической опорой» для властных структур, которые постоянно следят за поддержанием жизнеспособности мифа-образа о себе. Утрата этой позиции ведет к дестабилизации политического процесса. Мы наблюдаем, как миф дает возможность власти создать о себе представление, которое обоснует и укрепит значимость собственного существования в рамках политической сферы общества перед ее членами.

Даже не останавливаясь подробно на самом механизме конструирования политического мифа, приходится с неизбежностью констатировать: привлекательность политических идей прямо пропорциональна их мифологичности; политические идеи должны быть предельно упрощены, а их содержание предельно образно. Политика рационально использует иррациональное массовое сознание. Масса, толпа не стремится к рациональности, основная ее потребность - в доступном образе, причем доступность обуславливает успешный эффект воздействия. В новом контексте архаичные формы обретают актуальное содержание, в современном виде становясь стереотипами массового сознания.

Политический миф, по сути, выражается следующими оппозициями: алогичностью архаичного мифа и рациональностью политической идеологии, художественная образность и убежденность, прочность настоящего и

желанность идеала. Мы видим существующую преемственность мифологического мышления: политический миф исходит из архаичного, но их задачи и проявления различны. Архаический миф отсылает нас к началу времен, к истокам социальности, он объясняет и обобщает, придавая смысл настоящему. В политическом современном мифомышлении прошлое идеализируется, допущенные жертвы оправдываются и сакрализуются; настоящее всегда легитимируется; будущее не детализируется, но всегда непротиворечиво, выступает закономерным следствием сакрализованного прошлого и легитимированного настоящего. Посредством оправдания прошлого и настоящего политический миф создает картину будущего, способную детерминировать социальную реальность.

Традиционный миф о культурном герое может быть преломлен в пространстве идеализированного образа политического деятеля, наделенного сверхкачествами: мудростью, пронзительностью, ореолом святости и непогрешимости. Успешность конструирования образа может вытекать из социального запроса (какой герой-лидер нужен народу сейчас?), из его личной способности разрешения общественных и культурных противоречий, способности дать ответ на запрос [Девина, 2017].

Задачи политического мифа соотносятся с его целями: усилить позицию властных структур, обосновать целесообразность и жизнеспособность власти в конкретный период времени, обеспечить ее существование в будущем.

4. Заключение.

Итак, миф есть особая объективная реальность. Объективность мифа самоочевидно доказывается непосредственными живыми переживаниями человека. С другой стороны, содержательная ценность мифа вбирает в себя имманентное (внутренне-сокрытое личное сознание) и трансцендентное (божественное сознание), именно это сочленение придает напряженную реальность мифомышлению.

Миф есть универсальный способ организации духовной жизни, источником которой является обретение смысла. Миф посредством коллективного опыта и коллективной памяти обеспечивает устойчивость социального пространства и непрерывность социального времени. В этом смысле миф – есть способ организации социальной жизни.

Обобщая анализ исторического развития мифомышления, мы обнаруживаем, что в основе социальной системы общества особое место занимает мифотворчество. Огромную связующую роль между поколениями людей играют ритуальные формы социального поведения. Единственным авторитетным примером для подражания мог служить и стал им мифологический прецедент, то есть события, произошедшие с героями священных сказаний в прошлые времена. Именно эти события прошлого требовали повторения, что и соблюдалось со всей строгостью закона. Необходимость ритуального

поведения вызвана тем, что повторение придает действию или образу священный смысл, а это есть способ закрепления в сознании жизненно важных ценностей, социальных норм.

Мифологическое мышление традиционно рассматривают на одном уровне с обыденным сознанием в силу его способности становиться массовым, коллективным феноменом. Доступность мифомышления упрощает и вульгаризирует его природу, как в качественном, так и в количественном плане. Глубокий адаптационный потенциал мифа отвел ему важное место в роли «первоначала» культурного космоса. Первый путь общения человека с миром и другими людьми проложил миф. Именно миф впервые и навсегда связал воедино время и пространство, природу и социум, человека и личность, человека и культуру.

Список литературы

Антонян, Ю. М. Миф и вечность / Ю. М. Антонян. Миф и вечность. – Москва : Логос, 2001. – 463 с. – Текст : непосредственный.

Бачинин, В. А. Мифология / В. А. Бачинин. – Текст : непосредственный // *Философский энциклопедический словарь*. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2005. – С. 144–145.

Бортко, Т. И. Креативность мифологического мышления / Т. И. Бортко. – Текст : электронный // *Международный журнал исследований культуры*. 2014. №4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnost-mifologicheskogo-myshleniya> (дата обращения: 06.07.2021).

Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – Москва : Наука, 1986. — Текст : непосредственный

Девнина, Г. С. Роль социального мифа во внутригосударственных политических кризисах России: социально-философский анализ [Электронный ресурс] / Г. С. Девнина. – Текст : непосредственный // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2017. – № 4. – С. 61–69.

Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. – 688 с. – Текст : непосредственный.

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с. – Текст : непосредственный.

Меньчиков, Г. П. Бессознательное в структуре человека / Г. П. Меньчиков. – Казань : Познание, 2012. – 381 с. – Текст : непосредственный.

Митрофанов, А. А. Взаимодействие социальных мифов и традиций в структуре современного общества / А. А. Митрофанов // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2020. – № 2. – С. 109–113.

Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – Москва : Академический проспект, 2015. – 430 с. – Текст : непосредственный.

Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – Москва : Республика, 1999. – 392 с. – Текст: непосредственный.

Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 320 с. – Текст: непосредственный.

Ольховикова, С. В. Историческое многообразие мифа в зеркале современной науки и философии / С. В. Ольховикова. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – 177 с. – Текст: непосредственный.

Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – Москва : Политиздат, 1989. – 573 с. – Текст: непосредственный.

Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 378 с. – Текст: непосредственный.

Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер. – Москва : Республика, 1996. – 448 с. – Текст: непосредственный.

Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва : АСТ, 2020. – 224 с. – Текст: непосредственный.

Статья получена: 12.10.2021

Статья принята: 13.12.2021

ARCHAISM AND NOVELTY OF MODERN MYTH-THINKING

N. Yu. Mochalova

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch)
of Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
mochalova_n2008@mail.ru

Abstract. Myth is a universal way of culture formation. The article attempts to present the myth as an all-encompassing reality, the environment of human existence and interaction. The myth originally contains a coordinate system that allows identifying self with traditional or modern society. The myth acts as a source of unity at the individual and collective levels based on the natural, cultural, sacred essences. Myth embodies the need for meaning, that is why myth has a super-significance for man.

Through mythologems as stable and repetitive constructs of human thought, the semantic structure of the spiritual world and modern man is also born, defining his ideas about himself, his family, country, life norms and values. The author of the article proves that stable meanings for human life can be given only by those mythologems that are consonant with a person historically, culturally, genetically. Participation is an archaic mythologeme that lives in modern times and expresses itself with the question "whose are you?", does not lose its relevance. A person becomes the successor of traditions, customs, and forms of behavior. We consider continuity as a vector and mechanism of identification with the cultural experience of the past, proving the relevance of myth-thinking in modern culture.

Key words: myth, mythologeme, archaism, meaning formation, identity, traditions.

References

- Antonjan, Yu. M. (2001). *Mif i vechnost'* [Myth and eternity]. Moscow: Logos.
- Bachinin, V. A. (2005). Mifologija [Mythology]. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* (pp. 144-145). Saint Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.A.
- Bortko, T. I. (2014). Kreativnost' mifologicheskogo myshlenija [Creativity of mythological thinking]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 4(17). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnost-mifologicheskogo-myshleniya>
- Gromyko, M. M. (1986). *Tradicionnye normy povedenija i formy obshhenija russkikh krest'jan XIX v.* [Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the 19th century]. Moscow: Nauka.
- Devnina, G. S. (2017). Rol' social'nogo mifa vo vnutrigosudarstvennyh politicheskikh krizisakh Rossii: social'no-filosofskij analiz [The role of social myth in domestic political crises in Russia: socio-philosophical analysis]. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 4, 61–69.
- Lobok, A. M. (1997). *Antropologija mifa* [Anthropology of myth]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii.
- Meletinskij, E. M. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Vostochnaja literatura RAN.
- Men'chikov, G. P. (2012). *Bessoznatel'noe v strukture cheloveka* [The unconscious in the structure of man]. Kazan: Poznanie.
- Mitrofanov, A. A. (2020). Vzaimodejstvie social'nyh mifov i tradicij v strukture sovremennogo obshhestva [Interaction of social myths and traditions in the structure of modern society]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, 2, 109–113.
- Lévy-Bruhl, L. (2015). *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Mentality]. Moscow: akademicheskij prospect.
- Lévi-Strauss, C. (1999). *Pervobytnoe myshlenie* [The Savage Mind]. Moscow: Respublika.
- Losev, A. F. (2018). *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Olkhovikova, S. V. (2013). *Istoricheskoe mnogoobrazie mifa v zerkale sovremennoj nauki i filosofii* [Historical diversity of myth in the mirror of modern science and philosophy]. – Yekaterinburg: UrFU.
- Taylor, E. B. (1989). *Pervobytnaja kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat.
- Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress.
- Hjubner, K. (1990). *Istina mifa* [Truth of Myth]. Moscow: Respublika.

Jung, K. G. (2020). *Arhetipy i kollekivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow: AST.

Submitted: 12.10.2021

Accepted: 13.12.2021

УДК 94(470.5)“17/19”

УРАЛЬСКИЕ ГОРНОЗАВОДЧИКИ XVIII – НАЧАЛА XX В.: ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ РОДЫ

Е. Г. Неклюдов

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия
ntplant9@mail.ru

Аннотация. В статье в сжатом виде представлена история владения шести наиболее значительных родов уральских горнозаводчиков XVIII – начала XX в., которые отличались наибольшей – полутора- и даже двухвековой – длительностью владения. К ним отнесены разветвленные роды, идущие от Н. Д. Демидова, С. Я. Яковлева, И. С. Мясникова, Строгановых, А. Ф. Турчанинова и И. Л. Лазарева. Целью исследования является не только реконструкция этой истории, но и выявление факторов, влиявших на ее продолжительность. Выясняется, что в истории владения родов уральских заводчиков наблюдались как явления, благотворно действовавшие на развитие сложноорганизованного бизнеса, так и негативные, затруднявшие динамичное развитие заводов. Главным условием поступательного движения при этом становилось сочетание организаторских способностей владельцев с ресурсным потенциалом принадлежавших им горнозаводских округов. Делается вывод о том, что органичное взаимодействие этих двух факторов имело решающее влияние на успешность и длительность горнозаводского предпринимательства не только представленных, но и многих других родов уральских горнозаводчиков.

Ключевые слова: Урал, XVIII – начало XX в., горнозаводчики, горнозаводское предпринимательство

1. Введение

История уральской горнозаводской промышленности – ведущей отрасли экономики региона в XVIII – начале XX в. – тесно связана с историей многочисленных родов заводовладельцев. По нашим подсчетам, таких родов, насчитывавших от двух и более поколений, было 48 [Неклюдов и др., 2013]⁷. Большинство из них (34, или 71 %) относились к двух- или трехколенным родам и включали от 2 до 12 представителей. История владения этих родов была не особенно продолжительной (в среднем составляла 39 лет) и обрывалась, как правило, вследствие продажи или закрытия заводов. К ним, например, относились известные основатели Богословских заводов

⁷ За один считается нами и разветвленный род, представители которого были потомками родоначальника не только по мужским, но и по женским линиям и не носили его фамилию.

Походяшины или Златоустовских заводов – Лугинины, владельцы Сергинско-Уфалейских заводов Губины, Холуницких – Поклевские-Козелл, Кажимских – Бенардаки.

К другой группе можно отнести всего 14 родов, владевших уральскими заводами на протяжении жизни 4–8 поколений. Из них шесть родов были наиболее успешными в своем предпринимательстве, сохранив владение заводами до акционирования с собственным участием или до национализации после революции 1917 г. К этой группе относились разветвленные роды, идущие от Н. Д. Демидова, С. Я. Яковлева, И. С. Мясникова, Строгановых, А. Ф. Турчанинова и И. Л. Лазарева. Средняя продолжительность владения составляла здесь 153 года, варьируясь от 140 лет у И. Л. Лазарева и потомков до 215 – у Н. Д. Демидова и потомков. По количеству поколений лидировали Демидовы (8), по количеству владельцев – Яковлевы (175). Рассмотрим кратко историю владения этих родов и попытаемся определить факторы, влиявшие на столь длительное участие их в горнозаводском предпринимательстве.

2. Материал и методика исследования

Основными источниками информации являлись монография Н. И. Павленко [1962] о заводовладельцах XVIII в. и наши собственные исследования [Неклюдов, 2004, 2013], посвященные заводчикам XIX – начала XX в. Они в свою очередь основывались преимущественно на обширном комплексе разнообразных источников (акты, делопроизводственная документация, эго-источники и пр.), обнаруженных авторами в федеральных и региональных архивах. В исследовании использован введенный нами в научный оборот метод реконструкции «практики владения», заключающийся в выявлении специализированной информации о персональном составе владельцев, транзите владения и исполнении заводчиками своих функций по владению и управлению горнозаводским имением, которая генерализируется в виде операционной совокупности фактов по сложившимся родам за весь период владения и может быть подвергнута статистическому анализу.

3. Н. Д. Демидов и потомки

С Уралом оказались связаны две ветви рода знаменитого тульского оружейника и первого уральского заводчика (в 1702 г. получил казенный Невьянский завод) Никиты Демидовича Демидова (Антюфеева), идущие от его старшего сына Акинфия и младшего сына Никиты. Причем, если Акинфий по решению отца получил в наследство все его уральские заводы, то Никита свою деятельность в перспективном регионе начинал самостоятельно и вопреки воле отца и брата. Создав здесь две крупнейшие «горные империи», братья по-разному определили их дальнейшую судьбу. А. Н. Демидов, повторяя решение отца, завещал оставить все свои уральские заводы в руках одного наследника – младшего сына Никиты, отстранив от участия во владении двух других сыновей. Н. Н. Демидов еще при жизни (в 1758 г.)

осуществил «предварительный раздел» своих заводов между четырьмя сыновьями-наследниками, передав их уральскую часть двум из них – Ивану Никитичу досталась «сергинская» группа заводов, Никите Никитичу – «шайтанско-кыштымская». Принимая такое решение, Никита Никитич, можно предположить, учел уже проявившиеся последствия действий старшего брата, после смерти которого (в 1745 г.) при участии властей его заводы все-таки были поделены между наследниками: в 1758 г. Прокофию Акинфиевичу отошла «невьянская», Григорию Акинфиевичу – «суксунско-ревдинская», Никите Акинфиевичу – «нижнетагильская» части.

Произошедшее дробление обширных, сложноорганизованных и трудноуправляемых «горных империй»⁸ Демидовых было вполне оправданным шагом, не только устранявшим повод для конфронтации наследников, но и ускорявшим формирование самостоятельных заводских комплексов с более рациональной организацией производства и управления – горнозаводских округов. Но, с другой стороны, дробление увеличивало и вариативность дальнейшей судьбы заводов вплоть до возможного выхода из владения рода. Это последствие проявилось уже вскоре после раздела: по личным мотивам П. А. Демидов в 1769 г. продал старейшие Невьянские заводы С. Я. Яковлеву.

Следующий крупный передел собственности в «старшей» ветви демидовского рода произошел вскоре после смерти Г. А. Демидова в ходе разделов 1765 и 1767 гг. между тремя его сыновьями. В итоге сформировались два новых владения – «суксунское» в руках Александра Григорьевича и «ревдинское» в руках Петра Григорьевича. На их основе фактически завершивших формирование двух одноименных горнозаводских округов. Сложившийся во владении Н. А. Демидова Нижнетагильский округ после его кончины сохранился в целом составе в руках его единственного сына Николая Никитича и не подвергался дроблению.

Еще более динамичные процессы происходили во второй половине XVIII в. в истории владения уральскими заводами «младшей» ветви демидовского рода. Ей были характерны не только разделы и продажи, но и покупка заводов, ставшая возможной в то время на Урале – значительно выросшем по количеству заводов и владений в новом металлургическом регионе России. В 1760 г. уральским заводчиком оказался еще один сын Н. Н. Демидова, Евдоким Никитич, купивший Авзяно-Петровские заводы, построивший Кагинские заводы и восстановивший их после разрушения во время Пугачевского восстания. Переход наследства привел к разделу хозяйства в 1783 г. между наследниками: Авзяно-Петровские заводы достались

⁸ «Горными империями» мы называем региональные группы предприятий, или кластеры, связанные не столько производственным процессом, сколько общностью владения, которые формировались на начальном этапе развития промышленности.

Василию Евдокимовичу, Кагинские – Ивану Евдокимовичу. Последние после смерти бездетного владельца в 1823 г. перешли его многочисленным родственникам – братьям и их потомкам (всего их было 18 чел.), так и не сумевшим наладить общее управление. Еще более запутало положение продажа (в 1830 г.) несколькими совладельцами своих долей А.И. Пашкову, отдаленным следствием чего стало учреждение казенного присмотра, нескольких назначений заводов на публичные торги, завершившихся их продажей купцу М.Ф. Гротену в 1855 г. Авзяно-Петровские заводы тоже не закрепились во владении «младшей» ветви рода: в 1796 г. В.Е. Демидов продал их московскому купцу М.П. Губину, который незадолго до этого (в 1789 г.) приобрел у И.Н. Демидова и доставшиеся тому Сергинские заводы. Владелец «шайтанско-кыштымской» части Н.Н. Демидов-мл. из-за финансовых трудностей в 1767 г. продал Шайтанские заводы Ширяевым, а Кыштымские заводы, будучи бездетным, завещал своему племяннику П.Г. Демидову, что ненадолго перевело эти заводы во владение «старшей» ветви рода.

Однако П.Г. Демидов не только не сохранил Кыштымский округ в своем владении (в 1809 г. он продал его вольскому купцу Л. И. Расторгуеву), но и утратил свои наследственные Ревдинские заводы (проданы в 1808 г. верхотурскому купцу А. В. Зеленцову). Предположительно (с учетом того, что оба округа были проданы под залог и в рассрочку) владелец таким путем спешил избавиться от своих многочисленных долгов. Но через четверть века (в 1833 г.) Ревдинские заводы вернулись во владение его сына Алексея Петровича, выкупившего их на публичных торгах у так и не выполнивших условия залоговой сделки наследников А. В. Зеленцова. Но уже в следующем поколении – при Петре Алексеевиче Демидове, который стал владельцем по завещанию матери и разделу с братом и сестрами в 1856 г. – заводы за долги были взяты (в 1865 г.) в опекунское управление и после нескольких несостоявшихся попыток передачи в аренду выставлены на торги и проданы владельцем Г. М. Пермикину в 1873 г.

Подобную же не менее сложную метаморфозу пришлось пережить и Суксунскому округу, сформировавшемуся в самостоятельный заводский комплекс при А. Г. Демидове. В руках его сына Григория Александровича началось накопление долгов, приведшее уже при внуках Александре (вышедшем из состава владельцев в 1833 г.), Петре и Павле (после их неудавшейся попытки в 1832 г. продать заводы казне) к учреждению попечительства (в 1835 г.), так и не сумевшего с помощью казенных ссуд решить финансовые проблемы (несмотря на участие высокопоставленных родственников, в частности А. Х. Бенкендорфа). В 1848 г. это привело к передаче Суксунских заводов во временное владение первой на Урале акционерной компании, состоявшей в основном из кредиторов Демидовых. Банкротство компании и неспособность Демидовых выкупить акции повело за собой учреждение в 1863 г. казенного управления заводами, длившегося 23 года из-за

неудач неоднократно назначавшихся публичных торгов. За это время все заводы округа были остановлены. Надежда на их возрождение появилась в 1886 г., когда один из наследников бывших владельцев, Александр Павлович Демидов, добился выкупа родового имения в расчете на крупную банковскую ссуду. Но в 1890 г. и он был признан несостоятельным должником, вследствие чего заводы перешли в конкурсное управление, которое до 1893 г. распродало их по частям.

К тому времени у Демидовых на Урале сохранились только крупнейшие Нижнетагильские заводы, принадлежавшие потомкам Николая Никитича Демидова. Богатейшие природные ресурсы этого округа (возросшие за счет покупки в 1884 г. Луньевских заводов у Всеволожских) и в целом удачно преодолевавшиеся проблемы владения – несостоявшаяся попытка раздела округа между Павлом Николаевичем и Анатолием Николаевичем в 1842 г., «развод» А. Н. Демидова с принцессой Матильдой Бонапарт в 1846 г., передача владения от дяди, А. Н. Демидова, и матери, А. К. Карамзиной, Павлу Павловичу в 1861–1862 гг., учреждение семейно-паевого товарищества при наследниках П.П. Демидова (всего их было 15) в 1896 г. – позволили удержать владение за демидовским родом вплоть до революционного кризиса 1917 г., когда заводы все-таки были проданы акционерной компании (с участием владельцев), находившейся под контролем банков.

Таким образом, с 1702 г., когда был получен первый Невьянский завод, до 1917 г., когда было акционировано последнее заводское имение рода на Урале, т. е. за 215 лет, Демидовым принадлежали здесь 10 горнозаводских хозяйств. Из них два округа (Авзяно-Петровский и Луньевский) были куплены, восемь – основаны (исключая переданный от казны Невьянский и купленный Каслинский заводы, вошедшие в состав двух округов). Из этих владений еще в XVIII в. были утрачены четыре хозяйства, в XIX в. – еще четыре и в начале XX в. – акционированы два (фактически слившиеся Нижнетагильский и Луньевский округа). Каждой из двух основных ветвей рода принадлежали по пять сформировавшихся горнозаводских хозяйств, но «старшая» ветвь А.Н. Демидова владела и более крупными округами, и значительно дольше (до 1917 г.), чем «младшая» ветвь Н.Н. Демидова (в 1855 г. проданы последние небольшие Кагинские заводы).

За все время «присутствия» демидовского рода на Урале владельцами заводов побывали 61 чел., что делает его не только старейшим, но и одним из самых крупных. Считая от основателя рода Н.Д. Демидова, к ветви его сына Акинфия принадлежали 36 лиц, относившихся ко 2–8 поколениям, к ветви сына Никиты – 24 лица, относившихся ко 2–6 поколениям рода. В отличие от убывающего значения Демидовых в истории уральской промышленности, с каждым поколением возрастала его роль и статус в российском обществе. Если основатель так и умер казенным тульским оружейником (Петр I не подписал ему диплом на дворянство), то уже представители второго поколения рода стали российскими дворянами (в 1726 г.). С четвертого

поколения заводчики Демидовы породнились с титулованными родами Строгановых, Лопухиных, Бенкендорфов, Мещерских, Трубецких, Воронцовых-Дашковых, Шуваловых, Абамелек-Лазаревых и др., благодаря чему вошли в состав российской аристократии. Наиболее богатые и амбициозные «тагильские» Демидовы сумели получить иностранные титулы (с 1836 г. – графов, с 1840 г. – князей Сан-Донато) и породниться с французским императорским и сербским королевским Домами.

Среди заводовладельцев Демидовых пятеро имели придворные чины и звания, двое дослужились до гражданского чина тайного советника, восемь – действительного статского, трое – статского советника, многие связали свою жизнь с военной службой, четверо из них стали генералами. Заводчиками были комендант Азова Г. Е. Демидов, жена наказного атамана Войска Донского Е. М. Хомутова, киевский городской голова П. П. Демидов и российский посол в Греции Е. П. Демидов. Значительный вклад в развитие российской науки и просвещения внесли своей меценатской деятельностью П. А. Демидов (основатель Московского воспитательного дома и коммерческого училища), П. Г. Демидов (основатель Демидовского юридического лицея в Ярославле), П. Н. Демидов (учредитель Демидовских премий) и А. Н. Демидов (организатор нескольких крупных научных экспедиций).

4. С. Я. Яковлев и потомки

Основателем самого разветвленного и многочисленного рода заводчиков стал остафковский крестьянин, разбогатевший на откупам и подрядах, Савва Яковлевич Яковлев (Собакин). Вступив в уральское горнозаводское предпринимательство значительно позже Демидовых, в 1760-е гг., он уже не столько строил, сколько покупал металлургические заводы у владельцев, по разным причинам решивших прекратить здесь свой бизнес. Покупку четырех Алапаевских (в 1766 г. у А. Г. Гурьева), двух Холуницких и двух Уинских (в 1769 г. у А.И. Глебова), пяти Невьянских (в 1769 г. у П. А. Демидова), Верх-Исетского (в 1774 г. у Р.И. Воронцова), Уткинского и Сылвенского (в 1779 г. у С. П. Ягужинского) заводов он дополнил в 1770-е гг. возведением новых предприятий с целью развития приобретенных заводских комплексов. «Горная империя» С. Я. Яковлева в то время оказалась крупнейшей в регионе. Но ее ожидала судьба подобных же масштабных и фрагментированных хозяйств Демидовых, распавшихся на отдельные части при переходах по наследству. Раздел «империи», осуществленный наследниками С. Я. Яковлева в 1787 г., привел сначала к образованию трех самостоятельных заводских комплексов – Невьянского в руках Петра Саввича, Верх-Исетско-Холуницкого в руках Ивана Саввича (купившего у матери доставшиеся ей заводы в 1788 г.) и Алапаевско-Уинского в руках Сергея Саввича.

Два последних хозяйства, сложноорганизованные и территориально разделенные, впоследствии тоже раздробились. В ходе раздела (1806 г.)

между наследниками И. С. Яковлева обособились Верх-Исетский и Холуницкий округа. Первый во владении Алексея Ивановича Яковлева приобрел законченный вид и впоследствии перешел его наследникам по женской линии графам Стенбок-Фермор; владельцем второго стал Александр Иванович Яковлев, который, построив несколько вспомогательных заводов, завершил формирование Холуницкого округа, но не смог удержать его в своих руках (в 1829 г. за долги заводы были взяты в казенное управление и назначены к продаже с публичных торгов, в 1831 г. переданы в кредиторское управление и в 1839 г. проданы Д. Д. Пономареву).

Оторванность от группы Алапаевских заводов и сокращавшиеся ресурсы Уинских заводов привели к их продаже наследниками С. С. Яковлева (по семи женским линиям они принадлежали к родам Манзеев, Шишмаревых, Никитиных, Сабиров, Авдулиных и Альбрехтов) в 1859 г. графине О. Н. Рошефор. Невьянский округ после кончины бездетного П. С. Яковлева оказался (с 1809 г.) во владении сразу трех ветвей рода – наследников его братьев Ивана, Сергея и давно умершего Михаила. Сложноорганизованное «трехчастное» владение этими старейшими на Урале заводами (наряду с ресурсными проблемами) станет одной из причин их скорого упадка.

Особенностью владения оставшихся в роду наследников С. Я. Яковлева Алапаевскими, Верх-Исетскими и Невьянскими заводами в XIX в. было их наследование преимущественно по многочисленным женским линиям при отсутствии «выделов» наследников из владения. В результате род Яковлевых, с одной стороны, как бы растворился в многочисленных родственных фамилиях (среди владельцев Алапаевских заводов фамилия Яковлевых исчезла уже в третьем поколении, Верх-Исетских заводов – с пятого поколения от основателя), а, с другой, оказался самым крупным по количеству совладельцев (в отдельные годы одновременно ими оказывались до 30 и более родственников). Именно поэтому первыми в истории уральской промышленности Яковлевы показали пример преодоления чреватой негативными последствиями ситуации «многовладения» цивилизованным правовым путем, когда в 1859 и 1862 гг. инициировали создание семейно-паевых товариществ Алапаевских и Невьянских заводов (в 1899 г., когда созрела необходимость, тоже совершили и владельцы Верх-Исетских заводов). Деятельность таких товариществ и управление ими регулировалось особым «положением», которое утверждалось императором и приобретало силу закона, обязательного для всех совладельцев. Примером Яковлевых впоследствии воспользовались другие роды заводчиков, где сложилась подобная же ситуация. Одними из первых потомки С. Я. Яковлева реализовали и замысел превращения павых товариществ в акционерные общества с закрытым составом участников, когда в новых экономических условиях начала XX в. стали очевидны недостатки павой модели владения и возникла острая необходимость в значительных инвестициях на индустриальную перестройку заводов (Невьянский округ был акционирован в 1904–1906

гг., Алапаевский – в 1907 г., Верх-Исетский – в 1908 г.). Бывшие владельцы заводов превратились во владельцев акций, роль которых постепенно сокращалась в ходе продаж или эмиссий в пользу более могущественных акционеров из числа крупных коммерческих банков.

Таким образом, начав свою предпринимательскую деятельность в регионе в 1766 г., С. Я. Яковлев стал основателем рода, к которому за последующие полтора века принадлежали 175 заводовладельцев, относившихся к семи поколениям. Благодаря родственным связям, начиная с третьего поколения и далее, среди них оказались представители известных аристократических родов России (герцогов Лейхтенбергских, князей Волконских и Голицыных, Гагариных, Бярятинских и Барклай-де-Толли-Веймарн, графов Орловых-Денисовых, Никитиных, Стенбок-Ферморов, Чернышевых, Толстых, Граббе, Гендриковых и Гудовичей, баронов Розен и Велио), а также нетитулованных дворянских родов Авдулиных и Шишмаревых, Манзеев и Сабиров, Альбрехтов и Рейтернов, Барановых и Трувелеров, Волковых, Орловых, Жербиных, Одинцовых, Янжул-Михайловских и др. Среди совладельцев были 14 генералов (включая двух генералов от кавалерии), два гвардейских полковника, восемь высоких гражданских чинов, четверо имели высшие придворные чины. К потомкам С. Я. Яковлева принадлежали известный военный историк генерал-адъютант К. Н. Манзей, статс-секретарь Государственного совета М. С. Волков, жена атамана Донского казачьего войска Е. А. Орлова-Денисова, командир царского конвоя А. Н. Граббе-Никитин, наказной атаман Войска Донского Н. Н. Граббе-Никитин, жена близкого Николаю II обер-церемониймейстера С. П. Гендрикова, жена директора Горного института и инспектора военно-учебных заведений Е. Н. Волкова, жена российского посланника в США Е. А. Розен. По числу титулованных и высокопоставленных лиц потомков С. Я. Яковлева можно поставить на одно из первых мест среди других родов уральских горнозаводчиков.

5. И. С. Мясников и потомки

Еще одна крупная «горнозаводская империя» была создана на Южном Урале в середине XVIII в. компанией породнившихся симбирских купцов Ивана Борисовича Твердышева и Ивана Семеновича Мясникова. После кончины первого (в 1773 г.) его доля владения перешла брату Якову Борисовичу, после второго (в 1780 г.) – дочерям Ирине Бекетовой, Дарье Пашковой, Аграфене Дурасовой и Екатерине Козицкой. В результате нескольких разделов (в 1782–1785 гг.) сложное промышленное хозяйство, состоявшее из пяти железных и пяти медных заводов, раздробилось на пять же частей во владении четырех дочерей-наследниц И. С. Мясникова и одного наследника Я. Б. Твердышева (брату его вдовы Д. К. Крашенинникову достался Преображенский завод, проданный в 1789 г. П. М. Гусятникову). В их руках полученные и построенные железные заводы сгруппировались в четыре са-

мостоятельных округа, каждый из унаследованных медеплавильных заводов тоже представлял отдельный горнозаводский округ (общей у них была лишь рудная база – Каргалинские рудники, где каждый завод имел свой участок добычи).

Одна часть бывшей «империи» – Симские и Богоявленский заводы – достались И. И. Бекетовой, а после ее кончины (в 1823 г.) перешли сыновьям Ивану Петровичу и Петру Петровичу, не сумевшим сохранить их в своем роде. По разделу, осуществленному братьями в 1824 г., первому из них достались Симские железные заводы, проданные в 1830 г. А. Д. Балашову (мужу сестры Елены Петровны). Три поколения Балашовых довольно успешно владели этими заводами, ставшими крупнейшими на Южном Урале. После кончины покупателя (в 1837 г.) округ находился сначала во владении трех его сыновей Александра, Ивана (погиб на Кавказе в 1841 г.) и Петра, а после раздела 1845 г. достался на долю последнего. Умерший в том же году П. А. Балашов передал владение сыновьям Николаю и Ивану. В 1886 г. последний фактически вышел из владения заводами (по не утвержденному официально разделу с братом). Н. П. Балашов существенно расширил заводское хозяйство и в 1913 г. осуществил его акционирование, сохранив за собой большую часть акций. Богоявленский медный завод в руках П. П. Бекетова с 1828–1832 гг. находился в опекуном управлении, а после возвращения владельцу был им продан в 1834 г. Е. А. Пашковой (вдове его кузена В. А. Пашкова).

Во владении Д. И. Пашковой после раздела с сестрами оказалась другая часть распавшейся «империи» – Белорецкие и Воскресенский заводы. В 1803 г. она купила еще и Верхоторский завод у племянника Н. А. Дурасова и в том же году совершила предварительный раздел между двумя своими сыновьями. Ивану Александровичу достались Белорецкие железные заводы, которые, пережив конфликт между шестью наследниками, в 1838 г. оказались в опекуном управлении, а в 1851 г. по разделу перешли во владение Николая Ивановича и Сергея Ивановича Пашковых. В 1866 г. оба совладельца были признаны несостоятельными должниками и в 1874 г. конкурсное управление продало округ Товариществу Белорецких заводов. Еще в 1830 г. их брат Андрей Иванович, пытаясь расширить ресурсы округа и укрепить его в своем владении, купил часть соседних Кагинских заводов Демидовых. Но в 1837 г. эти заводы, как уже упоминалось, из-за распрей совладельцев были взяты в полный казенный присмотр, выставлены на публичные торги и проданы в 1855 г.

Василию Александровичу Пашкову в 1803 г. достались от матери Воскресенский и Верхоторский медные заводы. Его жена Екатерина Александровна (урожденная графиня Толстая), унаследовав заводы после кончины мужа, дополнительно к ним купила (в 1834 г.) Богоявленский завод у П. П. Бекетова. После ее кончины трое сыновей фактически поделили между собой

(в 1836 г.) три унаследованных имения. Александр Васильевич стал владельцем Богоявленского завода, перешедшего (в 1868 г.) сыну Василию и дочерям Екатерине Тимашевой и графине Ольге Мусиной-Пушкиной. По разделу между ними (в 1871 г.) завод перешел во владение одного В. А. Пашкова, который в том же году унаследовал от бездетного дяди Ивана Васильевича Пашкова доставшийся тому в 1836 г. Верхоторский завод. Во время его владения был закрыт нерентабельный Богоявленский завод (в 1887 г.), в 1891 г. куплен у английской компании Воскресенский завод, который в 1896 г. был перепрофилирован в чугуноплавильный (закрыт в 1902 г.). Остававшийся в действии Верхоторский завод после кончины владельца (в 1902 г.) побывал во владении семерых наследников, прежде чем был закрыт в 1913 г. из-за истощения рудников.

Михаил Васильевич Пашков, считавшийся владельцем Воскресенского завода, в 1838 г. вернул во владение рода еще и Преображенский завод, купленный им у Гусятниковых и заложенный у родственников Белосельских-Белозерских. Из-за накопившихся долгов во владении его восьмерых наследников в 1867 г. заводы оказались в опекуновском управлении (а Преображенский завод в 1866–1870 гг. еще и во временном владении залогодержателя К. Э. Белосельского-Белозерского), которое в 1870 г. продало оба хозяйства членам английского Парламента А. Бродгену и Д. Ланкастеру. В 1890 г. Воскресенский завод, как уже упоминалось, вернулся во владение другой ветви Пашковых, а Преображенский завод в 1896 г. был куплен дальним родственником Пашковых В. Н. Охотниковым и закрыт им в 1908 г.

Младшая сестра братьев Пашковых Елизавета Васильевна Дашкова, не участвовавшая в разделе родительского наследства, тем не менее, тоже оказалась в составе уральских заводчиков, когда в 1835 г. приобрела у А. П. Полторацкой Благовещенский завод, основанный братом ее прадеда Матвеем Семеновичем Мясниковым. После ее кончины (в 1890 г.) имение перешло сыновьям Дмитрию Дмитриевичу и Андрею Дмитриевичу, которые в 1899 г. остановили медное производство из-за его нерентабельности.

После получения по разделу в 1785 г. третьей части «империи» отца, состоявшей из Юрюзанского и Верхоторского заводов, А. И. Дурасова основала Минский завод, завершив тем самым формирование Юрюзанского горного округа. После ее кончины в 1802 г. уральские имения достались сыну Николаю Алексеевичу, который, видимо, для покрытия своих долгов, уже в следующем году продал Верхоторский завод своей тетке Д. И. Пашковой, а в 1815 г. сделал попытку продать Юрюзанский округ Н. Л. Старкову. Но эту сделку опротестовала его кузина княгиня А. Г. Белосельская-Белозерская, которой в итоге и достались родовые заводы в 1817 г.

Четвертая часть бывшей «горной империи» в виде Катавских и Архангельского заводов досталась Е. И. Козицкой, которая в 1810 г. (отказ утвержден в 1813 г.) передала владение заводами двум своим дочерям. Графине

Александр Григорьевне Лаваль достался Архангельский завод, перешедший после ее смерти и раздела между наследниками (в 1851 г.) графине Александре Ивановне Коссаковской. В 1886 г. наследство от матери было передано сыну Станиславу-Казимиру Станиславовичу Коссаковскому, во владении которого Архангельский завод сгорел (в 1892 г.) и на следующий год был продан вместе с лесной дачей удельному ведомству, которое не возобновило его действие.

Княгиня Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская унаследовала от матери Катавский горнозаводский округ и в 1817 г. перекупила еще одно родовое имение – Юрюзанские заводы А. И. Дурасова. В 1830 г. она совершила раздел своих уральских имений, передав дочери Екатерине Александровне Сухозанет Юрюзанский округ. После смерти владелицы эти заводы достались ее сыну Александру Ивановичу Сухозанету, при котором из-за долгов они были взяты в казенный присмотр, опеку (в 1869–1872 гг.), сдавались в краткосрочную аренду, пока в 1873 г. К. Э. Белосельский-Белозерский не принял их в арендное содержание на 29 лет. В 1881 г. Юрюзанский округ перешел по наследству Ивану Александровичу Сухозанету, который в 1891 г. продал его жене арендатора – Н. Д. Белосельской-Белозерской (урожденной Скобелевой).

Катавские заводы, оставшиеся во владении А. Г. Белосельской-Белозерской до ее кончины в 1846 г., перешли во владение сына Эспера Александровича, а после него (он умер в том же году) четверем его наследникам – вдове, двум дочерям и сыну. В 1861 г. они совершили «нераздельный акт», передав заводы в единоличную собственность Константина Эсперовича. За время его более чем полувекового владения на Катавских заводах началось производство железнодорожных рельсов, были взяты в долгосрочную аренду соседние Юрюзанские заводы А. И. Сухозанета (выкуплены в 1891 г.). Для организации вагоностроения в 1899 г. один из заводов – Усть-Катавский – был продан бельгийскому Южно-Уральскому металлургическому обществу (с участием бывшего владельца как акционера), которому в следующем году были сданы и остальные заводы в долгосрочную аренду (договор вскоре расторгли по соглашению сторон). Накопившиеся долги привели к учреждению в 1903 г. опекунского управления, которое в 1908 г. вынуждено было прекратить работу предприятий. В округе интенсивно развивалась лесная отрасль, за счет доходов с которой началось постепенное возрождение металлургического производства (с 1914 г.). Уже после революции (в декабре 1917 г.) К.Э. Белосельский-Белозерский продал свое уральское имение Акционерному обществу Белорецких заводов.

Таким образом, с 1745 г., когда компанией И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова был построен первый Воскресенский завод, и до 1917 г., когда было утрачено последнее имение их наследников на Урале, т. е. за 172 года, владельцами основанных ими предприятий оказались 71 чел., относив-

шихся к семи поколениям. В уральской промышленности надолго закрепился род, идущий от И. С. Мясникова, который был представлен двумя ветвями Ивана Семеновича и его брата Матвея (но эта ветвь прервалась уже во втором поколении после продажи Благовещенского завода сыном основателя Иваном). Однако уже во втором поколении от И. С. Мясникова наследование пошло по четырем женским линиям и перешло в родственные фамилии Бекетовых (3 чел.) и Балашовых (6), Пашковых (34) и Дашковых (3), Дурасовых (2), Козицких и их потомков Лавалей (1), Коссаковских (2), Белосельских-Белозерских (7), Сухозанетов (3) и Охотниковых (1). В их владении находилось 10 горнозаводских хозяйств, четыре из которых специализировались на производстве железа и шесть – меди. Наследникам было свойственно стремление сохранить основанные предками заводы во владении разветвленного рода, перекупить их у разорившихся родственников (так поступали Пашковы, Балашовы, Белосельские-Белозерские) или вернуть после утраты (как поступили В. А. Пашков и В. Н. Охотников). Однако в конце XIX – начале XX в. все медеплавильные заводы были закрыты из-за истощения рудников, Белорецкий и объединенные Катавский и Юрюзанский округа проданы, Симский – акционирован. В результате этой сложной динамики владения из четырех женских линий Мясниковых уже в третьем поколении выбыли Бекетовы (осталась женская линия Балашовых) и Дурасовы, две ветви Пашковых утратили заводы в пятом и седьмом, две линии наследниц Е. И. Козицкой – в пятом (Лаваль – Коссаковские) и шестом (Белосельские-Белозерские – Сухозанеты) поколениях от основателя заводов.

Среди потомков И. С. Мясникова было девять военных и штатских генералов, 14 жен генералов и высокопоставленных чиновников, 11 лиц имели придворные чины и звания (в том числе шесть женщин). В частности, владельцами уральских заводов были жена статс-секретаря Екатерины II Е. И. Козицкая, министр полиции А. Д. Балашов, вице-президент Императорского общества поощрения художеств И. П. Балашов, жена министра внутренних дел Е. А. Тимашева, управляющий Департаментом внешней торговли, председатель Комитета заводовладельцев Оренбургской губернии М. В. Пашков, жена министра юстиции Е. В. Дашкова, председатель съезда мировых судей Уфимского уезда Д. Д. Дашков и председатель Уфимской губернской земской управы А. Д. Дашков.

6. Строгановы и потомки

К числу крупнейших землевладельцев и горнозаводчиков Урала принадлежали представители известного предпринимательского рода Строгановых. Начав свою деятельность в регионе в качестве солепромышленников еще в XVI в., они занялись строительством металлургических заводов на собственных Прикамских землях вскоре после получения баронского титула (в 1722 г.), который стал не только знаком признания прежних заслуг

рода, но и, как представляется, своего рода компенсацией начавшегося тогда на Урале изъятия части строгановских земель государством. Трое сыновей именитого человека Григория Дмитриевича Строганова – Александр, Николай и Сергей, первоначально действовавшие сообща, в 1747–1749 гг. разделили унаследованные вотчины, соляные промыслы и заводы между собой, положив начало трем ветвям и трем владениям рода на Урале.

Средняя – баронская – ветвь рода, идущая от Н. Г. Строганова, не удержала в своем владении всю доставшуюся ей третью часть Строгановской вотчины. Сыновья барона (в 1762 и 1763 гг.) раздели перешедшие им от отца заводы: Сергею Николаевичу достался Пожевский завод (продан его вдовой В. А. Всеволожскому в 1773 г.), Григорию Николаевичу – Чёрмозский завод (продан вдовой и родственниками И. Л. Лазареву в 1778 г.), Александру Николаевичу – Кыновский завод, ставший в его владении основой самостоятельного горнозаводского округа, сохранившегося за этой ветвью рода в руках его сына Григория Александровича и внуков Сергея, Александра и Алексея.

Во владении младшей – графской – ветви С. Г. Строганова началось формирование Билимбаевского округа, завершено при его сыне Александре Сергеевиче, который первым в роду получил графский титул. В 1817 г. во владении представителей следующего поколения – графа Павла Александровича и его жены Софьи Владимировны (урожденной княжны Голицыной) – из принадлежавших им на Урале земель был создан Пермский майорат, перешедший впоследствии (в 1845 г.) к их старшей дочери Наталье Павловне.

Брак графини Н. П. Строгановой и барона С. Г. Строганова (сына Г. А. Строганова) привел не только к соединению двух давно разошедшихся ветвей рода, но и к последующему слиянию (в 1872 г.) двух сохранившихся к тому времени в их владении уральских вотчин с Билимбаевскими и Кыновскими заводами. Пермский майорат, достигший в результате объединения 1,5 млн дес. земли, стал крупнейшим частным имением в Российской империи. Последним его владельцем (с 1882 г.) был их внук граф Сергей Александрович Строганов. На рубеже XIX–XX вв. здесь началась коренная реконструкция заводов, способствовавшая их сохранению до национализации в 1918 г. в собственности этого последнего представителя знаменитого рода.

Старшая ветвь, идущая от барона А. Г. Строганова, прервалась с его кончиной и разделом принадлежавшей ему вотчины (в 1757 и 1762 гг.) на три части, две из которых достались дочерям, княгине Анне Александровне Голицыной и княгине Варваре Александровне Шаховской, и стали основой двух крупных горнозаводских хозяйств. Доля вдовы барона, Марии Артемьевны (урожденной Загряжской), была ею продана (в 1784 г.) И. Л. Лазареву.

Во владении А. А. Голицыной на доставшейся ей от отца части Строгановской вотчины завершилось формирование Нытвенского горнозаводского округа. В 1816 г. он перешел двум ее сыновьям Сергею Михайловичу и Александру Михайловичу, а после кончины последнего – его сыновьям Федору и Михаилу. Первый из них в 1842 г. вышел из состава совладельцев, а второй после кончины бездетного дяди в 1859 г. стал единоличным владельцем заводов. В продлившемся 55 лет (с 1860 г.) владении его сына Сергея Михайловича часть Кусье-Александровского завода была передана родственникам Шуваловым (в 1873 г.). Оставшиеся заводы владелец сдал в аренду Франко-Русскому уральскому обществу (в 1879 г.), а после его ликвидации – Камскому акционерному обществу (в 1884 г.), построившему Чусовской завод. За С. М. Голицыным оставалась эксплуатация солепромыслов и лесного хозяйства. По его завещанию владение уральским имением перешло (в 1915 г.) в пожизненное владение вдовы и собственность трех дочерей и трех внуков, сохранивших свои номинальные права до национализации находившихся в аренде заводов в 1918 г.

Во владении В. А. Шаховской в доставшейся ей части Строгановской вотчины были возведены новые предприятия и завершено формирование Лысьвенского горнозаводского округа. В 1823 г. его унаследовала внучка – княжна Варвара Петровна Шаховская, вышедшая замуж за графа П. А. Шувалова. После его гибели она еще дважды выходила замуж, став графиней Полье, затем – княгиней Бутеро-Родали, но детей имела только от первого брака. Еще при жизни (в 1864 г.) она передала владение заводами сыновьям Андрею Павловичу и Петру Павловичу Шуваловым, которые тогда же разделили общее имение на две части (владение укреплено за ними в 1870 г., а раздел – в 1886–1889 гг.).

Старшему из братьев достался Юго-Камский завод и соляные промыслы, младшему – Лысьвенские заводы, дополненные построенным Теплогорским и выкупленным у С. М. Голицына Кусье-Александровским заводами. После смерти А. П. Шувалова в 1876 г. владение Юго-Камским заводом перешло пятерым наследникам, а после смерти бездетных сыновей и раздела 1905 г. сконцентрировалось в руках дочери – графини Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой (соляные промыслы достались ее сестре Екатерине Андреевне Балашовой). Лысьвенско-Теплогорские заводы во владении наследников П. П. Шувалова после его кончины (в 1900 г.) унаследовали его потомки (всего их было восемь), которые в 1913 г. осуществили акционирование хозяйства, сохранив в своих руках лишь небольшую долю акций.

Всего с 1726 г., когда Строгановыми был построен первый Таманский завод, и до национализации майората (т. е. в течение 192 лет владения) и других бывших строгановских имений, перешедших в родственные роды, в роли уральских заводчиков побывали 49 представителей, принадлежавшие к шести поколениям. Фамилию Строгановых их них носили 18 чел. За это

время распавшаяся в результате разделов середины XVIII в. единая Строгановская вотчина через 125 лет и четыре поколения вновь «собралась» во владении представителей средней и младшей ветвей рода. Существенно сократившись в масштабах в результате изъятий, продаж и перехода в родственные фамилии в XVIII в., она стала территорией формирования шести горнозаводских округов, два из которых сохранились во владении рода до конца имперского периода.

Два последние века истории Строгановых стали временем быстрого роста их значения не только в экономической, но и политической и культурной истории России. В этот период род, ставший баронским, породнился со старинными российскими фамилиями Загряжских, Белосельских, Голицыных, Шаховских и др., удостоился графского титула (в 1798 и 1826 гг.). Среди заводовладельцев оказалось шесть генералов, три действительных тайных и пять тайных советников, шесть лиц имели высокие придворные звания. Представители рода занимали должности президента Российской академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки (А. С. Строганов), члена Негласного комитета (П. А. Строганов), русского посланника в Испании, Швеции и Турции (Г. А. Строганов), попечителя Московского учебного округа, президента Московского общества истории и древностей российских (С. Г. Строганов), управляющего Министерством внутренних дел, новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (А. Г. Строганов). Знаменитое Строгановское училище технического рисования (ныне – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова) стала крупным актом меценатства рода.

Две части Строгановской вотчины в середине XVIII в. перешли по наследству в древние роды Голицыных и Шаховских. Род Голицыных, идущий от великого князя Литовского Гедимина, за 160 лет владения Нытвенского округа был представлен 14 лицами, относившимися к шести поколениям. Четверо владельцев имели высшие чины гражданской иерархии, пятеро имели еще и придворные чины и звания. Среди них выделяются попечитель Московского учебного округа и председатель Московского опекунского совета С. М. Голицын, посол в Испании М. А. Голицын, волонтер папской армии (лишенный всех прав состояния из-за отказа вернуться на родину) Ф. А. Голицын, жена обер-прокурора Святейшего Синода М. С. Извольская.

Породнившиеся роды Шаховских и Шуваловых за тот же период включили 17 заводовладельцев, относившихся к шести коленам (по женским линиям владение в пятом – шестом поколениях переходило в родственные фамилии Воронцовых-Дашковых, Балашовых, Булычевых, Долгоруковых, Бенкендорфов, Бобринских и Орловых). Среди заводчиков были предводитель петербургского дворянства и председатель губернского земского собрания А. П. Шувалов, член «Священной дружины» П. П. Шувалов,

а также жена министра Императорского двора и наместника на Кавказе Е. А. Воронцова-Дашкова, жена посла в Великобритании С. П. Бенкендорф и жена лидера Националистической партии М. Г. Балашова.

7. И. Л. Лазарев и потомки

Дворянский род армянского происхождения Лазаревых вошел в состав уральских заводчиков, когда придворный ювелир и владелец Фряновской шелковой мануфактуры Иван Лазаревич Лазарев (с именем которого связано появление в царской сокровищнице знаменитого алмаза «Орлов») сначала арендовал (в 1771–1777 гг. Билимбаевские заводы А. С. Строганова), а затем и купил части Строгановской вотчины с Чёрмозским (у наследников Г. Н. Строганова в 1778 г.) и Хохловским (у М. А. Строгановой в 1784 г.) заводами. Путем объединения двух имений и строительства новых предприятий он завершил формирование Чёрмозского горнозаводского округа. В 1768 г. И. Л. Лазарев получил титул барона, в 1788 г. – графа Священной Римской империи, но не сумел закрепить его за своей ветвью рода из-за гибели единственного сына Артемия. В такой ситуации он передал владение (в 1801 г.) своему младшему брату Екиму Лазаревичу.

Этот владелец еще при жизни совершил предварительный раздел доставшегося от брата Пермского имения (в 1821–1822 гг.) между тремя сыновьями, передав его в общее владение Ивана Екимовича и Христофора Екимовича. Пересмотр условий раздела (в 1826 г.) привел к вступлению в права владения после смерти отца третьего его сына Лазаря Екимовича, враждовавшего со старшими братьями. Конфликт между ними был временно урегулирован разделом 1840 г., но вновь возобновился после кончины И. Е. Лазарева (в 1858 г.). Новый раздел, заключенный в 1860 г., окончательно вывел Л. Е. Лазарева из владения Чёрмозскими заводами, сохранив их за Х. Е. Лазаревым.

Вскоре престарелый владелец передал управление своему зятю С. Д. Абамелеку, жене которого, Елизавете Христофоровне, после смерти отца (в 1871 г.) и по разделу с матерью и сестрами (в 1872 г.) досталось уральское имение. В результате оно перешло в род князей Абамелеков, в 1873 г. получивших титул князей Абамелек-Лазаревых. По наследству от матери заводы (в 1904 г.) перешли сыну Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву, занимавшемуся управлением ими еще с 1887 г. В его владении в Пермском имении получило развитие не только металлургическое производство, но и добыча каменного угля, соляная, лесная и платиновая отрасли, что позволило избежать акционирования этого крупнейшего на Урале многоотраслевого промышленного комплекса. Не имевший прямых наследников С. С. Абамелек-Лазарев (умер в 1916 г.) завещал имение в пожизненное владение жены Марии Павловны (урожденной Демидовой – Сан-Донато) и в собственность племянника князя Ивана Сергеевича Мещерского.

С 1778 по 1918 г., т. е. за 140 лет, владельцами Чёрмозского округа оказались всего 12 представителей рода Лазаревых – Абамелек-Лазаревых, относившиеся к пяти поколениям от первого приобретателя. В состав владельцев за это время входили пятеро военных и штатских генералов, четверо имели придворное звание. Среди владельцев был советник Государственного банка и член правления Заемного банка И. Л. Лазарев, член Горного совета при Министерстве торговли и промышленности С. С. Абамелек-Лазарев, жена министра народного просвещения А. Х. Делянова. С именами И. Л. Лазарева и его брата Е. Л. Лазарева связано основание Института восточных языков в Москве, который впоследствии всемерно поддерживали наследники. Их правнук С. С. Абамелек-Лазарев, будучи историком по образованию, осуществил несколько научных экспедиций на Восток, в ходе которых был обнаружен, в частности, знаменитый Пальмирский таможенный тариф. Свою римскую виллу «Абамелек» он завещал Академии художеств, а в случае отказа передавал Академии наук для организации «исторического института».

8. А. Ф. Турчанинов и потомки

Одним из первых заводчиков Урала стал соликамский бургомистр Михаил Федорович Турчанинов, когда в 1731 г. построил Троицкий медеплавильный завод около Соликамска. После его кончины в 1733 г. это предприятие досталось вдове и дочери Федосье Михайловне, вышедшей замуж за Алексея Федоровича Турчанинова, который после ее кончины (в 1763 г.) унаследовал завод (закрыт в 1770 г. «за неимением надежных руд»). Он и стал основателем (во втором его браке с Ф. С. Сушиной родилось восемь детей) разветвленного рода владельцев Сысертских заводов, доставшихся ему от казны в 1757 г. После его кончины (в 1787 г.) наследование пошло по трем мужским ветвям (сыновей Алексея, Александра и Петра) и пяти женским линиям (дочерей Екатерины Кокошкиной, Натальи Колтовской, Елены Титовой, Надежды Ивелич и Анны Зубовой). К середине 1830-х гг. (в результате внутрисемейных переделов, сопровождавшихся острыми конфликтами) владение сконцентрировалось в руках наследников Александра, Петра, Н. А. Колтовской и графини Н. А. Ивелич.

В 1861 г. из-за финансовых трудностей округ был взят в казенное управление, во время которого между владельцами и их кредиторами развернулась борьба за заводы, завершившаяся в 1864 г. их возвращением в управление владельцев. С 1870 г. состав владельцев стал заметно меняться за счет происходивших наследований и перепродаж долей владения, в результате чего к 1913 г. ими оказались 13 чел.: трое представляли ветвь П. А. Турчанинова, девять – ветвь А. А. Турчанинова (принадлежали к фамилиям Боглевских, Семеновых, Тыртовых и Черкасовых), один – линию Н. А. Колтовской. Этот совладелец – внук Колтовской Дмитрий Павлович Соломирский – сконцентрировал в своих руках 4/5 долей владения и фактически управлял заводами. Несколько предпринятых владельцами попыток

продать округ увенчались успехом в 1913 г., когда Сысертские заводы перешли английской акционерной компании с небольшим участием Д. П. Соломирского.

Таким образом, в составе уральских заводчиков род, идущий от А. Ф. Турчанинова, был представлен 55 лицами владельцев Сысертского округа, принадлежавшими к шести поколениям. За 156 лет владения они породнились с родами князей Грузинских, графов Ивеличей, нетитулованными дворянскими родами Зубовых, Кокошкиных, Колтовских, Черкасовых, Тыртовых, Окуневых, Титовых, Языковых, Семеновых, Янковских, Боглевских и Батмановых. Среди совладельцев были предводитель дворянства Нижегородской губернии, председатель губернской земской управы А. А. Турчанинов, один из основателей российского подводного флота А. Н. Черкасов, начальник оперативной части Морского генерального штаба и Главного управления кораблестроения В. Н. Тыртов, ученый-орнитолог, почетный член Уральского общества любителей естествознания Д. П. Соломирский.

9. Заключение

Описанные нами шесть наиболее значительных родов уральских горнозаводчиков были не только самыми многочисленными, но и владели уральскими заводами наиболее продолжительное время, а, следовательно, были успешными в своей предпринимательской деятельности. По количеству владельцев эти роды представляли примерно половину всех заводчиков Урала имперского периода. Поэтому их эволюция является довольно показательной, она включала многие типичные для других предпринимательских родов процессы, такие как обретение, укрупнение, дробление и утрата собственности, смена сословного статуса и интеграция в привилегированный слой российского дворянства, профессионализация предпринимательской деятельности и падение ее приоритетного значения, складывание разнообразных вариантов внутрисемейных отношений и изменение форм наследования имущества и пр.

Заметно, что в истории их владения заводами случались факты дробления хозяйств и продажи заводов (так, Демидовы утратили восемь из 10 принадлежавших им округов, а строгановские владения сократились на четверть за счет продажи двух из шести заводских комплексов). Причиной продажи становились, как правило, финансовые проблемы заводов и заводчиков. Во многом этому способствовало изменение социального облика владельцев – из организаторов производства и универсальных специалистов, какими, как правило, были представители первых поколений рода, они превращались в «заводчиков-помещиков», которые отходили от непосредственного управления и переключались на иные занятия, свойственные приобретенному или унаследованному дворянскому статусу [Акторы, 2016].

Персональный состав владельцев наглядно свидетельствует о «вторичности» предпринимательских занятий у большинства из них. Это было следствием не только нобилитации, но и завершенности процесса формирования окружной системы заводского хозяйства с присущей ей моделью дистанционного управления, которая могла успешно функционировать и без непосредственного участия владельца. В крепостное время владельцы передавали свои управленческие функции обученному служительскому персоналу, а после отмены крепостного права – наемным специалистам из числа инженеров и менеджеров. За ними сохранялось лишь участие в решении вопросов финансирования заводов и наследования собственности. Важнейшей обязанностью владельцев оставалось также назначение высшей заводской администрации, способной к эффективному управлению крупным и многоотраслевым хозяйством.

Заметно также, что история родов неоднократно сопровождалась острыми семейными конфликтами, которые являлись, как правило, следствием формирования так называемого «многовладения». Эта сложносоставная форма владения складывалась на определенном этапе развития хозяйства, когда оно приобретало окружную организацию, сбалансированную по производственным и социальным параметрам. В таком случае при межпоколенческом транзите приходилось дробить не заводы (как это зачастую происходило в XVIII в.), а право владения ими, что и приводило к образованию «многовладения», когда одновременно владельцами становились несколько близких или дальних родственников. У Демидовых, ранее других родов подключившихся к горнозаводскому предпринимательству, это произошло при переходе от третьего поколения к четвертому. У Яковлевых и потомков И. С. Мясникова, развернувшихся на Урале позднее, «многовладение» сложилось быстрее, при переходе от второго поколения к третьему. Временем перехода от «моновладения» к «многовладению» не случайно стал рубеж XVIII и XIX вв., когда завершилось формирование горнозаводских округов на Урале.

Свойственная «многовладению» конфликтность негативно влияла не только на взаимоотношения между родственниками, но и на развитие заводов. Проблемы, связанные с организацией управления или с финансированием заводов, возникали, например, во время конфликта между братьями Лазаревыми в 1820–1850-е гг. или между наследниками А.Ф. Турчанинова в 1820–1830-е гг. Порой они ставили владельцев на грань банкротства и утраты собственности. Благоразумные заводчики пытались предотвратить возможные конфликты, осуществляя денежный или имущественный «выдел» части наследников (как, например, действовали Демидовы, Лазаревы, Белосельские-Белозерские), либо скупая части владения (как Соломирские), либо превращая заводское имение в майорат (как Строгановы). Это вело к

сокращению состава владельцев и достижению основной цели – установлению стабильного и бесконфликтного владения и управления горнозаводским имением.

При большом количестве совладельцев способом предотвращения конфликтных ситуаций становилось создание семейно-паевых товариществ с четкой, законодательно оформленной регламентацией прав владения и управления совместным имуществом (из рассмотренных родов примеры этого показали Яковлевы, Демидовы, Шуваловы). Способом оптимизации владения и управления, а также получения дополнительных инвестиций для затратной индустриализации в конце XIX – начале XX в. стало акционирование заводов, которое инициировалось самими владельцами. Меняя свой правовой статус и превращаясь из владельцев заводов во владельцев акций, они в то же время получали возможность перейти от сложной нотариальной формы преемственности права владения к упрощенной форме свободной передачи акций. При этом организация управления и механизм принятия решений, характерные для корпоративной формы собственности, способствовали профилактике конфликтов между владельцами паев или акций.

Можно констатировать, что в длительной – полутора- и даже двухвековой – истории наиболее значительных родов уральских заводчиков наблюдались как явления, благотворно действовавшие на развитие сложноорганизованного бизнеса, так и негативные, затруднявшие динамичное развитие заводов. Главным условием поступательного движения при этом становилось сочетание организаторских способностей владельцев с ресурсным потенциалом принадлежавших им горнозаводских округов. Органичное взаимодействие этих двух факторов имело решающее влияние на успешность и длительность горнозаводского предпринимательства не только представленных, но и многих других родов уральских горнозаводчиков.

Список литературы

Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев [и др.]. – Екатеринбург : БКИ, 2016. – 316 с. – Текст : непосредственный.

Неклюдов, Е. Г. Предприниматели Урала XVII – начала XX в.: справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / Е. Г. Неклюдов, Е. Ю. Руссуев, Е. А. Курлаев, В. П. Микитюк. – Екатеринбург : УрО РАН, 2013. – 128 с. – Текст : непосредственный.

Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения / Е. Г. Неклюдов. – Нижний Тагил : Изд-во НТГСПА, 2004. – 600 с. – Текст : непосредственный.

Неклюдов, Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения / Е. Г. Неклюдов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2013. – 664 с. – Текст : непосредственный.

Павленко, Н. И. История металлургии в России в XVIII в. (Заводы и заводовладельцы) / Н. И. Павленко. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 566 с. – Текст : непосредственный.

Статья получена: 02.11.2021

Статья принята: 13.12.2021

URAL FACTORY OWNERS OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURY: SIGNIFICANT FAMILIES

E. G. Neklyudov

Institute of History and Archeology
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
ntplant9@mail.ru

Abstract. The article presents the history of the ownership of the six most significant families of the Ural mining factory owners of the 18th – early 20th centuries, which were distinguished by the longest – one and a half and even two centuries – duration of ownership. These include branched genera descending from N. D. Demidov, S. Ya. Yakovlev, I. S. Myasnikov, Stroganovs, A. F. Turchaninov and I. L. Lazarev. The aim of the study is not only to reconstruct this history, but also to identify the factors that influenced its duration. It turns out that in the history of the ownership of the clans of the Ural breeders, there were both phenomena that had a beneficial effect on the development of a complex business, and negative ones that hindered the progressive development of factories. The main condition for its forward movement in this case was the combination of organizational skills of the owners with the resource potential of the mining districts belonging to them. It is concluded that the organic interaction of these two factors had a decisive influence on the success and duration of mining business not only represented, but also many other families of the Ural mining breeders.

Key words: Ural, XVIII – early XX centuries, mining factory owners, mining business

References

Neklyudov, E. G. (2013). *Ural'skiye zavodchiki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural factory owners in the second half of the XIX – early XX century: owners and possessions]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Neklyudov, E. G. (2004). *Ural'skiye zavodchiki v pervoy polovine XIX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural factory owners in the first half of the 19th century: owners and possessions]. Nizhny Tagil: NTGSPA.

Neklyudov, E. G., Rukosuev, E. Yu., Kurlaev, E. A. & Mikityuk, V. P. (2013). *Predprinimateli Urala XVII – nachala XX v.: spravochnik. Vyp. 1. Ural'skiye gornozavodchiki* [Entrepreneurs of the Urals of the 17th – early 20th

centuries: a reference book. Issue 1. Ural mining breeders]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Pavlenko, N. I. (1962). *Istoriya metallurgii v Rossii v XVIII v. (Zavody i zavodovladel'tsy)* [History of metallurgy in Russia in the 18th century (Plants and factory owners)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

Poberezhnikov I. V. (Ed.). (2016). *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noye izmereniye* [Actors of Russian imperial modernization (18th – early 20th centuries): regional dimension]. Yekaterinburg: BKI.

Submitted: 02.11.2021

Accepted: 13.12.2021

УДК 316.7

МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

А. М. Олешкова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
oleshkova@bk.ru

Аннотация. В условиях конфликтности современного информационного пространства и активизации политической новостной повестки дискурс социальных медиа представляет собой пересечение трех дискурсивных пространств: официальный политический дискурс, новостной дискурс СМИ, интернет-комментарии. Война риторик по поводу политических процессов и явлений, а также стремление политизировать изначально неполитические события позволяют рассматривать дискурс социальных сетей как квазиполитический и идеологический. Пересечение обозначенных дискурсов актуализирует идентичность говорящего субъекта. В условиях реализации медиадискурса феномен идентичности следует понимать как динамический, а говорящего субъекта считать обладателем множественной идентичности. Для обозначения собственного Я субъект, во-первых, конструирует образ врага и пишет свою собственную историю (в узком и широком смыслах). Во-вторых, отстаивает определенный «этос», который можно представить в бинарной оппозиции «либерал – консерватор». «Либерализм» и «консерватизм» следует считать философскими направлениями и идеологиями. С точки зрения когнитивного и дискурсивного подходов эти категории также являются фреймами и концептами.

Ключевые слова: идентичность, сетевой дискурс, либерализм, консерватизм, квазиполитический дискурс, идеология.

1. Введение

Современное информационное пространство можно представить в виде нескольких пересекающихся сфер, в которых важное место принадлежит социальным медиа. Среди разнообразных ресурсов социальных медиа особое место занимают социальные сети, в рамках которых пользователи могут не только узнавать актуальные события, но и обсуждать их, предоставляя свои варианты их интерпретации. Самопрезентация субъекта в сети корректируется и дополняется в процессе общения с другими пользователями. Социальные сети стали новыми медиа, в которых, с одной стороны, актуальная информация появляется более оперативно, и возможны альтернативные версии происходящих событий, но с другой стороны – данные площадки могут содержать сведения разной степени достоверности. Поток событий, который выражен для пользователя в информационной ленте, является субъективно выстроенным информационным фоном, в котором говорящий субъект одновременно проявляет и конструирует свою идентичность.

Для классических и новых СМИ характерны идеологические и культурформирующие функции. Однако именно последние обладают двойственной ролью, поскольку предоставляют говорящему субъекту возможность обратной связи в коммуникации и вовлекают в процесс формирования нового знания большее количество других субъектов и факторов, определяющих новые знания и оценки актуальных процессов и явлений. Множество сообществ (групп, пабликов), которые существуют в социальных сетях, отражают индивидуальные интересы пользователя, а также специализируются на распространении общественно-политической информации разной степени масштабности: от федеральных до местных новостей и частных происшествий. Важно понимать, что сама идея коммуникации посредством социальных медиа предполагает понятие «сеть», которое в социальных науках существует с середины XX века. В определении данного понятия используется словосочетание «группы узлов» [Воронкин, 2014, с. 651]. Специфику горизонтальных коммуникаций можно отразить с помощью постмодернистской категории «ризом»: переплетение коммуникации и сюжетов, о которых заявляет говорящий субъект, можно представить разноуровневыми элементами, соотношение между которыми не является однозначным.

2. Материал и методика исследования

Источниковую базу исследования представляют сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: Life.ru; РИА Новости; Большая игра: История, Общество, Герои; Вторая мировая, объективный взгляд; Мэш; Вселенная мемов и комиксов; Моделизм Юга; Я в шоке; Суровый технарь; Наследие империи; Железная утка; ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм.

Выбраны политические и неполитические паблики с целью охарактеризовать особенности квазиполитического дискурса как универсального дискурса, для которого характерны идеологичность и амбивалентность актуализированных тем.

Дана характеристика лингвокоммуникативной модели конструирования образа «своих» и «чужих». Посредством дискурсивного конструирования определена специфика социального взаимодействия в сетевом пространстве. В анализе медиадискурса учитывается тезис Н. Фэйрлоу о дискурсе как практике репрезентации и конструирования [Fairclough, 1992, p. 64–65]. Также разделяется точка зрения С. Жижека о том, что отождествление субъекта с тем или иным значимым признаком – следствие символической идентификации [Жижек, 1999, с. 109].

3. Анализ механизмов дискурсивной идентификации

Обращение к феномену «медиадискурс» требует прояснения статуса понятий «дискурс» и «политический дискурс». В диссертационном исследовании Е. И. Шейгал показаны дискуссионные вопросы относительно содержания термина, систематизирована историография проблемы. В нашем

случае важны следующие обобщения, позволяющие очертить сферу «политического» и сравнить выявленные признаки с дискурсом социальных медиа, аккумулирующим темы, связанные с политикой, но не являющиеся в первую очередь политическими. В анализе теории зададимся рядом проблемных вопросов, которые помогут в интерпретации эмпирического материала.

1) Если политический дискурс – это «то, как говорит политика», будут ли повседневные разговоры о политических новостях примером политического дискурса?

2) В каждом дискурсе действует четкая система ограничений?

3) Каковы методологические возможности исследователя по определению интенций субъекта в разных типах дискурсах?

4) Если сфера политики присутствует в разговоре, но разговор посвящен конкретной экономической, спортивной, религиозной или иной проблеме – как будет квалифицирован такой дискурс?

5) В каком случае нужно разделять политический дискурс и медиадискурс (и нужно ли разделять), если «говорящий субъект» – политик или комментатор политического действия [Шейгал, 2000, с. 24–25, 34].

На наш взгляд, эпоха социальных медиа позволяет иначе посмотреть на понятийный аппарат дискурсивных исследований. Во всем многообразии «групп узлов» социальных сетей показательно, что социальные медиа стали ключевой площадкой для формирования у субъекта собственной картины мира, в ней важную роль играет идеологическая позиция самого субъекта, которая находит свое проявление в самых разных темах: от повседневных и досуговых развлечений до анализа исторических и политических процессов с разной степенью академизма. Социальные медиа и их пользователь формируют комплексный дискурс, в котором при видимом отсутствии ядра (ризомы) все-таки имеется системообразующий фактор – это квазиполитическая дискуссия, которая порождается посредством пересечения трех дискурсивных пространств, определяющих идентичность говорящего субъекта: официальные заявления / действия (политический дискурс как перформатив) политических акторов; новостная интерпретация данного заявления / действия со стороны СМИ; интернет-комментарии представленных событий субъектом, коммуникация с другими пользователями.

Лингвокоммуникативная модель реализации дискурсивных практик в медиадискурсе позволяет конструировать образ чужого при помощи лингвистических, прагматических, а также мультимодальных средств (например, при помощи интернет-мемов). Дискурс социальных медиа (сетевой дискурс) создает возможность смешения разных источников, уровней, способов предоставления информации и критериев ее отбора. Субъект получает возможность манифестации своей идеологической позиции на разном материале, что он и делает, политизируя изначально неполитические темы.

Этому способствует сама структура социальных медиа, динамичность информационной повестки и оперативность ее репрезентации, акцент на конфликтогенных сюжетах современности, технологическое усовершенствование их подачи в пространство коллективного обсуждения.

Высокая роль горизонтальных связей, укрепляющихся посредством социальных медиа и самой структуры Интернет-коммуникации, в которой важную роль играет не только и не столько первоисточник информации, сколько комментариев к нему (а также комментариев на комментарий), обуславливают необходимость переосмысления институциональных основ политического дискурса, процесса его трансформации в дискурс квазиполитический.

Если классические СМИ формируют определенные образы политического актора или политических процессов, явлений, которые так или иначе завершены в пределах данного дискурса, то в социальных медиа спектр всех артикулируемых оценок, во-первых, постоянно расширяется, во-вторых, не может быть сведен к однозначному образу и выражается через дихотомии. Уже тенденции развития политического дискурса, зафиксированные в конце 90х гг. XX в. [Романова, 2007, с. 177], содержат в себе потенциал трансформации политической коммуникации, позволяющий констатировать проецирование политических тем на иные сферы дискуссии в сетевом дискурсе, сложившемся за последние 10-15 лет (Социальная сеть «ВКонтакте» запущена в 2006 году).

Среди таких тенденций исследователи отмечали многообразие и расширение жанров политической речи; переход от монолога к диалогу и в дальнейшем полилогу; увеличение количества «говорящих субъектов», которых можно категоризировать по разным критериям (с точки зрения идеологического спектра, с позиции включенности субъектов в информационную повестку); усиление личностного начала в коммуникации, спонтанность и эмоциональность манифеста. Эти тенденции тесно связаны с развитием Рунета, укреплением позиций мультимодальности в коммуникации, набирающей популярности социальных медиа.

Политизация неполитических явлений и процессов (с позиции деления на основные сферы общества: политическая, социальная, экономическая, духовная) и погружение таких «гибридных» тем в пространство социальных медиа позволяют говорить о категории «квазиполитического». Медиадискурс, аккумулирующий квазиполитические темы, обладает общим знаменателем с политическим дискурсом в отношении высокой роли в нем властного и идеологического компонентов.

Отдельным вопросом в данной теме является природа формирования идеологии и власти. Теория ложного сознания позволяет считать идеологические высказывания субъекта в социальных медиа привнесенными извне, некритически присвоенными из политического дискурса, являющи-

мися результатом манипуляции. В этом отношении следует учитывать переходы и сложное переплетение между понятиями «идеология», «агитация» и «манипуляция». С точки зрения С. Жижека, идеология необходима для того, чтобы укрыться от невыносимой действительности [Жижек, 1999, с. 52]. Она является конструкцией, фантазмом самого субъекта, который связан не только с политической реальностью, а пронизывает все бытие субъекта, является одновременно его опорой, способом объяснения всего происходящего с ним, а также индикатором того, кто есть он сам. В этой связи понять идеологию субъекта можно не только через обсуждение именно политической проблематики, но по особенностям организации его повседневного опыта и общения.

Интенция борьбы за власть в процессе коммуникации представляется важной для реализации квазиполитического дискурса. Через язык проявляется власть. Власть отражает намерение и способность «говорящего субъекта» утвердить свою правоту в той или иной теме. В этой связи представляются значимыми две линии поведения: доминирование, актуализация своей позиции и поиск единомышленников, с которым связано понятие идентичности. В семантическом отношении в понятии «власть» переплетаются такие термины, как «контроль», «превосходство», «влияние» [Шейгал, 2000, с. 100]. Здесь также следует учесть позиции М. Фуко и С. Жижека. Применительно к анализу медиадискурса важна процедура контроля над дискурсом, в которой ключевую роль могут играть практики исключения, табу. «Говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно» [Фуко, 1996, с. 51]. В случае социальными сетями возможны стратегии исключения из сообщества, из конкретного диалога, когда субъекта высказывает точку зрения, неприемлемую этике группы. С. Жижек описал модель насилия, которая помимо субъективного и объективного насилия включает символические формы данного явления [Жижек, 2010, с. 5–6]. Язык отражает социальное господство одного субъекта над другим, что может проявляться в повседневных речевых практиках, которые на первый взгляд могут казаться рутинными.

Идентичность связана с идеологией. Получение власти над говорящим социумом позволяет подтвердить свою субъектность, доказать наличие своего Я. Стратегии, которые используют говорящие субъекты вписываются в трактовку легитимации, представленную Бергером и Лукманом: объяснение и оправдание [Бергер, Лукман, 1995, с. 103]. В условиях реализации квазиполитического дискурса легитимацию идеологической позиции говорящего субъекта можно представить в бинарной оппозиции «либерал – консерватор», в рамках которой субъект описывает врага и враждебный мир, создавая на этом фоне «свой».

В понятии квазиполитический дискурс «квази» указывает на множественность того явления, которое претендует на статус ядра, и обозначает смешение, пересечение разных сфер, одной из которых является «политика», а второй – любая другая неполитическая сфера.

1) «Экономика»: *вы почему то этого ждете и изо всех сил желаете своей стране, как "нефть по 10" "доллар по 200" в 13-14г. не дожидаетесь (...) так что видимо ты только эту "либеральную пропаганду" и читаешь... или сам и пишешь..* (Железная утка. URL: https://vk.com/iron_duck?z=photo-127662176_457327938%2Falbum-127662176_00%2Frev).

2) «Спорт»: *Россия где-то (например, в футболе) обогнала другую страну?* (Суровый технар. URL: https://vk.com/brutalengineer?w=wall-31969346_2989589).

3) «Религия»: *Либералы, коммунисты, нацисты, прогрессисты и гедонисты принадлежат к материалистической концепции, поэтому применение к ним эпитета "православный", "христианский" недопустимо* (Наследие империи. URL: https://vk.com/nasledieinfo?w=wall-199689008_4317).

4) «Гендерные отношения»: *Либералы, которых заботят права личности, включая женщин – но не заботит сохранение строгой границы полов* (ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм. URL: https://vk.com/faktionas?w=wall-36043735_306845) и др.

«Либерализм» и «консерватизм» понимаются и как философия, и как идеология; как концепт, и как фрейм. Учитывается длительная эволюция данных интеллектуальных течений, а также их редукция в современном сетевом дискурсе, выраженная в противопоставлении и взаимной негативизации со стороны условных адептов направления. Основными идеями, характерными для «либерализма», являются ценности индивидуальной свободы и самовыражения, права человека, частная собственность, самоуправление [Тищенко, 2016, с. 286; Бешанова, 2019, с. 29]. Для «консерватизма» характерен традиционализм, вера в традиционный порядок, идея моральной ответственности за его сохранение [Константинов, Николаев, 2013, с. 214–215].

Анализ проявления идеологической позиции (в значении и как следствия чужого мнения, и как конструкта) в сетевом дискурсе помимо выше обозначенных сложностей в интерпретации, связанных с понятием «идеология», сопровождается проблемой верификации с учетом особенностей структуры социальных медиа и способов коммуникации в них. Анонимность и потенциально возможный троллинг (провокация) в социальной сети обуславливают сочетание разных идеологических позиций субъекта на одно и то же явление.

Квазиполитический дискурс обладает рядом особенностей. Для общения в социальных медиа характерны агрессивные и эмоциональные дискуссии, представленные в интернет-комментариях к новостям. Говорящие субъекты используют обценные выражения, язык вражды, язык Лурка.

При этом следует пояснить, что понятие «hate speech» (язык вражды) подразумевает разные классификации и трактовки. В том числе существуют моральное и правовое измерения данного словосочетания. С учетом такого феномена, как символическое насилие, следует отметить, что практики проявления отрицательного отношения к Другому не обязательно должны быть выражены в явно оскорбительной или экспрессивной форме. Например, отрицая явление, как бы не замечая его, не включая в свой дискурс, субъект также может проявлять свое доминирование, отказывая субъекту в его праве на субъектность.

В квазиполитическом дискурсе активно формируются новые слова и выражения, представленные разной степенью прецедентности. Сетевой дискурс представляет собой примеры блендинга и языковых игр, в результате которых возникает новое явление, понятное в широком конкретно-историческом измерении (онлайн+офлайн), например, неологизм *Brexit* (*Брексит*) получил фактически официальный статус. Или же прецедентное в более узком измерении: например, *Тереза Мэйби* на основе имени премьер-министра Великобритании зафиксирована неуверенная позиция Великобритании в отношении выхода из Евросоюза; *дядя и тетя Сэм* – обозначение Д. Трампа и Х. Клинтон в российской прессе в период американской президентской кампании 2016 года [Словарь перемен, 2018, с. 173].

Медиадискурс – это канал квазиполитической коммуникации. При этом возможна связь онлайн- и офлайн-пространств. В том смысле, что первичное формирование того или иного выражения или отдельного слова/понятия, которое может претендовать на статус «концепта», может происходить первоначально как в онлайн-, так и в офлайн-сфере.

Специфической характеристикой квазиполитического дискурса является его способность конструировать бинарную картину мира. Линии противостояния проявляются в обсуждениях как собственно политических тем (во внешней политике – весь спектр современных отношений России и стран Запада, переговоры, встречи, заявления; во внутренней политике – социальная политика, проблемы коррупции, принятие новых законов), так и событий и процессов, связанных с иными подсистемами общества: экономика (курс рубля, нефти), спорт (чемпионаты мира по футболу, олимпийские игры), культура (музыкальные конкурсы «Евровидение»), религия (например, роль РПЦ в современном российском обществе) и др.

Редуцированные позиции в исторической перспективе более сложных и взаимопереплетающихся идей либерализма и консерватизма в сетевом пространстве выражены во взаимном конструировании образа врага, как

внешнего (проекция на зарубежные страны в случае с негативизацией образа либерализма), так и внутреннего (условные «адепты» западной идеологии). Конструирование образа «консерватора» не сопровождается переносом смыслов или апелляции к другим государствам, в том смысле, что с ними не связывается формирование источника данных идей, как в случае с созданием образа «либерализма». Однако понятие «консерватизм» в значении «ретроградный», «деспотичный» может сопоставляться с примерами недемократических режимов, характерных для современных стран Азии и Африки.

Взаимная негативизация условных «консерваторов» и «либералов» выражена в бинарной оппозиции, представленной в сетевом дискурсе обозначениями *либераст* – *православнутый*. Образы либералов, выраженные в идеологеме «либерасты», характеризуются как предатели, которые не отвечают за свои слова, их место – тюрьма, у них нет ценностей, ведь они прислуживают Госдепу США. Образы консерваторов, выраженные в идеологеме «православнутые» представляются гомофобами, оказываются связанными со сталинистами, нацистами, не обладают гибким мышлением. В обоих случаях сделан акцент на перверсиях, неполноценности противоположной позиции.

Представляется, что обозначенные наименования начинают активно проявляться в период формирования квазиполитического сетевого дискурса, начиная с конца 2011 года (выборы в Государственную думу РФ), и используются в Рунете до сегодняшнего времени как способы демаркации противоположных позиций на разные политические и неполитические события. Существуют разные точки отчета, фиксирующие появления тех или иных слов и выражений [Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018]. Однако важно, что особенности дискурса социальных медиа заключаются в использовании закрепившихся наименований как в Интернет-пространстве, так и в классических медиа, что указывает на широкий прецедентный характер слов и словосочетаний, а также на значимость той общественно-политической проблематики, которая аккумулирована в языке.

Отдельным вопросом, который волнует пользователей, являются исторические события, в частности, связанные со Второй мировой войной. Квазиполитические дискуссии не сопровождаются отсылками к первоисточникам и не основываются на историографии темы. В целом, можно сказать, что в каждой идеологической позиции создается свой исторический нарратив. В рассуждениях на исторические темы для условных либералов образ консерватора связан с термином *победобесие* (трансформация слова «мракобесие»), для условных консерваторов негативизация образа либерала сопровождается в обвинении говорящих субъектов в *непатриотизме*.

В обоих случаях говорящие субъекты выражают скепсис относительно друг друга. Политизация исторических событий связана с привнесением в историческую картину мира современных геополитических реалий.

4. Заключение

Таким образом, современный сетевой дискурс, являющийся частью медиадискурса, можно расценить как квазиполитический, идеологический.

Такой тип дискурса сопровождается конструированием образа врага. Жижек со ссылкой на Петера Слотердайка дает характеристику образа Ближнего с наличием «изнанки» в качестве «невообразимого Другого как Врага». Такой абсолютный Враг в собирательном виде представляет собой совокупность чуждых суждений, которые не могут пересекаться, и желаемое «тождество» [Жижек, 2010, с. 47,49] ипостасей может быть не достигнуто. Вежливость и политкорректность, проявление которых мы видим в официальном дискурсе, могут отсутствовать в дискурсе неофициальном, сетевом, что разрушает те символические стены, которые выполняли функцию защиты от символического насилия.

Исследуя сетевой дискурс, обращаясь к примерам политизации исторических событий, а также процессов и явлений из сферы культуры, спорта, экономики и других неполитических феноменов, можно понять особенности не только квазиполитического дискурса, характерного для общения в социальных медиа, но и составить представление о самом квазиполитическом акторе, о том, кто является сторонником той или иной идеологии, и как он себе представляет ценности и нормы современного общества. При том, что дихотомия «либерал – консерватор» в сетевом дискурсе редуцирована до упрощенных смыслов, которые позволяют говорящим субъектам категоризировать социокультурное пространство и идентифицировать «своих» и «чужих», представляется, что сам говорящий субъект с учетом динамичности информационной повестки, не критичности, спонтанности и эмоциональности высказываемых суждений, потенциально возможного троллинга и изначальной анонимности социальных сетей не обладает монолитной идентичностью и способен высказываться в контексте двух идеологических позиций. Кроме того, следует иметь в виду, что академическое наполнение «консерватизма» и «либерализма» подразумевает пересечение смыслов и, например, наличие промежуточных концепций в формате «консервативного либерализма».

Современные СМИ, электронные варианты которых представлены как отдельными сайтами, так и группами в социальных сетях, формируют медиадискурс, который представляет собой условие конструирования и репрезентации идентичностей. В отдельных фрагментах сетевого дискурса говорящий субъект актуализирует свою идентичность, стремится усилить

свои позиции с целью повысить авторитетность собственного мнения. Отнесенность к «чужому» в сетевом дискурсе связана с процессами самоидентификации и идентификации. Дискурсивное конструирование «чужого» происходит посредством сравнения себя с другими и при помощи репрезентации в медиадискурсе. Также с учетом структурирования медиадискурса на три сферы (официальный дискурс, дискурс СМИ и интернет-комментарий), следует отметить, что позиции субъекта заведомо подвержены внешним воздействиям, таким образом, идентичность говорящего субъекта носит множественный и динамичный характер, представляя собой результат пересечения политической повестки, интерпретаций средств массовой информации и дискуссий с единомышленниками и оппонентами.

Список литературы

Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Н. Луман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.

Бешанова, Е. Фреймы «либерал» и «либерализм» в российском медиадискурсе / Е. Бешанова. – Текст : непосредственный // Медиаисследования: теории, практики, исследовательские перспективы. Материалы межвузовской конференции НИУ ВШЭ / Под ред. С.Г. Давыдова. – Москва : Издательские решения, 2019. – С. 28–43.

Воронкин, А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ / А. С. Воронкин. – Текст : непосредственный // Образовательные технологии и общество. – 2014. – №1. – Т. 17. – С. – 650–675.

Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 235 с. – Текст : непосредственный.

Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – Москва : Издательство «Европа», 2010. – 184 с. – Текст : непосредственный.

Константинов, М. С. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма / М. С. Константинов, И. В. Николаев. – Текст : непосредственный // Политическая концептология. – 2013. – № 4. – С. 213–226.

Романова, Т. В. Интент-анализ политического дискурса / Т. В. Романова. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 177–189.

Словарь перемен – 2014 / Сост. М. Вишневецкая. – Москва : Три квадрата, 2015. – 224 с. – Текст : непосредственный.

Словарь перемен – 2015–2016 / Авт.-сост. М. Вишневецкая. – Москва : Три квадрата, 2018. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Тищенко, Н. В. Либеральный дискурс / Н. В. Тищенко. – Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. – 2016. – №3–4(24–25). – С. 286–291.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с. – Текст : непосредственный.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : специальность 10.02.01 «Русский язык»; 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 431 с. – Текст : непосредственный.

Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 272 p. – Текст : непосредственный.

Список источников

Большая игра: История, Общество, Герои. URL: https://vk.com/big_igra.
Вселенная мемов и комиксов. URL: https://vk.com/vse_comics.
Вторая мировая, объективный взгляд. URL: <https://vk.com/ww2realview>.
Железная утка. URL: https://vk.com/iron_duck.
Моделизм Юга. URL: <https://vk.com/modelismsochi>.
Мэш. URL: <https://vk.com/mash>.
Наследие империи. URL: <https://vk.com/nasledieinfo>.
РИА Новости. URL: <https://vk.com/ria>.
Суровый технарь. URL: <https://vk.com/brutalengineer>.
ФАК-ТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм. URL: <https://vk.com/faktio-nas>.
Я в шоке. URL: <https://vk.com/ishok>.
Life.ru. URL: <https://vk.com/life>.

Статья получена: 01.11.2021

Статья принята: 12.12.2021

MEANS OF IDENTIFICATION IN MEDIA DISCOURSE

A. M. Oleshkova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
oleshkova@bk.ru

Abstract. In the context of the conflict-generating nature of the modern information space and the intensification of the political news agenda, the social media discourse is the intersec-

tion of three discourses: official political discourse, news media discourse, and Internet commentaries. The rhetoric wars concerning political processes and phenomena, as well as the need to politicize inherently non-political events, enable us to refer to the discourse of social media as quasi-political and ideological. The intersection of the designated discourses actualizes the identity of the speaker. Within media discourse, the phenomenon of identity should be understood as dynamic and the speaker considered as an owner of multiple identities. To define his own self, the subject, firstly, constructs the image of the enemy and writes their own history (in the narrow and broad senses). Secondly, they defend a certain narrative "ethos" that can be reduced to the binary opposition "liberal – conservative". "Liberalism" and "conservatism" are philosophical trends and ideologies. From the point of view of cognitive and discursive approaches, these categories are also frames and concepts.

Key words: identity, network discourse, liberalism, conservatism, quasi-political discourse, ideology.

References

Berger, P. & Luman, N. (1995). *Social'noe konstruirovaniye real'nosti*. [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.

Beshanova, E. (2019). Frejmy «liberal» i «liberalizm» v rossijskom mediadiskurse [Frames "liberal" and "liberalism" in the Russian media discourse]. Davydov S. G. (Ed.). *Mediaissledovaniya: teorii, praktiki, issledovatel'skie perspektivy* (pp. 28–43). Moscow: Izdatel'skie resheniya.

Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.

Fuko, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow: Kastal'.

Konstantinov, M. S. & Nikolaev, I. V. (2013). Frejmy i koncepty moral'nogo obosnovaniya konservatizma [Frames and concepts of the moral justification of conservatism]. *Politicheskaya konceptologiya*, 4, 213–226.

Romanova, T. V. (2007). Intent-analiz politicheskogo diskursa [Intent analysis of political discourse]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 5, 177–189.

Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. [Doctoral Dissertation, Volgograd State University].

Tishchenko, N. V. (2016). Liberal'nyj diskurs [Liberal discourse]. *Diskurs-Pi*, №3–4(24–25), 286–291.

Vishneveckaya M. (Ed.). (2015). *Slovar' peremen – 2014* [Dictionary of Changes – 2014]. Moscow: Tri kvadrata.

Vishneveckaya M. (Ed.). (2018). *Slovar' peremen – 2015–2016* [Dictionary of Changes – 2015–2016]. Moscow: Tri kvadrata.

Voronkin, A. S. (2014). Social'nye seti: evolyuciya, struktura, analiz [Social networks: evolution, structure, analysis]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*, 1, 17, 650–675.

Zhizhek, S. (1999). *Vozvyshennyj ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Moscow: Hudozhestvennyj zhurnal.

Zhizhek, S. (2010). *O nasilii* [On violence]. Moscow: Izdatel'stvo «Evropa».

Submitted: 01.11.2021

Accepted: 12.12.2021

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовков», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Суконщиков, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секеиной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих

текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемые сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

U	A (%)	B (%)
X	8	14,6
Y	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентно-

сти в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60–67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252–265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling's

Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motives as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.

